

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

2

2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социоло-
гический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 20.04.2023
Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
В.И. Добреньков
Заместитель главного редактора:
А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Ань Энжуй.</i> Тенденции и особенности изменения социальных потребностей китайского общества под влиянием пандемии COVID-19.....	4
<i>Бао Синькай.</i> Соотношение идей марксизма и традиционной культуры в китайском обществе.....	11
<i>Волков Ю.Г., Семенов Д.А.</i> Институт образования как фактор формирования российской гражданской идентичности.....	16
<i>Данкова В.В.</i> Семейные и репродуктивные установки молодежи Москвы: анализ результатов социологического исследования ...	25
<i>Лобойко Д.А.</i> «Новый класс» Милована Джиласа как описательная модель политико-административной элиты постсоветской России	36
<i>Фазульянова С.Н., Логинова И.А., Яковлев А.В.</i> Компетентность жителей Самарской области в вопросах кибербезопасности: опыт социологического измерения.....	40
<i>Лурье А.А.</i> Трудовая миграция и рынок труда России.....	49
<i>Равочкин Н.Н., Секачева В.М.</i> Трансформация досуговых практик молодежи под влиянием пандемии COVID-19: по результатам анкетирования молодежи Кемеровской области – Кузбасса	53
<i>Садькова Р.Р.</i> Социальное явление языковой мимикрии в зарубежной и отечественной литературе.....	59
<i>Сехлеян С.А.</i> Воздействие культурной глобализации на социальные институты России.....	65
<i>Тринадцатко А.А.</i> Цифровые дистанционные сообщества инвалидов по зрению как среда реализации их социокультурного потенциала ...	70
<i>Шукшина Л.В., Пожарская Е.Л., Когай И.А., Эйфир М.М.</i> Особенности влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность личности	81

<i>Яковлева О.И.</i> Особенности профессиональной социализации специалистов ГПС МЧС России при обучении в магистратуре.....	86
---	----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Гостенина В.И., Мельников С.Л.</i> Экономическая триада эффективности производства и ее современное дополнение – социальный капитал	93
<i>Ян Чжичэн.</i> Пути формирования инновационного климата в трудовом коллективе.....	101

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Скобелева Г.А.</i> Эстетическое восприятие времени в искусстве первой трети XX века: на примере романа «Волшебная гора» Т. Манна, монооперы А. Шёнберга «Ожидание» и пяти пьес для струнного квартета А. Веберна	109
---	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Новопашин С.А.</i> Влияние идей русского космизма в развитии философии трансгуманизма и постгуманизма	118
--	-----

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Полов В.В.</i> Социально-феноменологический подход к исследованию intersubjectивности в системе субъективного времени индивида с ограниченными возможностями.....	125
<i>Шафигуллин В.А.</i> Философские проблемы современного общества	131
<i>Шипунова О.Д., Квашенко Н.Ю.</i> Intersubjectивные факторы конструирования жизненного мира личности в цифровой культуре.....	138

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Александрова Е.А.</i> Проблемы самореализации мужчин и женщин в контексте отношений в семейной жизни	144
---	-----

Тенденции и особенности изменения социальных потребностей китайского общества под влиянием пандемии COVID-19

Ань Эньжуй,

аспирант, кафедра социальных технологий
социологического факультета, МГУ
им. М.В. Ломоносова
E-mail: enrui8585@gmail.com

Пандемия COVID-19 стала крупнейшим вызовом для всего мира, приведя к серьезным последствиям в китайском обществе. Используя методы описательной статистики, анализа и обобщения, на материале опросов китайского населения о социальной ментальности, в статье предпринимается попытка определения основных тенденций и особенностей, связанных с изменениями в социальных потребностях китайского общества в период с 2019 по 2022 г. В результате исследования обнаружено, что в условиях пандемии произошли изменения в социальной ментальности китайского общества, в частности снизилось чувство социального участия, увеличилось чувство социальной поддержки и возросло ощущение социального давления. Среди положительных последствий пандемии для социальных потребностей и восприятия общества были выявлены увеличение чувства социальной справедливости, веры в равные возможности для развития, а также возросло чувство социального доверия. Сделан вывод, что угроза эпидемии ведет к формированию нового типа общества с изменениями в социальной ментальности.

Ключевые слова. Социальные потребности, социальная ментальность, изменение, китайское общество, пандемия, COVID-19.

Пандемия COVID-19 стала важным фактором социального развития. Во всем мире она стала крупнейшим социальным шоком последних десятилетий, оказав влияние на многие аспекты жизни общества. Несмотря на то, что научный интерес к пандемии COVID-19 снижается, население по-прежнему обеспокоено общей эпидемической ситуацией [12]. В условиях ускоренного распространения пандемии, произошли определенные изменения в социальных потребностях и в ментальности общества, что позволяет говорить о формировании особой пост-ковидной социальной ментальности и трансформации социальных потребностей, ценностей и установок.

Китайское общество также испытало влияние пандемии COVID-19. Согласно последним исследованиям, влияние пандемии на социальную ментальность возросло в условиях более сильного экономического давления, проблем занятости и ограничений производства. Так или иначе, прямо или косвенно, значение пандемии для китайского общества, его ценностей и установок, потребностей и их удовлетворения, является достаточно существенным [3]. При этом, пандемия стала катализатором для ускоренного формирования общества риска с новыми взглядами на социальные отношения и общественные связи в Китае [8].

Как пишут Т.В. Семина и Го Вэй, «вопрос о методах социологического исследования пандемии был поставлен еще 100 лет назад, после того как по всему миру распространился так называемый испанский грипп» [6]. Изучение пандемий и их влияния на общество будет продолжать оставаться актуальным, поскольку возникновение такого заболевания является непредсказуемым, но его социальные последствия крайне велики. Все это определило необходимость

более глубокого изучения тенденций в изменении социальных потребностей в Китае, что в свою очередь обусловило актуальность темы статьи.

Цель статьи – определить тенденции и особенности изменения социальных потребностей в китайском обществе в условиях влияния пандемии COVID-19. В соответствии с целью, предполагается необходимым (1) определить понятие социальных потребностей и выявить его связь с понятием социальной ментальности; (2) выявить тенденции социальной ментальности китайского общества в 2019–2022 г.; (3) сделать вывод об особенностях изменения социальных потребностей китайского общества в условиях пандемии.

Изучаемое в рамках статьи понятие социальных потребностей имеет связь с социальной ментальностью, основными показателями которой выступают потребности и опыт лучшей жизни, счастья, безопасности, социальной поддержки, давления и справедливости [4]. Следует отметить, что социальная ментальность в работах разных авторов получила неодинаковое освещение. Так, некоторые исследователи, среди которых У Раульф, Е.Я. Таршис и другие, полагают нерациональным выделение в структуре социальной ментальности отдельных уровней [10; 11]. Другие считают, что социальная ментальность – это многоуровневый феномен, который позволяет выразить историческую изменчивость ценностей и установок общества [7]. А.П. Павлов пишет, что особенности потребностей человека определяются его социальной природой [9].

В решение вопроса о видах потребностей человека особый вклад был внесен А. Маслоу, согласно теории которого все потребности делятся на пять групп, включая физиологические, потребности в безопасности, в любви, в уважении, а также в самоактуализации, при этом последние находятся на вершине условной пирамиды потребностей, основанием которой соответственно выступают физиологические потребности.

Потребности человека не являются врожденными. Их формирование про-

исходит в процессе социализации и взаимодействия с другими членами общества. Более того, определенные социальные трансформации и изменения способны оказывать серьезное влияние на формирование тех или иных потребностей, а также определять степень, при которой человек будет считать свою потребность удовлетворенной. В последние годы наиболее существенное влияние на социальные потребности оказала пандемия новой коронавирусной инфекции.

Пандемия COVID-19 оказала влияние на социальное самочувствие, под которым Н.А. Вялых и О.А. Нор-Аревян подразумевают «субъективное восприятие и оценка личностью уровня своих достижений, степени реализации потребностей и эффективности жизненной стратегии с учетом социокультурного контекста и институциональных факторов» [5, с. 15]. П.А. Баев пишет, что пандемия – фактор роста общей социально-психологической напряженности, она оказала влияние на смысложизненные цели и ценности людей, их психологическое и физическое здоровье [2]. В целом, влияние пандемии на общество сводится к формированию общества рисков нового типа, изменениям в социальных сферах образования и здравоохранения, социально-психическом состоянии китайского общества, формированию новых социальных трендов в потреблении, обострению проблемы безработицы в стране, трансформации ценностей студенческой молодежи, а также увеличению разрыва в социальном благополучии сельских и городских территорий [1, с. 174].

Несмотря на то, что влияние пандемии COVID-19 на общество признается всеми исследователями, некоторые из них отмечают неоднородность в силе воздействия данного фактора на разные группы населения. Например, В.С. Чагин отмечает, что для социальной группы молодежи влияние пандемии наиболее существенно на психологическом уровне, чем на физическом, указывая среди последствий пандемии возникновение и усугубление развития депрес-

сивных и тревожных симптомов подростков и молодежи [13]. Кроме этого, влияние пандемии может различаться на уровнях социальной ментальности личности, семьи и общества.

Методика исследования в статье основывается на аналитическом изучении результатов опроса, проведенного Исследовательским центром социальной психологии Института социологии Китайской академии социальных наук в 2019, 2020 и 2022 гг. Выборка исследования состояла из 9621 чел. в 2019 г. (доля мужского и женского пола в выборке 44% и 56% соответственно, средний возраст $41,51 \pm 13,94$ года), из 10195 чел. в 2020 г. (мужчины 43%, женщины 57%, средний возраст $41,61 \pm 13,02$ лет), из 6168 чел. в 2022 г. (43% мужчин, 57% женщин, средний возраст

$42,68 \pm 12,16$ лет). Изучается динамика основных критериев оценки социального менталитета китайских участников опроса, включая потребности и опыт лучшей жизни, счастья, безопасности, социальной поддержки, социального давления и социальной справедливости.

По результатам опроса обнаружено, что в период 2019–2022 гг. произошло изменение потребностей китайского населения в лучшей жизни. В целом в течение исследуемого периода потребности людей в лучшей жизни и опыте лучшей жизни находились на уровне выше среднего (в среднем более 4,96). Более 80% людей сообщили об относительно высоком уровне хорошего жизненного опыта с точки зрения общества и семейных отношений (на долю которых приходится $\geq 88,75\%$) (см. рисунок 1).

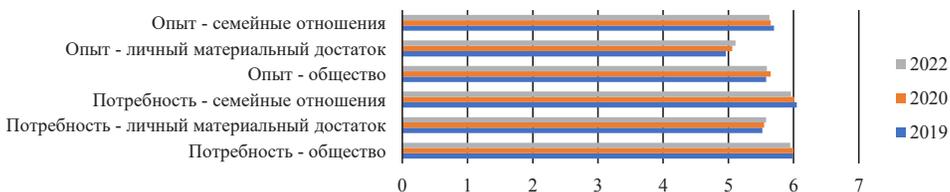

Рис. 1. Сравнение средних значений показателей потребностей и опыта лучшей жизни респондентов, 2019–2022 гг.

Сравнивая потребности в лучшей жизни в разные годы, установлено, что в 2022 г. произошло небольшое снижение потребности людей в лучшей жизни в измерениях национального общества и семейных отношений. Респонденты стали больше внимания уделять важности личных материальных аспектов для достижения лучшей жизни. В целом, результаты показывают, что у людей есть

высокие потребности и ожидания в отношении лучшей жизни и есть возможности для улучшения опыта лучшей жизни.

На основе анализа результатов опроса также было обнаружено, что в период 2019–2022 гг. произошло снижение социального чувства безопасности, в то время как уровень субъективного благополучия отмечает устойчивую тенденцию к росту (см. рисунок 2).

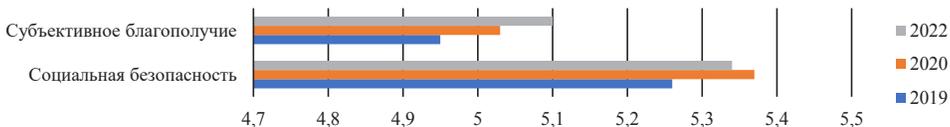

Рис. 2. Динамика социальной безопасности и субъективного благополучия респондентов, 2019–2022 гг.

Общее чувство безопасности в китайском обществе в 2019, 2020 и 2022 гг. находится на относительно высоком уровне (более 5,26), при этом более 70% респондентов полагают, что в целом

общество пребывает в безопасности. В то же время, степень общего чувства безопасности значительно не улучшилась, в 2022 г. повысилась значимость потребности в экологической безопас-

ности. Что касается чувства личной безопасности, безопасности дорожного движения и безопасности труда – здесь было отмечено незначительное увеличение, в то время как в сфере медицинской и лекарственной безопасности, безопасности пищевых продуктов наблюдалось снижение. Наконец, ощущение личной информационной безопасности в 2022 г. осталось почти на таком же уровне, что и в 2019 г.

По субъективному благополучию был отмечен уровень выше среднего, причем более 60% китайского населения имеют высокое субъективное благополу-

чие. Доля людей, испытывающих более высокую степень субъективного благополучия, в 2022 г. увеличилась на 9,86 п.п. по сравнению с 2019 г. и на 7,17 п.п. по сравнению с 2020 г. Однако в 2022 г. более 20% субъективного благополучия людей по-прежнему находились на уровне ниже среднего.

С точки зрения восприятия социальной среды немного снизилось чувство социальной поддержки, социального давления, а чувство социальной справедливости и доверия увеличилось (см. рисунок 3).

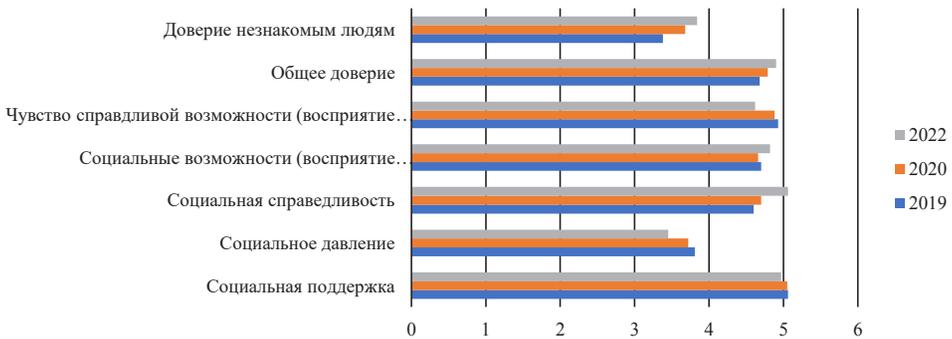

Рис. 3. Динамика показателей восприятия социальной среды респондентов, 2019–2022 гг.

Сравнивая чувство справедливости в последние годы, установлено, что общее чувство справедливости в 2022 г. стало выше, чем в 2019 и 2020 гг., а доля людей, признающих общую справедливость общества, в 2022 г. увеличилась на 14,96 п.п. Кроме того, ощущение справедливости возможности восходящей мобильности в 2020 г. также выше, чем в 2019 и 2020 гг., а доля людей, согласных с ощущением справедливости возможности восходящей мобильности, увеличилась. Однако ощущение справедливости возможности нисходящей мобильности в 2022 г. несколько ниже, чем в предыдущие годы.

Также было обнаружено, что в период с 2019 по 2022 гг. уровень участия гражданского общества несколько увеличился, но общий уровень общественного участия низок. Общее социальное участие людей в 2019, 2020 и 2022 гг. находится на умеренно низком уровне

(менее 3,19) и более 60% людей имеют низкую частоту общего социального участия. Среди них общественность имеет высокий уровень социального участия в таких видах деятельности, как соблюдение правил дорожного движения, стояние в очередях в транспортных средствах и экологичный туризм. Общественность также продемонстрировала определенный уровень социального участия в пожертвовании денег и товаров в помощь попавшим в ловушку и пострадавшим от стихийных бедствий людям, а также помощи незнакомцам.

Уровень социального участия населения в участии в волонтерских услугах, в онлайн-дискуссиях по социальным вопросам, сообщении мнений в государственные органы и СМИ, а также сообщении о коррупции в соответствующие ведомства относительно низок. Сравнивая уровень общественного участия населения в последние годы, обнаружи-

вается, что в 2022 г. он остался на таком же, как и в 2019 г. (см. рисунок 4).

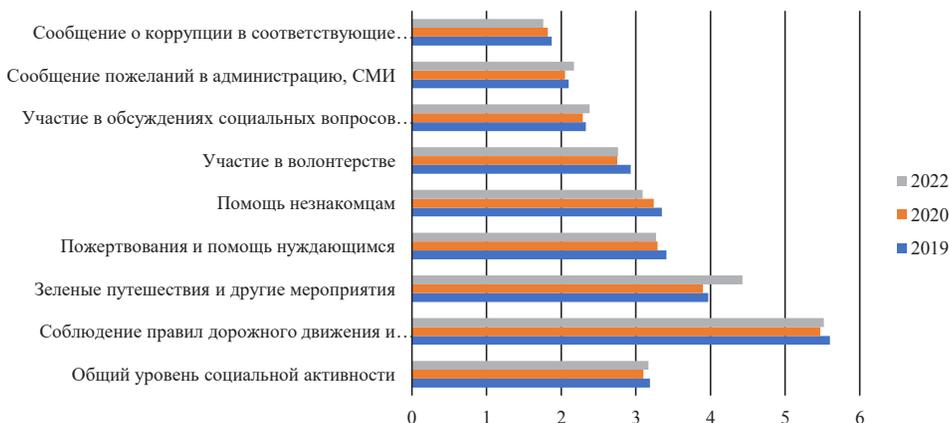

Рис. 4. Динамика социального участия в Китае в 2019–2022 гг.

С точки зрения социальной идентичности национальная идентичность людей находится на относительно высоком уровне.

В результате анализа изменений в социальных потребностях и социальной ментальности в китайском обществе в период в 2019, 2020 и 2022 гг., можно сделать следующие выводы.

На фоне влияния пандемии потребности людей в лучшей жизни и степень переживания лучшей жизни колебались, но в целом они по-прежнему сохраняют высокие ожидания в отношении реализации лучшей жизни. Кроме того, потребность в высокой и хорошей жизни на национальном социальном уровне также находит свое отражение в высокой национальной идентичности.

Общее чувство социальной справедливости находится на уровне выше среднего, демонстрируя тенденцию к росту. Вообще говоря, чувство социальной справедливости является всесторонним отражением справедливости результатов и справедливости возможностей. С точки зрения справедливости результатов, в последние годы, с созданием всестороннего общества благосостояния и ликвидацией абсолютной нищеты, Китай продолжал прилагать усилия для содействия уравниванию основных общественных услуг и сниже-

нию разрыва между богатыми и бедными слоями населения. Такие меры, как полное бесплатное медицинское обслуживание и бесплатная вакцинация, еще больше укрепили чувство социальной справедливости. Тем не менее, в период эпидемии малообеспеченные лица, трудящиеся-мигранты, люди, вырвавшиеся из бедности, работники малых и микропредприятий и самозанятые лица подверглись большему риску и давлению с точки зрения ухудшения экономического благосостояния, а поэтому последующее развитие социальной системы в Китае должно предусмотреть необходимость создания эффективного социального обеспечения.

Таким образом, пандемия оказала влияние на социальную ментальность китайского общества. В то же время, ее негативное влияние усугубилось в условиях роста экономической напряженности в обществе. Наиболее негативно пандемия отразилась на потребности в социальном участии. Что касается восприятия социальной среды, оно в условиях пандемии стало более удовлетворенным, за исключением чувства социальной поддержки и социального давления. Значительно возросло чувство социальной справедливости, веры в равные возможности для развития, а также чувство социального доверия. Все

это позволяет сделать вывод, о том, что в условиях пандемии происходят определенные изменения в социальной ментальности. Более того, угроза эпидемии ведет к формированию нового социального сознания и нового типа общества.

Литература

1. Ань Эньжуй. Социальные последствия COVID-2019 в Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 2. – С. 174–194.
2. Баев П.А. Религиозное сознание в пандемическом обществе // Социология. – 2022. – № 3. – С. 47–54.
3. Ван Цзюньсю. Новые изменения и реакции на социальный менталитет Китая / Ван Цзюньсю, Чжан Юэ // Народный форум. – 2023. – № 3. – С. 20–24.
4. Ван Цзюньсю. Восприятие риска, социальные настроения и ожидания в отношении будущего: изменения социального менталитета на разных этапах эпидемии / Ван Цзюньсю, Чжан Янь // Фронт социальных наук. – 2022. – № 10. – С. 220–237.
5. Вялых Н.А. Влияние пандемии covid-19 на повседневность и социальное самочувствие медицинских работников Ростовской области / Н.А. Вялых, О.А. Нор-Аревян // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7 (173). – С. 15–20.
6. Го Вэй. Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией covid-19 в Китае (КНР) / Т.В. Семина, Го Вэй // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2022. – № 1. – С. 216–237.
7. Кочергина В.И. Структура социальной ментальности // Russian Journal of Education and Psychology. – 2015. – № 2 (46). – С. 419–425.
8. Ли Мин. Изменения в социальной ментальности и комплексное управление в «постэпидемическую» эпоху / Сюй Пин, Ли Мин // Граница. – 2021. – № 1. – С. 91–95.
9. Павлов А.П. Потребности и качество жизни: исходные теоретические по-

ложения // Вестник евразийской науки. – 2012. – № 1 (10). – С. 3–6.

10. Раульф У Предисловие к сборнику «История ментальностей. К реконструкции духовных процессов» // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М., 1996. – 255 с.
11. Таршис Е.Я. Ментальность человека: подходы к концепции и постановка задач исследования / Е.Я. Таршис. – М., 1999. – 82 с.
12. Хуан Юйфэнь. Влияние новой эпидемии коронавирусной инфекции на социально-экономическое развитие и меры противодействия // Журнал Ляонинского университета науки и технологий. – 2022. – № 24 (5). – С. 87–89.
13. Чагин В.С. Молодежный суицид в период пандемической самоизоляции // Социология. – 2022. – № 5. – С. 148–155.

TRENDS AND PECULIARITIES OF CHANGES IN THE SOCIAL NEEDS OF CHINESE SOCIETY UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC

An Enrui

Lomonosov Moscow State University

The COVID-19 pandemic has become the world's biggest challenge, with severe repercussions in Chinese society. Using the methods of descriptive statistics, analysis and generalization, on the basis of surveys of the Chinese population on social mentality, the article attempts to identify the main trends and features associated with changes in the social needs of Chinese society in the period from 2019 to 2022. As a result of the study, it was found that in the context of the pandemic, there have been changes in the social mentality of Chinese society, in particular, the feeling of social participation has decreased, the feeling of social support has increased, and the feeling of social pressure has increased. Among the positive effects of the pandemic on social needs and perceptions of society, an increased sense of social justice, a belief in equal opportunities for development, and an increased sense of social trust were identified. It is concluded that the threat of an epidemic leads to the

formation of a new type of society with changes in the social mentality.

Keywords. Social needs, social mentality, change, Chinese society, pandemic, COVID-19.

References

1. An Enrui. Social consequences of COVID-2019 in China // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science.* – 2022. – No. 2. – P. 174–194.
2. Baev P.A. Religious consciousness in a pandemic society // *Sociology.* – 2022. – No. 3. – P. 47–54.
3. Wang Junxiu. New Changes and Reactions to China's Social Mentality // *Wang Junxiu, Zhang Yue // People's Forum.* – 2023. – No. 3. – P. 20–24.
4. Wang Junxiu. Risk perception, social sentiment and expectations for the future: changes in social mentality at different stages of the epidemic // *Social Science Front.* – 2022. – No. 10. – P. 220–237.
5. Vyalykh N.A. The impact of the covid-19 pandemic on everyday life and social well-being of medical workers in the Rostov region / N.A. Vyalykh, O.A. Nor-Arevyan // *Theory and practice of social development.* – 2022. – No. 7 (173). – P. 15–20.
6. Guo Wei. Sociocultural environment and measures to combat the covid-19 pandemic in China (PRC) / T.V. Semina, Guo Wei // *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science.* – 2022. – No. 1. – P. 216–237.
7. Kochergina V.I. The structure of social mentality // *Russian Journal of Education and Psychology.* – 2015. – No. 2 (46). – P. 419–425.
8. Li Ming. Changes in social mentality and integrated management in the “post-epidemic” era / Xu Ping, Li Ming // *Border.* – 2021. – No. 1. – P. 91–95.
9. Pavlov A.P. Needs and quality of life: initial theoretical provisions // *Bulletin of the Eurasian Science.* – 2012. – No. 1 (10). – P. 3–6.
10. Raulf U. Preface to the collection “History of mentalities. To the reconstruction of spiritual processes” // *History of mentalities and historical anthropology: Foreign studies in reviews and abstracts.* – Moscow, 1996. – 255 p.
11. Tarshis E. Ya. Human mentality: approaches to the concept and formulation of research problems / E. Ya. Tarshis. – Moscow, 1999. – 82 p.
12. Huang Yufen. The Impact of the Novel Coronavirus Epidemic on Socio-Economic Development and Countermeasures // *Journal of Liaoning University of Science and Technology.* – 2022. – No. 24 (5). – P. 87–89.
13. Chagin V.S. Youth suicide during pandemic self-isolation // *Sociology.* – 2022. – No. 5. – P. 148–155.

Соотношение идей марксизма и традиционной культуры в китайском обществе

Бао Синькай,

аспирант, кафедра истории и теории социологии,
Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
E-mail: waltermitty@126.com

На протяжении истории развития китайской науки в первой половине XX века, после внедрения марксизма в Китай, он не только стал теоретическим оружием китайской революции, но и значительно изменил традиционный способ культурного развития, который длился тысячи лет, благодаря влиянию исторического материализма на традиционную китайскую культуру, ее ориентиры и ценности. В данном контексте статья посвящена исследованию особенностей соотношения марксизма в Китае и китайской традиционной культуры. Отдельный акцент сделан на том, что марксизм способствовал строительству нового образца китайской культуры, поддерживал ее модернизацию и использование прогрессивных инновационных практик. Также обозначено, что марксизм для традиционной китайской культуры – это национальная форма и метод выражения, которые придают глубокий смысл идеям Маркса и Энгельса, применяя традиционную китайскую культурную мудрость.

Ключевые слова: марксизм, Китай, культура, идеология, развитие.

Марксизм – передовая идеологическая система, созданная Марксом и Энгельсом на основе продвижения выдающегося культурного наследия и обобщения опыта рабочего движения в целях освобождения пролетариата и всего человечества [1].

Марксизм гораздо в большей степени, чем любая другая философия или школа мысли, повлиял на современную историю и культуру Китая. Несмотря на то, что данная теория, безусловно, является наиболее значительным элементом западной мысли, она предоставила возможность для начала философского дискурса с китайской традицией и культурой. В процессе этого диалога начала развиваться китайская версия марксизма, которая воплотилась в мыслях Мао Цзэдуна. На чем особенно следует акцентировать внимание, так это то, что этот дискурс поддерживался и развивался не в ходе реализации правительственной или официальной кампании, а усилиями многочисленных интеллектуалов, которые глубоко беспокоились о будущем Китая после падения цинского маньчжурского правления. Кроме того, философский диалог имел поразительную черту «диалектики», или бьяньчжэнфа, которая пронизывает не только различные уровни китайской культуры, но и мышление, а также речь обычных людей в их повседневной жизни [2].

В конце XIX века Китай оказался в национальной опасности под властью правительства поздней Цин. Двойной гнет феодализма и империализма усиливал социальные противоречия и беспрецедентные социальные кризисы. В различных западных мыслях и теориях реформаторы и интеллектуалы из правящего класса пытались искать пути спасения нации. Они постоянно пытались улучшить политическую систему, развить индустриальную экономику, ослабить внутренние и внешние противоречия. До Октябрьской революции демократи-

ческие и научные мысли западной буржуазии доминировали в идеологическом поле Китая. Тем не менее, переводные работы, в которых были изложены и обсуждались идеи Маркса и Энгельса, уже были представлены публике эпизодически. После победы Октябрьской революции несколько прогрессивных китайских ученых начали систематически изучать марксистскую теорию, благодаря чему мысли Маркса стали широко распространяться и нашли благодатную почву для развития в китайской культуре [3].

При этом соотношение традиционной культуры Китая и марксизма было взаимным. Первая создавала основу для развития марксистских мыслей о национальной форме, а марксизм в свою очередь играл значительную роль в модернизации культурного наследия страны. Взаимодействие между марксизмом и китайской традиционной культурой на сегодняшний день представляет собой непрерывное развитие. Но, в то же время, следует осознавать, что форма марксистской диалектики, где бы ее ни находили на Западе, отличается от того, что представляется китайским аналогом. Марксистская диалектика в Китае – это не то же самое, что наследие марксистской диалектики в Европе. В данном контексте изучение марксизма и китайской традиционной культуры, исследование взаимосвязи между ними и дальнейшее обобщение закономерностей развития имеет важное теоретическое и практическое значение, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Исследованию марксизма как руководящей мысли авангарда китайского общества, которая предложила методологию, помогающую решать вопросы и отвечать на вызовы в разные времена, посвятили свои труды Гао Ч., Гао Я., Сун Л., Ли С., Хэ Б., Чжан В., Zhang, Wei; Chen, Xuan; Blalock, Emily C.; Lyu, Xiaojun.

Современное видение марксизма в Китае, особенности его интеграции с освобождением и строительством страны, развитием культуры и национальной идентичности описываются в работах Ван Ц., Цао С., Ма Л., Буро-

ва В.Г., Нин Я., Гао Я., Adlakha, Hemant; Jacob, Jabin T.; Subba, Bhim B.

Однако, несмотря на имеющиеся труды и наработки, вопросы, связанные с выяснением причин почему марксизм стал ядром передовой социалистической культуры после нескольких десятилетий локализации в Китае остаются открытыми. Также отдельной проработки требуют ключевые аспекты, которые позволяют идентифицировать точки соприкосновения традиционной китайской культуры и марксистской идеологии.

Таким образом, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей соотношения марксизма в Китае и китайской традиционной культуры.

Сочетание традиционной китайской культуры с марксизмом не является событием XXI века. Еще в 1988 году Ван Хунин утверждал, что социальное «программное обеспечение», такое как ценности, чувства, психология и отношения, может формировать политическую судьбу в такой же степени, как и «аппаратные» факторы, такие как институты, системы, власть и нормы [4].

Другими словами, китаизация марксизма укоренилась в плодородной почве китайской традиционной культуры, поэтому теория марксизма в Китае сегодня имеет национальную форму существования и культурную жизнеспособность развития. Введение традиционной китайской культуры в категорию марксистской теории позволяет ей получать культурные ресурсы современности и времени, а также проясняет направление инновационного развития. Это в основном отражается в следующих ключевых аспектах.

Во-первых, марксистский исторический материализм и методы данной теории используются для понимания китайской истории и культуры, что позволяет населению страны укреплять чувство исторической идентичности и культурной гордости, а также осознавать свою ответственность за продолжение истории и развитие традиционной культуры. В своем докладе Мао Цзэдун отметил, что мы должны придавать большое значение «нашему историческому насле-

дию» и воспринимать его как «учебную задачу» для китайских коммунистов, обобщая его с помощью марксистского метода. При изучении истории Китая мы должны придерживаться историзма, «нельзя обрывать историю». «От Конфуция до Сунь Ятсена китайцы должны хранить и развивать это драгоценное наследие» [5]. В ходе реформ и открытости Дэн Сяопин подчеркнул, что следует «опираться на исторический опыт» и «воспитывать молодежь и народ на истории».

Во-вторых, марксизм для традиционной китайской культуры – это национальная форма и метод выражения, которые придают глубокий смысл идеям Маркса и Энгельса, применяя традиционную китайскую культурную мудрость. В годы Великой революции Мао Цзэдун использовал народные пословицы и поговорки, такие как «ешь по посуде», «шей одежду по костюму», «пой на горе, куда идешь» и др., для объяснения марксистского научного метода «конкретного анализа конкретных проблем». Янань Мао Цзэдун использовал идиому «искать истину в фактах» в Книге Хань, чтобы раскрыть живую душу марксизма. В начале реформ и открытости Дэн Сяопин, применяя слово «зажигательный» в Книге обрядов, описывал взаимосвязь между «удобным домом» и «модернизацией по-китайски», завершая марксизм глубокой китайской культурой и неповторимым китайским стилем. Заимствуя ключевые установки марксизма, используя симбиоз с инновационными практиками, как подытожил генеральный секретарь Си, народ приветствует простые и интересные достижения китаизации марксизма, это «ни в коем случае не случайно, а связано с выдающейся китайской традиционной культурой в тысячелетней истории и ценностями масс».

В-третьих, симбиоз идеологии марксизма и традиционной китайской культуры приводит китайский народ к тому, что он может учиться у прошлого и извлекать уроки из прошлого, он может учиться у прошлого и учиться у будущего, он может учиться у прошлого, настоящего и будущего. Мао Цзэдун подчеркивал,

что коммунисты должны понять особенности и законы китайской революции, должны понять вчерашний и позавчерашний день Китая, чтобы осознать его сегодняшний день. В этом заключается наследование и развитие традиционной китайской культуры «рассказывать о прошлом, чтобы знать будущее» [6].

В-четвертых, синергия марксизма и традиционной китайской культуры способствовала развитию социальной реальности Китая. В качестве примера можно привести следующее: традиционная концепция социального идеала в культурном поле позволила усилить идентичность «коммунизма»; традиционная идея «управления» способствовала развитию идеи формы «поиска истины из фактов»; традиционный «национальный дух» – послужил культурной опорой марксизма; традиционная идея «ориентированного на людей общества» способствовать формированию массовой линии.

В-пятых, система теорий социализма с китайскими характеристиками является последним теоретическим достижением в адаптации марксизма, которое позволяет реализовать теоретические и практические инновации мыслительной линии поиска истины из фактов, для постижения сути социализма, социального строительства с китайскими особенностями.

Таким образом, жизнеспособность теории марксизма на базе традиционной китайской культуры заключается в инновациях, которые он привнес в общественное сознание и государственное строительство. С тех пор как марксизм пришел в Китай, он не только вызвал фундаментальную трансформацию китайской цивилизации, но и прошел постепенный процесс адаптации к китайскому контексту. Си Цзиньпин сказал: «История Коммунистической партии Китая (КПК) была процессом постоянного продвижения адаптации марксизма к китайскому контексту и постоянного продвижения теоретических инноваций и творчества». Адаптация марксизма к китайскому контексту предполагает интеграцию основных положений марк-

сизма с реалиями Китая, впитывание сути передовых идей как из прошлого, так и из настоящего, как из Китая, так и из всего мира, а также использование системы теоретического дискурса с китайской спецификой, стилем.

Помещая китайскую культуру в центр китайского социализма, КПК пытается объединить социалистические принципы с традиционной китайской политической системой, чтобы синтезировать новую основу политической стабильности и эффективного управления. В настоящее время КПК также хочет использовать традиционные китайские моральные ценности для борьбы с распространением либерализма и индивидуализма, которые считаются испорченными западными идеологиями.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующий вывод.

Соотношение марксизма в Китае и китайской традиционной культуры проявляется в использовании данной концепции для решения проблем страны и превращения богатого практического опыта Китая в теорию, а в сочетании с китайской историей и китайской традиционной культурой, китайский марксизм постоянно наделяется отличительными практическими и этническими характеристиками, в которых отражаются особенностями времени.

Однако несмотря на то, что китайский марксизм в некоторых важных аспектах явно схож с западным марксизмом, можно заключить, что он представляет собой третью альтернативу между марксизмом, с одной стороны, и традиционной китайской культурой – с другой. Из его тезиса вытекает, по крайней мере, четыре следующих утверждения:

1. В Китае сформировался четкий стиль «мышления» или философии, отчетливо, но не обязательно исключительно китайский, но доступный китайским интеллектуалам.

2. Сегодня существует направление китайского марксизма, которое опирается на китайскую традицию и преодоле-

вает некоторые трудности, с которыми сталкивался западный марксизм.

3. Форма китайского марксизма проявилась у многих писателей и, наконец, у Мао Цзэдуна. Она является примером мощного направления китайской философской мысли.

4. Хотя китайский марксизм опирается на некоторые утверждения и формулировки Энгельса, китайские марксисты читают его философию по-другому и некоторые ценности также неодинаково трактуются.

Литература

1. How to localize marxism in China / Jinning Guo. London: Routledge, 2022. 218 p.
2. Сун Лэй Международный опыт и уроки адаптации марксизма в Китае // Власть. 2022. № 4. С. 222–226.
3. Ten Views of Marxism Originating from the Revolution and Development in China and the World // International critical thought. 2022. Volume 12: Number 1; pp 15–34.
4. Ма К. «Китаизация» марксизма: предпосылки зарождения, исторический экскурс и «новый виток» развития в современном Китае // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 3. С. 85–99.
5. Гао Ч., Гао Я. Формирование концепции марксизма в Китае // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 4 (166). С. 83–93.
6. Ford, Derek R. Marx's Pedagogies, the Party, and China: The Open Dialectic of Research and Presentation in Theory and Historical Praxis // Rethinking Marxism. 2022. Volume 34: Number 4; pp 496–518.
7. Ши Ш. Марксистская интерпретация реализма в китайской культуре // Новые идеи в философии. 2020. № 7 (28). С. 177–183.
8. Вилков В. Ю. Теоретико-методологические установки исследования перспектив модернизации китаизированного марксизма // The Scientific Heritage. 2022. № 94 (94). С. 93–109.

THE CORRELATION OF MARXIST IDEAS AND TRADITIONAL CULTURE IN CHINESE SOCIETY

Bao Xinkai

Lomonosov Moscow State University

Throughout the history of the development of Chinese science in the first half of the 20th century, after the introduction of Marxism into China, it not only became the theoretical weapon of the Chinese revolution, but also significantly changed the traditional way of cultural development, which lasted for thousands of years, thanks to the influence of historical materialism on traditional Chinese culture, its orientations and values. In this context, the article is devoted to the study of the relationship between Marxism in China and Chinese traditional culture. A separate emphasis is placed on the fact that Marxism contributed to the construction of a new model of Chinese culture, supported its modernization and the use of new innovative practices. It is also indicated that Marxism for traditional Chinese culture is the national form and method of expression that gives deep meaning to the ideas of Marx and Engels by applying traditional Chinese cultural wisdom.

Keywords: Marxism, China, culture, ideology, development.

References

1. How to localize marxism in China / Jianning Guo. London: Routledge, 2022. \$218
2. Song Lei International experience and lessons of adaptation of Marxism in China // Power. 2022. № 4. pp. 222–226.
3. Ten Views of Marxism Originating from the Revolution and Development in China and the World // International critical thought. 2022. Volume 12: Number 1; pp 15–34.
4. Ma K. “Sinification” of Marxism: prerequisites for the origin, historical digression and “new round” of development in modern China // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2022. V. 28. No. 3. S. 85–99.
5. Gao Ch., Gao Ya. Formation of the concept of Marxism in China // Ethnosociety and international culture. 2022. No. 4 (166). pp. 83–93.
6. Ford, Derek R. Marx’s Pedagogies, the Party, and China: The Open Dialectic of Research and Presentation in Theory and Historical Praxis // Rethinking Marxism. 2022. Volume 34: Number 4; pp 496–518.
7. Shi Sh. Marxist interpretation of realism in Chinese culture // New ideas in philosophy. 2020. No. 7 (28). pp. 177–183.
8. Vilkov V. Yu. Theoretical-methodological and political-ideological guidelines for the study of the prospects for the modernization of Sinicized Marxism // The Scientific Heritage. 2022. No. 94 (94). pp. 93–109.

Институт образования как фактор формирования российской гражданской идентичности

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; Научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, Южно-Российский филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской Академии наук»
E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

Семенов Данил Алексеевич,

магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: dansenemenko@sfedu.ru

Данная статья посвящена рассмотрению социального института образования как фактора формирования российской гражданской идентичности. В статье применяется структурно-функциональный подход. Объективная составляющая российской гражданской идентичности реализуется через формальные (государство и право) и неформальные механизмы (социально-культурные нормы). В качестве механизмов укрепления гражданской идентичности в институте образования рассматриваются: поддержание этнокультурного образования, включающего приобщение к российскому этнокультурному историческому наследию и знакомство с этнокультурными ценностями и историей других народов; оснащение преподавания дисциплин этнокультурной программы инновационными методиками, направленными на развитие практических умений и навыков в сфере изучения различных сторон этнической культуры. Формировать и укреплять нормативно-ценностные ориентации, воспитывать активную гражданскую позицию и прививать патриотизм одновременно и на основе государственного русского языка, способен институт образования. Русский язык в институте образования играет консолидирующую роль. Институт образования влияет на российскую идентичность в двух направлениях: 1) через формирование интеллектуального капитала, способствующего успешной адаптации к социальным, экономическим и политическим изменениям и консолидации, что определяет его важность в системе гражданской идентич-

ности; 2) через воспитательную функцию, ориентированную на формирование совокупности гражданских свойств личности.

Ключевые слова: институт образования, российская идентичность, гражданская идентичность, патриотизм, воспитание, полиэтничный социум.

В условиях высокодинамичных политических и социально-экономических преобразований в России, стимулируемых как извне – «политикой сдерживания России через оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления» [1] со стороны стран Запада и США, так и внутри страны – в качестве реакции на указанное давление, остро стоит вопрос адаптации населения к этим изменениям. Чтобы адаптационные процессы проходили наиболее эффективно, необходим достаточно высокий уровень сплочения российских граждан.

В условиях полиэтничности России одним из важнейших оснований сплочения и консолидации является российская гражданская идентичность.

Идентичность как явление со сложной структурой и разноплановые процессы ее формирования и укрепления – достаточно сложный вопрос с научной, практической и управленческой сторон.

В современной науке существует множество подходов к пониманию идентичности в разных социально-гуманитарных науках: различают индивидуальную, коллективную, статусную, ролевую, культурную, политическую, религиозную, профессиональную, этническую, национальную, региональную, гражданскую, гендерную, возрастную, виртуальную, сетевую и другие разновидности идентичности [2].

Более того, при рассмотрении идентичности с позиций системного и структурно-функционального подхода [3, 4], можно говорить о том, что для каждого человека формируется комплекс идентичностей, каждая из которых выступает элементом, имеет свои функции и роли, а отношения между ними создают устойчивую структуру и влияют на динамику всей системы [5]. С точки зрения конструктивизма, идентичность – это социальный конструкт, который формируется, воспроизводится и изменяется социальными акторами, а также влияет на их поведение [6, 7].

В системе идентичностей человека можно выделить общую идентичность, соотносящую индивида и общество в це-

лом, и частные идентичности, соотносящие индивида с отдельными сообществами. При этом общая и частные идентичности могут как согласовываться, так и находиться в антагонистическом конфликтном противостоянии.

В данной статье в качестве общей идентичности будет рассмотрена российская гражданская идентичность. Гражданская идентичность будет рассмотрена в рамках подхода Е.А. Кочинной – как «осознание индивидом собственной причастности к сообществу граждан определенного государства» [8, С. 255]. Однако стоит сослаться и на более широкую трактовку, выработанную Р.Ю. Шиковой [9], в рамках которой гражданская идентичность рассматривается через призму лояльности населения по отношению государству и обладает следующими свойствами (асpekтами):

- высокая лояльность достигается через рациональный аспект – формальные отношения в системе прав и обязательств, участниками взаимоотношений в которой являются граждане и государство, – и эмоциональный аспект – эмоциональная привязанность к стране;
- гражданская идентичность основывается на отождествлении себя с гражданами своей страны, проявляется в общественной и политической самоорганизации, языке, ментальности, солидарности, ценностях и нормах поведения [9].

Согласно Е.А. Гришиной, элементами гражданской идентичности также являются гражданство, гражданственность и патриотизм [10, с. 336].

Также в структуре гражданской идентичности необходимо выделить объективную, предписанную, и субъективную, признаваемую самим индивидом, составляющие.

Для данной статьи важно заострить внимание на том, что объективная составляющая российской гражданской идентичности реализуется через формальные механизмы, главными из которых является государство и право; а также неформальные механизмы –

доминирующие социально-культурные нормы [2].

Очевидно, что общая идентичность легче складывается в моноэтнических государствах, поскольку тогда в качестве общей идентичности выступает этническая идентичность. Россия же представляет собой полиэтничное и поликультурное общество, в котором взаимодействуют 196 различных народностей [11]. Эта специфика усиливается процессами глобализации и цифровизации, которые несут в себе риски потери идентичности [12, 13]. В этой связи мы говорим о том, что цифровое общество формирует определенные преграды для закрепления гражданской идентичности, поскольку появляются и распространяются новые каналы формирования иных идентичностей, а двунаправленность этого процесса – онлайн

и офлайн – не вписывается в более жесткие границы гражданской идентичности и изменяет коммуникацию в системе образования [14, 15].

Как подчеркивает современный нидерландский социолог В. Йонген, «границы между онлайн и офлайн в нашей повседневной жизни стираются. Больше нет необходимости противопоставлять онлайн и офлайн, они сливаются в онлайнф», что, в свою очередь, осложняет процесс идентификации личности в обществе [16, С. 17].

Если обратиться к классификации идентичностей по взаимодействию общей и частных идентичностей (рис. 1), приведенной И.В. Демичевым и Г.Д. Султановой [5], то гражданская идентичность будет представлять собой фокусную – т.е. идентичность, выступающую центром для всех остальных.

Рис. 1. Виды и направленность идентичностей. Авторы: И.В. Демичев и Г.Д. Султанова

По взаимодействию с другими идентичностями, фокусная идентичность может осуществляться тремя способами:

- включать в систему другие идентичности, позволяя им сохранять собственную самостоятельность и самобытность;
- подчинять, исключая возможность сохранять собственную самостоятельность и самобытность;
- подавлять, удаляя из системы [5].

Если мы обратимся к указу Президента Российской Федерации «Об ут-

верждении Основ государственной культурной политики» [17], в котором закреплено, что российская государственность основана на «уникальном историческом опыте взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур» [17], а русский язык и культура играют «объединяющую роль в историческом сознании многонационального русского народа» [17], то поймем, что предпочтительным способом взаимодействия фокусной российской идентичности с другими, будет

собрание вокруг нее частных идентичностей.

Гражданская идентичность объединяет граждан в поликультурном российском обществе, позволяет им считать себя частью единого целого, обладающего общими ценностями и принципами поведения. Она основана на признании общечеловеческих нравственных ценностей и уважении к разнообразию социальных норм и ценностей. Гражданская идентичность позволяет гражданам выражать себя свободно, учитывая при этом множество действующих социальных установок, норм и ценностей. Она важна для интеграции, единства и целостности самосознания личности и общества в целом.

В силу перечисленных особенностей формирования российской гражданской идентичности, встает актуальный вопрос об обновлении механизмов ее укрепления.

В качестве механизмов укрепления гражданской идентичности в институте образования могут выступать:

- поддержание этнокультурного образования, в рамках которого учащиеся станут приобщаться к российскому этнокультурному историческому наследию и смогут познакомиться с этнокультурными ценностями и историей других народов;
- «оснащение преподавания предметов этнокультурного содержания инновационными методиками, ориентированными на развитие практических навыков в сфере освоения различных сторон этнической культуры» [18, С. 113].

Среди основных факторов формирования этнической идентичности выделяют СМИ, институт образования, институт семьи и ближайшее окружение [13]. Считаем справедливым признание влияния этих факторов значительным и в отношении гражданской идентичности россиян.

При этом, на наш взгляд, необходимо действовать через формальные и неформальные механизмы «доминирующие социально-культурные нормы» – формирования российской граж-

данской идентичности. В полной степени формировать и укреплять нормативно-ценностные ориентации, знакомить с правовой системой, воспитывать активную гражданскую позицию и прививать патриотизм одновременно и на основе государственного русского языка, способен именно институт образования, выступающий также важнейшим институтом социализации [19]. Русский язык как фактор укрепления российской гражданской идентичности, с одной стороны, является государственным языком, с другой, – выступает в качестве важного языка межэтнической коммуникации, поэтому перед институтом образования стоит приоритетная задача «создание условий для повышения компетенции в освоении русского языка» [18, С. 113].

Кроме того, русский язык в институте образования играет, безусловно, консолидирующую роль. С позиций структурно-функционального подхода, институт образования, безусловно, «является неотъемлемой частью социальной системы, обеспечивая преемственность ценностной структуры. Задача образования – не простое повторение пути, пройденного обществом, культурой, а их постепенная гуманизация и социализация» [20, С. 134]. И важным фактором такой гуманизации в образовании является язык коммуникации. Потребность в коммуникации является «результатом длительного исторического и духовного сосуществования и взаимодействия, саморазвития культуры в её широком понимании», когда «приобщение к общему миру культуры обеспечивает реализацию потребности субъекта в самоопределении» [20, С. 134], поскольку гражданская идентичность, как и «этническая идентичность формируется на начальном этапе зрелости индивида, образование является основным инструментом её трансляции» [20, С. 133].

В образовательном пространстве формирование и укрепление гражданской идентичности у молодежи сопряжено с формированием взаимоуважения граждан друг к другу, гражданственности и патриотизма [21, 22].

Именно институт образования как стратегически важный социальный институт российского общества, «способствует развитию как нравственно-культурных, так и материально-технических основ общества» и позволяет преодолевать кризис идентичности, являясь важным элементом становления гражданского общества [23].

Институт образования влияет на российскую идентичность в двух направлениях:

- Через формирование интеллектуального капитала. Понятие интеллектуального капитала активно разрабатывается в рамках экономических наук. Для исследования роли образования в формировании и укреплении гражданской идентичности важен синергетический процесс, стимулируемый развитием интеллектуального капитала. С этих позиций нам наиболее близок подход В.Л. Иноземцева к пониманию интеллектуального капитала в качестве элемента социально-экономических отношений, способствующего аккумуляции научных и обыденных знаний работников, интеллектуальной собственности и накопленного опыта [24]. Интеллектуальный капитал способствует успешной адаптации к социальным, экономическим и политическим изменениям и консолидации, что определяет его важность в системе гражданской идентичности.
- Через воспитательную функцию, ориентированную на формирование совокупности гражданских свойств личности. Так, с 2006 года воспитательная функция процесса воспитания имеет новую тенденцию – формировать у учащихся осознание себя в качестве носителя российской культуры и гражданина России [25]. В Федеральном государственном образовательном стандарте выделяется формирование российской гражданской идентичности в качестве фактора, способствующего становлению гражданского общества и солидарности в российском обществе [26].

Институт образования богат различными технологиями формирования российской идентичности на разных уровнях:

- микротехнологии, используемые для малых групп;
- мезотехнологии, реализуемые в городе или регионе;
- макротехнологии, используемые в работе с крупными социальными группами и на уровне всего государства.

Это крайне актуально для полиэтничного российского социума, поскольку позволяет реализовывать единую стратегию по формированию и укреплению российской идентичности, учитывая особенности отдельных регионов и социокультурных групп и находя, при необходимости, уникальные подходы к населению.

Необходимо сказать, что образовательные технологии, направленные на формирование и укрепление гражданской идентичности, различаются по сроку действия: выделяют краткосрочные и долгосрочные технологии.

Долгосрочные технологии направлены на реализацию стратегии национальной безопасности Российской Федерации: к примеру, п. 76 и п. 77, касающихся сохранения и развития общероссийской идентичности, п. 80, касающийся «укрепления и приумножения традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1]. Краткосрочные технологии необходимы для усиления механизмов консолидации на основе гражданской российской идентичности и актуальны в условиях, когда необходима быстрая адаптация к изменяющейся ситуации. Однако краткосрочные технологии при их успешной реализации могут стать и долгосрочными. Примером такой технологии могут служить «Разговоры о важном» – новый формат внеурочной деятельности, введенный в общеобразовательных учреждениях. «Разговоры о важном» как урок проводятся каждый понедельник после обязательных утренних линеек с поднятием флага и исполнением гимна. Данная технология была введена с целью усиления гражданской ответственности и развития патриотизма

учащихся в качестве ответной реакции на внешнее, политическое и социально-экономическое санкционное давление западных стран. Однако эти уроки связаны и с ключевыми аспектами жизни человека в современной России [27].

Подытоживая, можно сказать, что образование, как самостоятельный социальный институт и как один из институтов социализации, играет крайне важную роль в процессах формирования и укрепления российской идентичности граждан. Институт образования консолидирует полиэтничное население Российской Федерации на основе русского языка, что также играет важную роль в укреплении общегражданской идентичности.

В условиях полиэтничности российского социума важно не просто формировать общегражданскую идентичность, а сохранять при этом и самобытность культуры многонационального народа Российской Федерации, являющихся неотъемлемой частью российской культуры. Институт образования обладает инструментами и технологиями, способными учитывать многообразие культур и находить подход к разным социально-культурным группам, населяющим Россию, сохраняя баланс между уникальными ценностями этих групп и традиционными ценностями и нормами страны в целом.

Через различные образовательные технологии идет выстраивание ценностной системы; ознакомление с правовой системой Российской Федерации; формирование уважения к закону, окружающей среде, социуму и самому себе; прививание патриотизма. Одним словом, формируются качества ответственного гражданина, идентифицирующего себя с российским государством и обществом.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. N683), п. 12 URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/strategy/> (Дата обращения: 12.04.2023)
2. Ковалева А.И. Разновидности социальной идентичности: подходы к классификации // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 4. С. 89–103.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии: пер. с фр. М.: Наука, 1991. 576 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1998. 270 с.
5. Демичев И.В., Султанова Г.Д. Типы, виды и режимы функционирования идентичностей // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 107–117.
6. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох [и др.]; пер. с англ. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2022. 416 с.
7. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
8. Кочина Е.А. Гражданская идентичность в полиэтничном регионе как элемент национальной идентичности // Инновационная наука. 2015. № 6. С. 255–257.
9. Шикова Р.Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 1. С. 111–116.
10. Гришина Е.А. Идентичность гражданская // Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. 2003. М.: Мысль. С. 336–338.
11. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Дата обращения: 13.04.2023)
12. Зинченко Ю. П., Шайгерова Л.А., Шилко Р.С. Методологические проблемы изучения этнокультурной идентичности детей и подростков в цифровом обществе // Герценовские чтения: психологические исследе-

- дования в образовании. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. Т. 2. С. 875–884.
13. Чернобровкина Н.И. Инструментальная форма контроля в процессе конструирования гражданской идентичности в России // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 66–72.
 14. Карапетян Е.А., Лугинина А.Г. Социокультурные изменения коммуникации в системе онлайн-образования высшей школы: угрозы VS возможности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11–1. С. 30–34.
 15. Фафиатулина Н.Х., Лугинина А.Г. Институт образования: социокультурные риски в сфере офлайн- и онлайн-образования молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 21–25.
 16. Йонген В. Ритейл будущего. Жизнь onlife / пер. Д.А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.
 17. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 г. № 808 URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (Дата обращения: 14.04.2023)
 18. Войтенко В.П., Пусько В.С. Современное образование как фактор формирования российской гражданской идентичности в полиэтнических регионах Юга России // Ученые записки крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). С. 108–117.
 19. Замиралова, Т.А. Роль образования как фактор сохранения этнической идентичности // Успехи современной науки и образования 2017. Т. 7, № 4. С. 64–66.
 20. Пенькова Е.А. Русские: к вопросу об этнической идентичности // Социальная политика и социология. М., 2018. № 2 (38). С. 128–135.
 21. Магомедова З.Ш. Формирование российской идентичности как механизм реализации ФГОС // МНКО. 2022. № 3 (94). С. 211–213.
 22. Волков Ю.Г., Гурба В.Н., Гуськов И.А. Социокультурный габитус гражданской идентичности учащейся молодежи: факторы формирования в условиях неопределенности российского общества // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 59–74.
 23. Арутюнян М.Л. Образование и культурное наследие как основополагающие факторы сохранения национально-культурной идентичности // Вестник российско-армянского (славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2015. № 2 (20). С. 53–61.
 24. Иноземцев В.Л. К теории постэкономической общественной формации. М.: Таурус, 1995.
 25. Андрюшков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // Вопросы образования. 2011. № 3. С. 287–300.
 26. Бугайчук Т.В., Тарханова И.Ю. Роль образования в формировании гражданина // Научное обозрение. Педагогические науки. 2015. № 1. С. 96–97.
 27. Разговоры о важном URL: <https://razgovor.edsoo.ru/> (Дата обращения: 12.04.2023)

THE INSTITUTE OF EDUCATION AS A FACTOR IN THE FORMATION OF RUSSIAN CIVIL IDENTITY

Volkov Yu.G., Semenenko D.A.

Southern Federal University; South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

This article is devoted to the consideration of the social institution of education as a factor in the formation of Russian civic identity. The article uses a structural-functional approach. The objective component of Russian civic identity is realized through formal (state and law) and informal mechanisms (socio-cultural norms). The following are considered as mechanisms for strengthening civic identity in the institution of education: maintaining ethno-cultural education, including familiarization with the Russian ethno-cultural historical heritage and acquaintance with ethno-cultural values and the history of other peoples; equipping the teaching of the disci-

plines of the ethno cultural program with innovative methods aimed at developing practical skills in the field of studying various aspects of ethnic culture. The institution of education is capable of forming and strengthening normative-value orientations, instilling an active civic position and instilling patriotism simultaneously and on the basis of the state Russian language. The Russian language plays a consolidating role in the institute of education. The institution of education influences Russian identity in two directions: 1) through the formation of intellectual capital, which contributes to successful adaptation to social, economic and political changes and consolidation, which determines its importance in the system of civic identity; 2) through the educational function, focused on the formation of a set of civic properties of the individual.

Keywords: institute of education, Russian identity, civic identity, patriotism, upbringing, poly-ethnic society.

References

1. National Security Strategy of the Russian Federation (approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 N683), clause 12 URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/docs/strategy/> (Accessed: 04/12/2023)
2. Kovaleva A.I. Varieties of social identity: approaches to classification // Knowledge. Understanding. Ability. 2019. No. 4. Pp. 89–103.
3. Durkheim É. De la division du travail social: étude sur l'organisation des sociétés supérieures. Moscow, Nauka, 1991, 576 p.
4. Parsons T. The system of modern societies. Moscow, Aspekt-Press, 1998, 270 p.
5. Demichev I.V., Sultanova G.D. Types, types and modes of functioning of identities // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2018. № 1.
6. Anderson B., Bauer O., Hroch M. et al. Mapping the nations. Moscow, Praksis, 2002, 416 p.
7. Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. Moscow, KANONpress-Ts, 2001, 288 p.
8. Kochina E.A. Civic identity in a multiethnic region as an element of national identity // Innovative Science. 2015. No. 6. Pp. 255–257.
9. Shikova R. Yu. Civil all-Russian identity (sociological aspect) // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies. 2009. No. 1. Pp. 111–116.
10. Grishina E.A. Civic identity // The Sociological Encyclopedia: in 2 vols. Vol. 1. 2003 Moscow: Mysl. Pp. 336–338.
11. Results of the 2020 All-Russian Population Census URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (Date of access: 04/13/2023)
12. Zinchenko Yu.P., Shaigerova L.A., Shilko R.S. Methodological problems of studying the ethno-cultural identity of children and adolescents in a digital society. // Herzen Readings: Psychological Studies in Education. Vol. 2. St. Petersburg: Publishing House of the Herzen State Pedagogical University; 2019. Pp. 875–884.
13. Chernobrovkina N.I. Instrumental form of control in the process of constructing civic identity in Russia // Socio-humanitarian knowledge. 2013. No. 11. Pp. 66–72.
14. Karapetyan E.A., Luginina A.G. Sociocultural changes in communication in the system of online education of higher education: threats VS opportunities // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 11–1. pp. 30–34.
15. Gafiatulina N. Kh., Luginina A.G. Institute of Education: Sociocultural Risks in the Sphere of Offline and Online Education of Youth // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2021. No. 9. pp. 21–25.
16. Yongen V. Retail of the future. Life onlife / per. YES. Shalaeva. M., 2021. 320 p.
17. Voitenko V.P., Pusko V.S. Modern education as a factor in the formation of Russian civil identity in the multi-ethnic regions of the South of Russia. Uchenye zapiski V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2018. V.4 (70). pp. 108–117.
18. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 URL: <http://government.ru/docs/all/94274/> (Accessed on April 14, 2023)
19. Zamiralova T.A. The role of education as a factor of preserving ethnic identity // Successes of modern science and education 2017. Vol. 7, No. 4. pp. 64–66.
20. Penkova E.A. Russians: on the issue of ethnic identity // Social policy and sociology. M., 2008. No. 2 (38). Pp. 128–135.
21. Magomedova Z.S. The formation of Russian identity as a mechanism for the implementation of FGOS // MNKO. 2022. № 3 (94).
22. Volkov Yu.G., Gurba V.N., Guskov I.A. Sociocultural habitus of student youth's civic

- identity: factors of formation in the face of uncertainty in Russian society // Humanitarian of the South of Russia. 2022. V. 11. No. 6. Pp. 59–74.
23. Harutyunyan M.L. Education and cultural heritage as fundamental factors of preservation of national and cultural identity // Bulletin of the Russian-Armenian (Slavic) University: Humanities and Social Sciences. 2015. No. 2(20). Pp. 53–61.
24. Inozemtsev V.L. On the theory of post-economic social formation. Moscow: Taurus, 1995.
25. Andryushkov A.A. Formation of Russian identity as a task of education: a worldview that creates the future // Questions of education. 2011. No. 3. Pp. 287–300.
26. Bugaichuk T.V., Tarkhanova I. Yu. The role of education in the formation of a citizen // Scientific Review. Pedagogical sciences. 2015. No. 1. Pp. 96–97.
27. Talk about an important URL: <https://razgovor.edsoo.ru/> (Date of access: 04/12/2023)

Семейные и репродуктивные установки молодежи Москвы: анализ результатов социологического исследования

Данкова Валерия Владимировна,

аспирант кафедры политического анализа МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: vd.duma@ya.ru

В контексте неблагоприятной демографической ситуации и деформации семейной структуры населения представляется актуальным исследование стратегий семейного поведения российской молодежи. Сегодня молодым людям отводится решающая роль в замещении уходящих поколений. В статье представлены результаты исследования специфики семейных и репродуктивных установок жителей Москвы в возрасте от 18 до 25 лет и приведены рекомендации совершенствованию действующей молодежной политики. Исследование обусловлено необходимостью актуализации информации об изменениях семейных стратегий молодежи для оперативной адаптации действующей социальной политики в молодежной среде. Данная статья посвящена анализу семейных и репродуктивных установок молодежи Москвы. В основе исследования лежит социологический опрос, проведенный среди молодых людей и девушек в возрасте от 18 до 30 лет. Результаты исследования показали, что молодежь Москвы в целом относится к семейным ценностям с высокой оценкой. Однако, отдельные аспекты, связанные с выбором партнера, готовностью к браку и рождению детей, вызывают определенные разногласия. В статье также рассматриваются различия в семейных и репродуктивных установках между молодыми мужчинами и женщинами, а также возможные причины этих различий.

Ключевые слова молодежь, студенческая семья, молодежная политика

По мнению научного сообщества второй демографический переход оказал значительное воздействие на изменение восприятия семьи в сознании людей. [Van de Kaa 2002; Lasthaeghe 2014]. В связи с особенностями индустриальной цивилизации дети постепенно теряют свою экономическую «полезность», в связи с чем родители чаще выбирают репродуктивные сценарии с меньшим количеством детей [6]. При этом, оставаясь основной концепцией значительной части социологического сообщества [3 р. 31], данная теория до сих пор является достаточно спорной [10, с. 129].

Приоритетными направлениями деятельности государства в России обозначены реализация молодежной и семейной политики. Особую роль в демографическом благополучии страны современные исследователи отводят молодежи [Григорьева 2020]. Некоторые эксперты утверждают, что семейные установки студентов и выпускников обусловлены определенным психологическим состоянием, сформировавшимся в результате событий или информации, где молодой человек выработал положительное или отрицательное отношение к определенному количеству детей [Медков 2005]. То есть, на репродуктивные и семейные установки молодежи, особенно студенчества и молодых выпускников в возрасте от 18 до 25 лет валяют не только жизненные реалии информационного общества, но и общемировые тренды, взгляды, мода. В крупных городах распространение трендов и переоценка ценностей молодежи и происходит динамичнее, нежели в других регионах. Кроме того, в мегаполисе сконцентрировано большое количество профессиональных образовательных учреждений и, следовательно, студенческой молодежи, поэтому такие субъекты отлично подходят для непрерывного мониторинга установок молодых россиян в возрас-

те от 18 до 25 лет. Тема молодой семьи в XXI веке стала одним из привлекательных объектов для научного анализа, повысилось социологическое внимание к семейным установкам молодежи, расширился круг исследователей. При этом, исследований, в основе которых находилась бы студенческая семья – не так много. К наиболее популярным отечественным исследованиям по изучению института студенческой семьи можно отнести работы таких авторов, как Багирова, Шубат 2017; Вишневский 2018; Гурко, Тарченко 2019; Девярых 2008; Долбик-Воробей 2005; Кузьмен 2014; Панова, Андрияшина, Григорьева 2019; Русанова 2012; Стельмах 2016 и др.

Безусловно, институт молодой семьи требует особого внимания государства. Однако, среди всех молодых семей к наиболее уязвимым относятся студенческие семьи [17]. В возрасте 18–25 лет, когда человек уже достиг совершеннолетия, вынужден исполнять сразу несколько жизненных функций, но не обладает достаточным опытом – перед ним встает ряд социальных вызовов, связанных с психологическими, жилищными и финансовыми аспектами, учебой, трудоустройством, рождением и воспитанием детей. В отечественной социологической науке изучению семейных установок студенческой молодежи, институту молодой семьи отводится крайне незначительное внимание, взгляды данной категории молодежи чаще рассматриваются с позиции взаимоотношения «отцов и детей» [Солодовников 2018]. Однако необоснованно низкое внимание к семейным установкам данной категории не совпадает с государственными стратегиями развития, актуальным остается вопрос популяризации семейных стратегий в сознании молодежи.

В период с января по февраль 2023 года автором проведено полевое количественное исследование, посвященное изучению семейных установок столичной молодежи. Сбор информации выполнен посредством анкетирования (опроса) группы респондентов – москвичей в возрасте от 18 до 25 лет. Данный возрастной диапазон выбран не случай-

но, ведь именно в этом возрасте молодой человек вступает во взрослую жизнь и от его взглядов и стратегий зависит реализация позитивных сценариев развития нашей страны.

Анкетирование носило добровольный и анонимный характер ответов на вопросы. Всего было опрошено 246 человек. С 50 респондентами были проведены глубинные интервью, в результате которых москвичи поделились собственными взглядами на молодежную и семейную политику и рассуждениями о проблемах современной молодой семьи в Москве.

Можно считать, что исследование получилось достаточно гендерно сбалансированным и в целом находящимся в границах полового распределения современного общества – в нем приняло участие 143 девушки и 103 юноши (Рисунок 1). По возрастному параметру участники опроса уложились в диапазон от 18 до 25 лет, при этом значительная часть респондентов пришла на возраст от 18 до 21 года (65%).

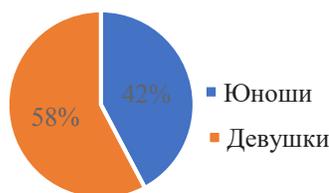

Рис. 1. Гендерное распределение участников исследования (опроса), 2023 г. Составлено автором на основе исследования (опроса), январь-февраль 2023 г.

Большая часть респондентов (80%) на момент проведения исследования проходили обучение в столичных вузах и колледжах. Другое – получив среднее профессиональное или высшее образование уже приступили к трудовой деятельности (Таблица 1). Распределение количества опрошенных по уровню образования демонстрирует, что молодые жители столицы больше настроены на получение высшего образования, нежели на освоение программ среднего профессионального. Такая тенденция продиктована также тем, что в Москве сконцентрировано наибольшее количество престижных учебных заведений

страны, в которые стремятся попасть молодые люди и из других субъектов Российской Федерации.

Таблица 1. Уровень образования респондентов, 2023 г. Составлено автором.

Общее среднее образование (9 классов школы), не обучаюсь	1
Общее среднее образование (11 классов школы), не обучаюсь	8
Получаю среднее профессиональное образование	15
Оконченное среднее профессиональное образование, не обучаюсь	6
Получаю высшее образование (бакалавриат)	143
Получаю высшее образование (специалитет, магистратура)	34
Оконченное высшее образование (бакалавриат), не обучаюсь	26
Оконченное высшее образование (специалитет, магистратура), не обучаюсь	8
Получаю послевузовское образование (аспирантура, ординатура)	5

Свое подтверждение в исследовании нашли данные о динамичной трансформации взглядов на семейные отношения, добрачные контакты и сожительство. Так, 32,1% респондентов заявили, что имеют постоянного полового партнера, но состоят в незарегистрированных отношениях. 11,8% – собираются пожениться в ближайшее время, 3,2% отметили, что встречаются с несколькими поло-

выми партнерами одновременно, 49,2% опрошенных не состоят в отношениях (при этом порядка 1% из них отметили, что находятся в разводе) и только 4,1% – на момент проведения исследования состоят в зарегистрированном браке.

Отношения к добрачным половым связям у большей части опрошенных – положительное. Важность невеступления в половую связь до официального заключения союза отметили только 10% участников. Еще порядка 14% не имели контакта с половыми партнерами, однако не отказались бы от таких отношений до официального оформления брака. Порядка 44,5% респондентов отметили, что имели половой контакт в несовершеннолетнем возрасте. 30% – в возрасте от 18 до 21 года и только 1,5% – в возрасте от 22 до 25 лет. При этом 57% опрошенных имели за свою жизнь более 3-х половых партнеров.

Вместе с тем подавляющее большинство участников (95%) отметили, что положительно относятся к совместному проживанию до официального заключения брака, так как оно помогает лучше узнать друг друга. Только 2% опрошенных высказались против сожительства до официального заключения союза. Еще 3% обозначили, что планируют всегда проживать в одиночестве. Подробные ответы респондентов в части отношения к совместному проживанию до официальной регистрации брачных отношений приведены на рисунке 2.

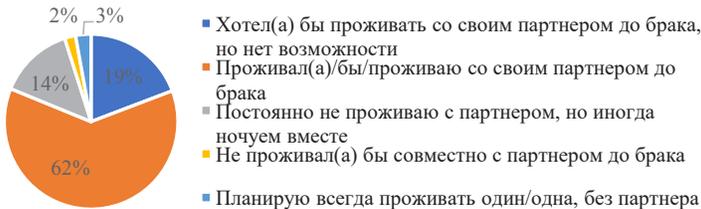

Рис. 2. Отношение участников опроса к совместному проживанию с партнером до официальной регистрации брака, 2023 г. Составлено автором

Удалось проанализировать отношения пар, находящихся в зарегистрированном браке или планирующих в ближайшее время заключение официального союза. Так, наименьший период отношений перед решением о заклю-

чении брака составил 4 месяца, самые длинные отношения, закончившиеся браком – 8 лет, но это скорее исключение, нежели правило. Наиболее частая продолжительность отношений, отмеченная участниками исследования с мо-

мента начала отношений до решения о заключении официального брачного союза – 3,5–4 года, так ответило большинство опрошенных. Примечательно, что среди категории респондентов, состоящих в браке и собирающихся в ближайшее время зарегистрировать свой союз – 5,2% отметили, что не собираются вообще заводить детей и относят себя к движению «чайлдфри».

Как показывают данные Всероссийской переписи населения 2020 года современная российская семья малодетна по своему составу (Итоги всероссийской переписи населения 2020 года. Федеральная служба государственной статистики). Это проявлялось и ранее, во Всероссийских переписях населения 2010 и 2002 года [18 с. 257].

Традиционно наибольшее количество участников отметили, что хотели бы иметь в семье двоих детей – 44,5%, троих – 16,5%, четверых и более – 7,5%. О желании иметь только одного ребенка высказались 15,5% молодых людей.

При этом, количество представителей «чайлдфри» среди всех категорий респондентов – высокое. Сомневаются в том, что хотели бы когда-либо заводить детей – 8,3% опрошенных москвичей, еще 7,7% уверены, что никогда не заведут ребенка в своей семье.

Особый интерес в этой связи представляет анализ причинно-следственной связи и выявления факторов, в связи с которыми молодые люди стремятся к вступлению в отношения, одновременно с этим не нацелены на репродуктивное воспроизводство. Одной из причин, обозначенных в ходе устного опроса респондентов была выявлена невозможность совмещения семейных функций с саморазвитием и самореализацией. Некоторые участники исследования высказали мнение о том, что современное общество и политический порядок диктует необходимость в первую очередь «встать на ноги, и лишь потом заводить семью», в связи с чем рождение детей в молодом возрасте имеет больше негативный окрас и воспринимается как отягощающий фактор, нежели мотивация к росту и карьерному развитию.

В связи с этим, участникам исследования было предложено самостоятельно охарактеризовать себя или выбрать наиболее применимое к ним описание в части реализации собственных жизненных установок. Данные опроса показали, что ориентир на семью в студенческой и молодежной среде столицы постепеноно уходит на второй план. Так, среди молодых москвичей только 8,1% охарактеризовали себя как «семейные люди» и высказались, что создание собственной семьи и ее сохранение – главная ценность жизни. Значительная часть столичного студенчества (35,8%) придерживаются мнения, что создание собственной семьи зависит от выстроенной карьеры и стабильного дохода, при этом характеризуют себя больше, как «карьерные люди», нацелены на исполнение трудовой функции и если встанет выбор между работой и семьей – выберут работу. Еще 15,5% высказались, что не готовы заводить собственную семью в связи с невозможностью совмещать ее с любимым делом. В качестве альтернативы семейного союза они обозначили наиболее важные для себя установки, к примеру: развивать науку и творчество (2,4%), добиться власти и богатства (2,4%), использовать жизнь на самореализацию и саморазвитие (10,6%). При этом, наибольшее число респондентов (41,9%) готовы совмещать семейные и трудовые функции, и высказались за то, что выбор между карьерой и семьей – невозможен, так как эти два направления неразрывно связаны друг с другом.

Настораживают результаты исследования в части отношения молодых москвичей в возрасте от 18 до 25 лет к абортам и ЛГБТ-движению. Закрепленное законом право на искусственное прерывание беременности появилось в России в 1920 году, мотивированное «моральными пережитками прошлого и экономическими условиями настоящего» [25], но уже в 1936 было отменено соответствующим постановлением ЦИК и СНК СССР [26]. Тогда материнство объявили гражданской обязанностью, а не «частным делом женщины» [14]. Право на аборт вернули в 1955 году,

после распада СССР оно сохранилось и в современной России. С 2007 года начался этап пронаталистской (нацеленной на рост рождаемости) государственной демографической политики [Смирнов 2010], с 2017 число абортс ежегодно снижается [24], однако снижение вызвано скорее не ростом сознательности и тягой к материнству, а сокращением общего числа беременностей, что подтверждают данные службы государственной статистики и результаты опроса. Так, в ответ на вопрос: «Если вы завтра узнаете, что Вы/Ваша партнерша оказались беременным – будете ли вы рожать ребенка или сделаете аборт» 37% участников высказались, что скорее прибегли бы к абортс или способствовали принятию такого решения своей избранницей. Эта тревожная цифра указывает на необходимость более пристального внимания государства к вопросу пропаганды материнства и детства, проведения информационной и разъяснительной работы, нацеленной на изменение выявленных тенденций.

В части оценки института нетрадиционных сексуальных отношений только 35% участников высказались о том, что не поддерживают ЛГБТ-движения в России. Еще 48,8% обозначили, что не имеют принципиальной позиции на этот счет. 13,4% москвичей выразили поддержку деятельности нетрадиционных движений, а 2,8% отметили, что относят себя к представителям ЛГБТ. Репродуктивные и сексуальные права населения, транслирующийся различными феминистическими, либеральными и ЛГБТ-организациями, создание блогерами и артистами образа «успешного бездетного молодого эгоиста», живущего развлечениями и беззаботным отдыхом, в совокупности с отсутствием действенной пропаганды материнства в молодежной среде, отражается в сознании молодежи и их отношении к нетрадиционной семье и ответственному прерыванию беременности.

Кроме того, еще одной тенденцией, негативно влияющей даже на молодежь с традиционными семейными взглядами, является «отложенные рождения» – ког-

да возраст рождения первенца откладывается на более поздний срок. По данным государственной статистики наибольшее количество первых рождений приходится на возраст матери в диапазоне 25–26 лет. В 2021 году 27,2% российских матерей родили первого ребенка в диапазоне 22–25 лет, еще 25,2% в возрасте от 26 до 29. Порядка 23,6% первенцев появились у женщин в возрасте старше 30 лет.

При определении «идеального» возраста для рождения первенца установки молодых москвичей (участников опроса) распределились следующим образом:

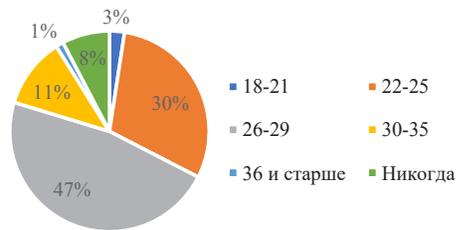

Рис. 3. Идеальный возраст для рождения первенца по мнению респондентов, исследование 2023 г. Составлено автором

В части формирования образа «идеальной семьи» молодые люди чаще ориентированы на эгалитарный тип – когда оба супруга соблюдают равенство и разделяют ответственность при принятии решений. Так высказалось 81,5% опрошенных. Патриархальных взглядов (авторитет мужа и отца в семье) придерживаются 15% респондентов. Матриархальных – всего 0,5%. Устойчивое отрицание любых взаимоотношений внутри семьи высказали 3% респондентов – они не желают заводить отношения, обосновывая это следующим высказыванием: «в жизни есть более интересные занятия». Чаще всего во взглядах об идеальном распределении домашних обязанностей молодые люди высказываются в пользу равного распределения домашнего труда (Рисунок 4). Так, 66% опрошенных считают правильным осуществление домашних обязанностей по очереди или вместе, вне зависимости от того, работает ли их партнер или нет. Второе место по популярности молодежь отводит мнению, где оба супруга

исполняют трудовые функции, однако работу по дому лежит больше на женщине, нежели на мужчине (17%).

Еще одна часть респондентов (8%) считает, что домашние обязанности следует возложить на того, кто не работает или работает меньше. В целом, мы мо-

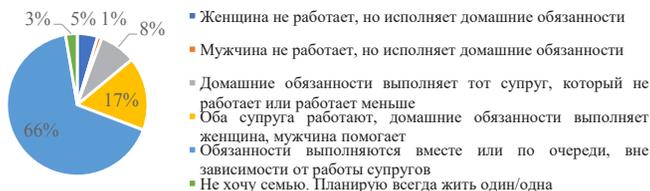

Рис. 4. «Идеальная семья» – взгляды респондентов на распределение домашних обязанностей между партнерами/супругами, 2023 г. Составлено автором

Заключительным блоком стала аналитика правовой грамотности молодежи, их информированности о государственных и региональных мерах поддержки, реализуемых с целью социальной защиты института молодой семьи, деторождения и трудоустройства. Данный вопрос был открытым и подразумевал размышления на тему о том, какие программы поддержки существуют и какие есть условия для участия в них. Анализ результатов показал, что большая часть молодежи имеет фрагментарные знания о государственных и региональных программах поддержки «в связи с отсутствием интереса к данной теме». Из мер соцподдержки молодой семьи чаще всего респонденты отмечали программу «Материнский капитал» (6,9% опрошенных) и «Семейная ипотека» (5,3% опрошенных). Также некоторые участники слышали о государственной поддержке многодетных семей и о «незначительных» единовременных выплатах на рождение первенца. Один из участников рассказал об университетской программе поддержки молодой семьи в своем университете, однако не смог обозначить условия участия в ней. 33,3% опрошенных обозначили, что никогда не интересовались государственными программами, так как рассчитывают только на свои силы. Порядка 6% заявили, что действующие государственные программы устарели или не применимы к большей части молодых семей. Еще 22% – не готовы уча-

жем наблюдать у современной молодежи стремления к равноправию внутри собственной семьи. Все реже встречается в сознании молодежи практика «одна карьера на двоих», распространенная в СССР.

ствовать в госпрограммах, так как такие программы, на их взгляд, «сопряжены со стрессом и временными/финансовыми затратами». Остальные респонденты объяснили, что ничего не слышали о федеральных и региональных программах поддержки семьи и молодежи, однако если бы они знали о необходимых условиях и документах – возможно приняли бы участие.

В части программ трудоустройства молодые люди чаще отмечали вклад университетов при устройстве на практику/стажировку, а также профориентационные мероприятия в учебных заведениях: выставки карьеры, мероприятия карьерных центров на базе университетов и поддержку специализированных площадок по поиску вакансий (HH.RU, Avito, Rabota.ru).

Почти все опрошенные высказали мнение, что трудоустроиться молодым выпускникам вузов на работу по специальности в Москве сегодня сложнее всего, ведь работодатель требует не только знаний, но и опыта. При этом, анализ доходов респондентов показал, что доход ниже прожиточного минимума в столице имеют лишь 25% опрошенных, находящихся (в основном) в возрастном диапазоне от 18 до 20 лет (Рисунок 5).

Результаты проведенного исследования демонстрируют готовность молодых людей к созданию семьи, однако в сознании значительной части молодых москвичей исполнение семейных функ-

ций приравнивается к необходимости сделать выбор между успешной карьерой (стабильным доходом, самореализацией, саморазвитием) и реализацией себя в качестве хорошего супруга или родителя. Студенческая молодежь нацелена на получение экономической независимости, при этом такие явления, как «стеклянный потолок» и «липкий пол», продолжают создавать девушкам неблагоприятные условия для совмещения семейных и профессиональных функций, заставляя «выбирать» между экономической независимостью и домашними заботами. Одновременно с этим вовлечение девушек в образовательную и трудовую деятельность способствует изменению роли мужчины в семье, юноши реже остаются единственным источником материального благополучия и постепенно утрачивают статус главы семейства. Большая часть современной молодежи предпочитает равноправие и равное разделение ответственности, однако физиологически женщина также остается более вовлеченной в семейный быт.

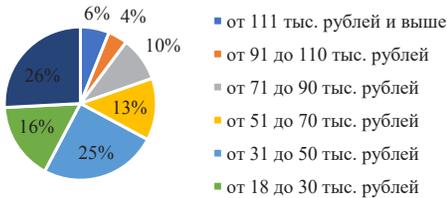

Рис. 5. Доходы столичной молодежи в возрасте от 18 до 25 лет, 2023 г. Составлено автором

Государство предлагает региональные и федеральные программы трудоустройства и профориентирования, осуществляет меры господдержки (субсидии, льготы) для организаций, принимающих на работу молодых людей до 30-ти лет, реализует программы и конкурсы по карьерной самореализации «Мое первое рабочее место», «Стажировка в Правительстве Москвы». Отдельным блоком реализуются программы поддержки молодой семьи – в первую очередь получению жилья из жилищного фонда или приобретению в собственность жилья молодым семьям, признанным нуждающимися в таком улучшении жилищных

условий. При этом, молодое поколение о реализации данных программ не знает, отсутствует оптимальный объем информационного освещения указанных программ и мероприятий.

Кроме того, молодая семья в Москве может претендовать на единовременное и дополнительное единовременное пособие при рождении ребенка, единовременную компенсацию, ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения возраста 1,5 лет. Малообеспеченным семьям, уровень которых не превышает уровня имущественной обеспеченности для предоставления мер соцподдержки назначается ежемесячное пособие и налоговый вычет на ребенка (малоимущим семьям). Студенческим семьям производится ежемесячная компенсация на возмещение роста стоимости продуктов питания на детей, также родители имеют право на получение молочных продуктов на ребенка, не достигшего 2 лет, право бесплатного посещения детьми детского сада, музеев и проезда на городском общественном транспорте – если пара студенческая или родители – военные. Но ни один из респондентов не смог назвать меры государственной поддержки студенческой семьи в Москве.

Государственная политика как бы сознательно разделяет исполнение трудовой и семейной функции молодежи, реализуя невзаимосвязанные между собой социальные программы. В части федеральной поддержки института молодой семьи и укрепления семейных установок молодежи целесообразным видится расширение комплекса мер поддержки студенческих семей и работающих молодых родителей, в том числе через установление льгот и пособий работодателям, а также установление молодым родителям специальных условий труда (к примеру – сокращенный рабочий день, сокращенная рабочая неделя или гибридный (очно-дистанционный) формат исполнения трудовых функций на тех рабочих местах, где это возможно), при условии исполнения сотрудником семейных (родительских) функций.

Важным направлением государственной политики следует выделить ин-

формационную работу в области освещения негативного влияния искусственного прерывания беременности на организм молодой женщины, формирование образа успешной молодой мамы, положительного образа молодой семьи. Особое внимание следует уделить ограничению деятельности ЛГБТ-движений. В 2022 году Государственной Думой принят закон об ограничении пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений и предпочтений, однако не ограничено существование и деятельность объединений и сообществ, в основе которых лежит формирование положительного образа о равноправности гомосексуальности и гетеросексуальности.

Популяризацию положительного образа молодой семьи следует осуществлять в востребованных и актуальных для молодежи форматах через воспитательную работу, социальную рекламу, кинематографию, мультипликацию, что особенно актуально в связи с поручением Президента России В.В. Путина от 2022 года о полном государственном финансировании производства и проката художественных фильмов для детей и юношества [1]. Также с 2022 года Правительству Российской Федерации при участии АНО «Институт развития интернета» Президентом поручено обеспечить производство на регулярной основе востребованного цифрового контента и мультимедийных продуктов в новых форматах, направленных на духовно-нравственное воспитание детей и молодежи, в том числе предусмотрено выделение из федерального бюджета порядка 3900 млн рублей.

Для повышения эффективности государственной молодежной политики в части мотивации к созданию семьи и деторождению государству следует разработать комплекс мер, направленный на совмещение трудовой и семейной функций молодежи, а также нацеленный на поддержку молодой семьи.

Такой подход позволит предусмотреть национальные цели развития Российской Федерации как в части сохранения населения, так и в части эф-

фективного труда и возможностей для самореализации.

Литература

1. Перечень поручений по итогам заседания Совета по реализации государственной политике в сфере защиты семьи и детей, состоявшегося 27 июня 2022 г. Пр-1964
2. *Antonov A. I., Medkov V.* Demographic processes in the countries of eastern europe, the cis, and the baltic: Trends in the 1990s and what we should expect in the next decade // *World Family Policy Forum.* 2002.
3. Billari, F.C. & Liefbroer, A.C. (2004) Is the Second Demographic Transition a useful concept for demography? Introduction to a debate. *Vienna Yearbook of Population Research.* 2. P. 1–3
4. Lesthaeghe R. The second demographic transition: A concise overview of its development // *Proceedings of the National Academy of Scienced.* 2014. № 111 (51). P. 18112–18115.
5. Van de Kaa D.J. The Idea of Second Demographic Transition in Industrial Countries. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. Tokyo, Japan, 2002. 34 p.
6. Van de Kaa, D.J. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. *Population Studies* 50. P. 389–432
7. Багирова А.П., Шубат О.М. Семья и родительство сквозь призму мнений студентов // *Социологическое исследование.* 2017. № 7. С. 126–131
8. Вишневецкий А.Г., Елизаров В.В., Мкртчян Н.В. Демографическое настоящее и демографическое будущее России // *Никитский клуб.* -М. 66 с.
9. Григорьева Н.С. Жизненные планы студенческой молодежи: семья versus карьера // *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки.* 2020. № 5. С. 156–165
10. Гудкова Т.Н. Концептуализация второго демографического перехода:

- эвристический потенциал и ограничения теории // Вестник Томского государственного университета: Философия. Социология. Политология. 2018. № 43. С. 125–136
11. Гурко Т.А., Тарченко В.С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99–110
 12. Гурко Е.М. Представление студенческой молодежи о браке // Актуальные проблемы семей в России / Под ред Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 200–210
 13. Девярых С.Ю. Репродуктивные установки студенческой молодежи // Журн. Проблемы репродукции. 2008. № 5. С. 15–20
 14. Денисов Б.П., Сакевич В.И., Вишневский А.Г. Запрет аборта: освежите вашу память // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. 2016. № 707–708
 15. Долбик-Воробей Т.А. Репродуктивные установки студенческой молодежи. Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. С. 414–423
 16. Кузьмен О.В. Работа, профессиональное образование, семья в ценностных ориентациях и представлениях студенческой молодежи России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1. С. 144–151
 17. Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Подпорошова Н.Н., Репродуктивные установки молодой (студенческой) семьи // Научные ведомости Белгородского государственного университета Серия: Философия. Социология. Право. 2018. Том 3
 18. Панова Е.А., Андрюшина Е.В., Григорьева Н.С. Семейные стратегии современной российской студенческой молодежи (результаты компаративного анализа данных опроса за 2008 и 2019 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 77. Декабрь 2019 г.
 19. Пышкина А.С., Жабина У.В., Османов Э.М., Ведищев С.И. К вопросу о репродуктивных установках современной студенческой молодежи // Вестник Томского государственного университета, 2011, Т. 16, вып. 6
 20. Русанова А.А. Семья как ценность и институт самоопределения студенческой молодежи // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 4. С. 84–92
 21. Смирнов Я.О. Пронаталистская демографическая политика в современной России: различия в реакции социальных групп // Вестник Нижегородского университета имени Лобачевского. Серия: Социальные науки, 2010, № 4 (20). С. 98–103
 22. Солодовников В.В. Российские социологические и психологические исследования семьи в XXI веке: мета-анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6, С. 269–332
 23. Стельмах А.М. Российская студенческая семья как объект современной политики государства // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2016. Т. 16. № 10. С. 75–77
 24. Семья и дети в России. 2021: – М.: «Перо», 2022. 120 с.
 25. Об искусственном прерывании беременности: Постановление НК здравоохранения и НК юстиции от 16 ноября 1920 г. // Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., Медгиз, 1958
 26. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах.

FAMILY AND REPRODUCTIVE ATTITUDES OF MOSCOW YOUTH: ANALYSIS OF THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL STUDY

Dankova V.V.
Lomonosov Moscow State University

In the context of the unfavorable demographic situation and the deformation of the family structure of the population, it seems relevant to study the strategies of family behavior of Russian youth. Today, young people have a crucial role to play in replacing the passing generations. The article presents the results of a study of the specifics of family and reproductive attitudes of Moscow residents aged 18 to 25 years and provides recommendations for improving the current youth policy. The study is conditioned by the need to update information about changes in family strategies of young people for the operational adaptation of the current social policy in the youth environment. This article is devoted to the analysis of family and reproductive attitudes of young people in Moscow. The research is based on a sociological survey conducted among young people and girls aged 18 to 30 years. The results of the study showed that the youth of Moscow as a whole treats family values with high appreciation. However, certain aspects related to the choice of a partner, readiness for marriage and the birth of children, cause some controversy. The article also examines the differences in family and reproductive attitudes between young men and women, as well as possible reasons for these differences.

Keywords youth, student family, youth policy.

References

- List of instructions based on the results of the meeting of the Council for the Implementation of State Policy in the Field of family and Child Protection, held on June 27, 2022, Pr-1964
- Antonov A. I., Medkov V. Demographic processes in the countries of eastern Europe, the CIS, and the Baltic: Trends in the 1990s and what we should expect in the next decade // World Family Policy Forum. 2002.
- Billari, F.S. & Liefbroer, A.S. (2004) Is the Second Demographic Transition a useful concept for demography? Introduction to a debate. Vienna Yearbook of Population Research. 2. P. 1–3
- Lesthaeghe R. The second demographic transition: A concise overview of its development // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. № 111 (51). P. 18112–18115.
- Van de Kaa D.J. The Idea of Second Demographic Transition in Industrial Countries. Paper presented at the Sixth Welfare Policy Seminar of the National Institute of Population and Social Security. Tokyo, Japan, 2002. 34 p.
- Van de Kaa, D.J. (1996) Anchored Narratives: The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility. Population Studies 7 50. P. 389–432
- Bagirova A.P., Shubat O.M. Family and parenthood through the prism of students' opinions // Sociological research. 2017. No. 7. pp. 126–131
- Vishnevsky A.G., Elizarov V.V., Mkrtchyan N.V. Demographic present and demographic future of Russia // Nikitsky Club. -M. 66 p
- Grigorieva N.S. Life plans of student youth: family versus career // Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanities and social sciences. 2020. No. 5. pp. 156–165
- Gudkova T.N. Conceptualization of the second demographic transition: heuristic potential and limitations of the theory // Bulletin of Tomsk State University: Philosophy. Sociology. Political science. 2018. No. 43. pp. 125–136
- Gurko T.A., Tarchenko V.S. Dynamics of marital attitudes and plans of students // Sociological research. 2017. No. 11. pp. 99–110
- Gurko E.M. Representation of student youth about marriage // Actual problems of families in Russia / Edited by T.A. Gurko. – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2006. pp. 200–210
- Devyatykh S. Yu. Reproductive attitudes of student youth // Zhuri. Reproduction problems. 2008. No. 5. pp. 15–20
- Denisov B.P., Sakevich V.I., Vishnevsky A.G. Prohibition of abortion: refresh your memory // Demoscope Weekly. Electronic version of the bulletin Population and Society. 2016. № 707–708
- Dolbik-Vorobey T.A. Reproductive installations of student youth. Russian youth: problems and solutions. Moscow: Center for Social Forecasting, 2005. pp. 414–423
- Kuzmen O.V. Work, vocational education, family in value orientations and representations of Russian student youth // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2014. No. 1. pp. 144–151
- Kovalchuk O.V., Lazurenko N.V., Podporinova N.N. Reproductive attitudes of a young (student) family // Scientific bulletin of Belgorod State University Series: Philosophy. Sociology. Right. 2018. Volume 43

18. Panova E.A., Andryushina E.V., Grigorieva N.S. Family strategies of modern Russian student youth (results of comparative analysis of survey data for 2008 and 2019) // State administration. Electronic bulletin. Issue # 77. December 2019
19. Pyshkina A.S., Zhabina U.V., Osmanov E.M., Vedishchev S.I. On the issue of reproductive attitudes of modern student youth // Bulletin of Tomsk State University, 2011, Vol. 16, issue 6
20. Rusanova A.A. Family as a value and the institute of self-determination of student youth // Modern studies of social problems. 2012. No. 4. pp. 84–92
21. Smirnov Ya.O. Pronatalist demographic policy in modern Russia: differences in the reaction of social groups // Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences, 2010, No. 4 (20). pp. 98–103
22. Solodovnikov V.V. Russian sociological and psychological studies of the family in the XXI century: mataanalysis // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2018. No. 6, pp. 269–332
23. Stelmakh A.M. The Russian student family as an object of modern state policy // Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University. 2016. Vol. 16. No. 10. pp. 75–77
24. Family and children in Russia. 2021: – Moscow: “Pero”, 2022. 120 p.
25. On artificial termination of pregnancy: Resolution of the NK of Health and the NK of Justice of November 16, 1920 // Resolutions of the CPSU and the Soviet Government on the protection of the health of the people. M., Medgiz, 1958
26. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR of June 27, 1936 On the prohibition of abortion. increasing financial assistance to women in labor, establishing state assistance to multi-family families, expanding the network of maternity hospitals, nurseries and kindergartens. the strengthening of criminal penalties for non-payment of alimony and some changes in the legislation on divorce.

«Новый класс» Милована Джиласа как описательная модель политико-административной элиты постсоветской России

Лобойко Дмитрий Александрович,

независимый исследователь, директор центра

«Региональные исследования»

E-mail: d.loboyko@gmail.com

Милован Джилас был выдающимся критиком и аналитиком так называемого «нового класса», то есть политической бюрократии, созданной внутри коммунистической партии. Его идеи повлияли на Михаила Восленского, отражены в его знаменитой работе «Номенклатура» и, таким образом, косвенно повлияли на формирование российской элитологической школы. В статье приведён анализ работы «Новый класс» Милована Джиласа с точки зрения применимости его объяснительной модели к современному политическим режимам постсоветского периода. В статье представлена эволюция политической позиции, прежде всего, политическая мысль Милована Джиласа о так называемом «новом классе» и системе коммунистического общества, его характере и неизбежности исчезновения. Выявлены схожие черты между «новым классом» Джиласа и политико-административной элитой современной России. Применимость наследия М. Джиласа к современным реалиям обусловлена тем, в настоящее время в современной России политическое пространство регулируется по иерархической структуре, подразумевает наличие определенных правил игры, по которым решается вопрос о распределении ресурсов политических деятелей. В качестве самостоятельного решается вопрос о природе и характерных особенностях формирования господствующего класса в процессе буржуазно-демократической революции. Для всестороннего анализа в ходе исследования применялись как англоязычные, так и сербохорватские источники.

Ключевые слова: новый класс, политико-административная элита, правящая элита, классовое общество, коммунистическое общество.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающей ролью элит в современном глобальном мире, а также необходимостью принятия оперативных стратегических решений. Большое значение исследование элит в современном обществе также приобретает ввиду того, что во многих государствах в правящей верхушке сосредоточены административные и политические элиты, которые способствуют снижению роли парламентаризма и политических партий. Интерес для исследования в современном обществе к критике советского государства и всей системы социализма также остается широким [1].

Еще одной причиной необходимости изучения вопросов политико-административной элиты выступает увеличение объема полномочий и власти президента, что приводит к суперпрезидентской форме правления и, как следствие, реформированию элитарного правления.

Для настоящего исследования представляет интерес процесс формирования нового класса, выявленного Милованом Джиласом, который может послужить описательной моделью политико-административной элиты постсоветской России.

Первоначально необходимо обозначить и проанализировать условия, в которых формировалась правящая элита постсоветского пространства. К созданию типичной модели управления, действующей с момента установления и формирования правящей элиты на постсоветском пространстве, привели обстоятельства, связанные в том числе с географическими особенностями и необходимостью сохранения территориальной целостности государства. Немаловажное значение играло то, что советская административно-бюрократическая система сформировалась в обстановке необходимости защи-

ты от внешних угроз и большой нехватке ресурсов для развития.

Однако, как отмечают исследователи российского правящего класса, внешняя стабильность советской номенклатурной системы формирования элит на самом деле оказалась обманчивой, поскольку она не смогла противостоять внутренним и внешним вызовам конца 80-х годов XX века [2].

В конечном итоге ввиду обозначенных выше обстоятельств в условиях развития советского государства сформировалась административно-бюрократическая система, которая получила название номенклатуры. Появление номенклатуры в СССР объяснялось руководящей ролью КПСС, доминировавшей в политическом и идеологическом пространстве государства [9, с. 36].

Милован Джилас, югославский историк и политический деятель, в своей книге под названием «Новый класс» разработал целостную и стройную теорию номенклатуры, где дал критическую оценку построения коммунистического общества с марксистских позиций.

Данная теория является исчерпывающей описательным и всесторонним анализом обозначенного явления. Он проводит «анализ коммунистической системы», описывая генезис возникновения и развития нового правящего класса – привилегированной партийной бюрократической верхушки, эксплуатирующей общество.

Как утверждает М. Восленский, который придерживается и развивает идеи М. Джиласа, в результате подготовки и реализации революционного переворота, аппарат коммунистической партии был преобразован в новый класс истинной бюрократии, который монополизировал государственную власть [6]. Немаловажно отметить, даже истинные революционеры, выступавшие ранее за права и свободы, заполучив власть превратились в реакционеров.

Классовый характер революции подчеркивается в работах многих ученых, в том числе зарубежных [7]. Стоит отметить, что сформировавшийся революционным путем новый класс в совет-

ской России сам воспринял и представил свое собственное господство как установление свободы. Новый класс от иных отличался тем, что относился нетерпимо к попыткам оспаривания своей власти. Похожую нетерпимость можно обнаружить и в современной России.

Однако, необходимо заметить, что иные классы в большинстве своем приобретали власть также революционным путем, разрушая уже сложившиеся, устоявшиеся в обществе устои и традиции. Но значительным отличием нового класса в коммунистическом постсоветском обществе было то, что новая власть не имела намерения преобразовать и наладить порядок в стране. Главной целью сформировавшейся элиты выступало заложение основ экономических отношений и собственного господства над обществом.

Сложно не согласиться с мнением Джиласа, согласно которому «в противоположность прежним революциям, коммунистическая революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, привела к неограниченной власти одного, нового класса».

В связи с чем, нужно согласиться с тем, что переход от советского социализма к рыночной экономике предполагает фундаментальный сдвиг в модели социальной стратификации, то есть переход от статусно-упорядоченного общества к классовому обществу [5].

Возвращаясь к работе Милована Джиласа, необходимо отметить, что то, что он говорит о природе коммунистической диктатуры, не ново, однако, он достаточно верно формулирует свой анализ на языке диалектики. Автору не совсем удачно удается показать неизбежность коммунистической революции как процесса развития промышленно отсталых стран.

В то же время, следует согласиться с авторской позицией о том, что новый класс обязан своим характерным особенностям историческим обстоятельствам, которые привели к его появлению. На наш взгляд, несмотря на многие схожие черты и характеристики, нового класса в ряде коммунистических стран

он разнится ввиду разных социально-экономических и политических условий его становления.

Существует мнение, что структурная парадигма, сосредоточенная на экономическом неравенстве и основанная на методологии опросов и классификациях по роду занятий, доминировала в социологическом классовом анализе как в СССР, так и в современной России [4]. В целом соглашаясь с данным мнением, попутно стоит отметить, что имея ряд негативных последствий, сформировавшаяся модель политико-административной элиты в то же время на определенном этапе развития государства способствовала сохранению его целостности страны посредством преемственности советской и российской элиты.

В своей работе Джилас высказывает интересную мысль о том, что «наряду с харизматическими революционерами, всё равно, так или иначе, будут присутствовать хозяйственники, потому как задача создания новой экономики требует мозгов профессионалов. Поэтому, к их услугам обычно прибегали после того, как «революционный взрыв и революционное насилие становились помехой для хозяйственной жизни сразу же после свержения старого режима» [8].

Колоссальный разрыв по уровню жизни элиты по отношению к простым людям подчеркивается во многих исследованиях [10, с. 22]. Применимость обозначенного в работе М. Джиласа подхода к современным реалиям обусловлена тем, в настоящее время в современной России политическое пространство регулируется по иерархической структуре, подразумевает наличие определенных правил игры (гласных и негласных), по которым решается вопрос о распределении ресурсов политических деятелей. Ввиду чего, публичная власть отделяется от общества. Причем, механизмы вовлечения во властные структуры представляются противоречивыми. Роль теневой экономики и политики по-прежнему высоки несмотря на то, что борьба с ними декларируется.

В современных условиях так называемая «правящая элита» определяется

по признаку принадлежности к государственному управлению, а также включенностью в экономические и силовые структуры. Схожесть предложенной Миланом модели с современным развитием России наблюдается также в том, что господствующий класс отличается наибольшей включенностью в рыночный сектор экономики и отличается разнообразными формами значимости в экономическом плане поведения.

Все изложенное подчеркивается в том числе в работах Шульман, которая утверждает, что современный гибридный режим, представляющий собой авторитаризм на новом историческом этапе, который характеризуется поощрением в гражданах пассивности [11, с. 13].

Подводя итог проведенному анализу, следует отметить, что высокая степень иерархизации современного административно-политического пространства современной России негативно сказывается на общественном сознании и правовой, политической, а также гражданской активности населения. Проблема различия качества жизни и доступа к объектам инфраструктуры и иным благам остается актуальной и требует дальнейшего исследования. Модель «нового класса» Милована Джиласа обладает эвристическим потенциалом для описания и объяснения процессов, происходящих в правящем классе современной России.

Литература

1. Djilas M. The crisis of communism // *Telos*. – 1989. – Т. 1989. – № . 80. – С. 117–121.
2. Formation of elite in Russia: Conflict and consensus / E.V. Suslov, V.B. Golubev, S.A. Zhyravlev, V.T. Mihailov // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – № 3. – P. 71–78.
3. Hofman I. S. et al. Под стегом партии. Музыка социалистического реализма-примеры СССР и Югославии // *Godišnjak za društvenu istoriju*. – 2005. – № . 1–3. – С. 41–63.
4. Melin H., Salmenniemi S. Class analysis in the USSR and contemporary Russia //

- Rethinking Class in Russia. – Routledge, 2016. – С. 23–41.
5. Piirainen T. From status to class: the emergence of a class society in Russia //The Kalamari Union. – Routledge, 2019. – С. 314–341.
 6. Voslensky, M.S. (1991). Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union. Moscow, “Soviet Russia.” collab. with MP October.
 7. Žunjić V. A. V. et al. Самир Амин: Октобарска револуција 1917, један век касније //Социолошки преглед. – 2017. – Т. 51. – № . 4. – С. 624–631.
 8. Джилас М. Новый класс. – Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1961. – 248 с.
 9. Скиперских А.В. «Верх» и «низ» политического пространства: особенности конструирования в российской политике. // Политика и общество. 2021. № 1. С. 36.
 10. Хлынин А.П. Генезис подходов к исследованию элит в советском союзе // Социология. 2022. № 3. С. 17–23.
 11. Шульман Е. Практическая политология. Пособие по контакту с реальностью. / Екатерина Шульман. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – 320 с.

MILOVAN DJILAS’ “NEW CLASS” AS A DESCRIPTIVE MODEL OF THE POLITICAL AND ADMINISTRATIVE ELITE OF POST-SOVIET RUSSIA

Loboiko D.A.

Center of Regional Studies

The relevance of the research topic is due to the fact that Milovan Djilas was an outstanding critic and analyst of the so-called “new class”, that is, the political bureaucracy created within the Communist Party. The article provides an analysis of the work “New Class” by Milovan Djilas from the point of view of the applicability of his explanatory model to modern political regimes of the post-Soviet period. The article presents the evolution of the political position, first of all, the political thought of Milovan Djilas about the so-called “new class” and the system of communist society, its nature and the inevitability of disappearance. The similarities between the “new class” of Djilas and the political and administrative elite of modern Russia are revealed. Applicability of the legacy of M. Gilasa’s attitude to modern realities is due to the fact that at present

in modern Russia the political space is regulated according to a hierarchical structure, implies the existence of certain rules of the game, according to which the issue of the distribution of resources of political figures is decided. The question of the nature and characteristic features of the formation of the ruling class in the process of the bourgeois-democratic revolution is solved as an independent one. For a comprehensive analysis, both English-language and Serbo-Croatian sources were used in the course of the study.

Keywords: new class, political and administrative elite, ruling elite, class society, communist society.

References

1. Djilas M. The crisis of communism //Telos. – 1989. – Vol. 1989. – No. 80. – pp. 117–121.
2. Formation of elite in Russia: Conflict and consensus / E.V. Suslov, V.B. Golubev, S.A. Zhyravlev, V.T. Mihailov // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – No. 3. – P. 71–78.
3. Hofman I. S. et al. Under the party’s quilt. The music of socialist realism-the example of the USSR and Yugoslavia //Godišnjak za društvenu istoriju. – 2005. – № . 1–3. – Pp. 41–63.
4. Melin H., Salmenniemi S. Class analysis in the USSR and contemporary Russia // Rethinking Class in Russia. – Routledge, 2016. – pp. 23–41.
5. Piirainen T. From status to class: the emergence of a class society in Russia //The Kalamari Union. – Routledge, 2019. – pp. 314–341.
6. Voslensky, M.S. (1991). Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union. Moscow, “Soviet Russia.” collab. with MP October.
7. Žunjić V. A. V. et al. Samir Amin: Oktobarska revolucija 1917, jedan vek kasnije //Socioloski pregled. – 2017. – Vol. 51. – No. 4. – pp. 624–631.
8. Djilas M. The New Class. – New York: Frederick A. Praeger, 1961. – 248 p.
9. Skiperskikh A.V. “Top” and “bottom” of the political space: design features in Russian politics. // Politics and Society. 2021. No. 1. p. 36.
10. Khlynin A.P. Genesis of approaches to the study of elites in the Soviet Union // Sociology. 2022. No.3. pp. 17–23.
11. Shulman E. Practical Political Science. A guide to contact with reality. / Ekaterina Shulman. – Moscow: AST Publishing House, 2018. – 320 p.

Компетентность жителей Самарской области в вопросах кибербезопасности: опыт социологического измерения

Фазульянова Светлана Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент кафедры методологии социологических и маркетинговых исследований, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
E-mail: svetafaz@mail.ru

Логина Ирина Анатольевна,

кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева» (Самарский университет)
E-mail: okean559@yandex.ru

Яковлев Александр Витальевич,

аспирант, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»
E-mail: more559@yandex.ru

от целого ряда социально-демографических факторов: пола, возраста, уровня образования, места проживания и др. В заключении статьи резюмируются актуальные направления повышения компетентности населения в сфере кибербезопасности.

Ключевые слова: цифровизация, кибербезопасность, киберугроза, информационная грамотность, уровень компетентности, социальный профиль группы.

В статье анализируются результаты социологического опроса жителей Самарской области «Кибербезопасность глазами гражданина». Актуальность исследования обусловлена тем, что в результате цифровизации общества потребность в защите личной информации и финансовых активов в киберсреде постоянно растет. Способны ли рядовые граждане противостоять угрозам киберпреступников? Этому вопросу было посвящено исследование, цель которого заключалась в выявлении уровня компетентности жителей области в сфере кибербезопасности через анализ цифровой грамотности и культуры поведения в киберпространстве. В статье приводится авторская классификация респондентов по уровням компетентности в сфере кибербезопасности. Отмечается, что уровень компетентности в вопросах кибербезопасности жителей Самарской области принимает относительно высокие и средние значения. Однако в сознании граждан недостаточно сформирован ряд важных правил безопасности и главное, навыков реагирования на потенциальные киберугрозы. На основе применения метода структурных коэффициентов выявляются социальные профили каждого типа (уровня), анализируются различия между ними. Также на основе статистических методов выявления взаимосвязей между признаками показывается, что уровень компетентности зависит

В России, как и во всем мире, в последние годы наблюдается значительный рост киберпреступлений. В 2022 году их количество превысило отметку в 522,1 тыс., утверждает Интерфакс со ссылкой на МВД РФ [1]. Эксперты отмечают рост количества целенаправленных атак на государственный сектор, банковскую сферу, ТЭК, ИТ, научные институты и организации, связанные с ВПК [2]. Роль кибербезопасности в устойчивости бизнеса и государства стремительно вышла на первый план, и инвестиции в кибербезопасность кратко увеличились.

Главными мишенями кибератак остаются бизнес-корпорации, коммерческие и государственные организации. Тем не менее, количество атак на частных лиц в последние годы имеет тенденцию к росту. Так, согласно ежеквартальной статистике компании Positive Technologies (ведущий разработчик решений для информационной безопасности в России) доля атак на частных лиц в общем объеме кибератак выросла за год на 3% (Рисунок 1). И в 2022 году на обычных пользователей пришлось 17% от числа всех атак, в то время как в 2021 этот показатель был на 3% ниже [3]. Основные методы преступников в киберсреде – это различные приемы социальной инженерии (в 93% случаев). Для организации таких атак злоумышленники создавали фишинговые сайты (56%), отправляли вредоносные письма по электронной почте (39%), искали жертв в социальных сетях (21%) и мессенджерах (18%). В 64% атак злоумышленникам удавалось украсть данные [3].

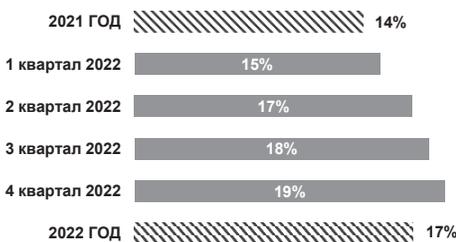

Рис. 1. Доля атак на частных лиц в общем объеме кибератак (на основе данных компании Positive Technologies)

В прогнозах экспертов на текущий 2023-й год – увеличение числа атак на пользователей в социальных сетях и мессенджерах, кражи учетных данных с атаками на второй фактор аутентификации с использованием фишинговых инструментов, социальная инженерия, и вредоносных программ с функциями кражи SMS и пуш-уведомлений. Нельзя забывать при этом, что всё больше личных устройств обычных пользователей становятся точками доступа в корпоративные информационные системы. Среднее количество приложений на наших смартфонах варьируется, и по разным оценкам, может достигать до 67 [4]. Это заставляет задуматься о безопасности такого соседства.

Таким образом, рост цифровизации требует внимательного отношения и контроля за пониманием населения принципов поведения, управления своими данными и личными финансами в онлайн-среде. Готовы ли рядовые пользователи к высоким темпам цифровизации, способны ли они противостоять угрозам киберпреступников? Каков реальный уровень компетентности населения в сфере кибербезопасности? Для ответа на эти вопросы в апреле-ноябре 2022 года было проведено социологическое исследование, объектом которого выступили жители Самарской области старше 18 лет.

Новизна исследования заключается в том, что его объектом выступает не экспертное сообщество – сотрудники компаний, генеральные директора, директора по информационным технологиям, а непосредственно потребители. Дело в том, что фокусом аналитического интереса большинства исследований по кибербезопасности является корпоративная информационная безопасность. Например, компания-разработчик средств информационной безопасности «СёрчИнформ» ежегодно публикует доклады об уровне информационной безопасности в российских компаниях [5]. Одна из крупнейших международных консалтинговых и аудиторских компаний «Делойт» также в ежегодном режиме формирует отчеты о будущем информационной безопасности на основе экс-

пертных опросов директоров компаний [6]. Глобальный опрос 3,2 тыс. руководителей компаний и отделов информационной безопасности по всему миру, в том числе и в России в 2020 году проводила не менее известная консалтинговая компания PwC («ПрайсуотерхаусКуперс») [7]. И это далеко не полный список подобных исследований.

Данное исследование интересно тем, что рассматривает проблему кибербезопасности и безопасности персональных данных в интернете с точки зрения тех, кому принадлежат эти данные – обычных граждан.

Исследование базировалось на классической количественной методологии, методом сбора информации стал онлайн опрос. Всего с онлайн платформы было выгружено 1662 заполненные анкеты. После чистки и редактирования массива, в ходе которых были исключены респонденты младше 18 лет и проживающие за пределами Самарской области, к анализу были допущены 1347 анкет. В соответствии с небольшим увеличением выборки относительно расчетного значения (1300 человек) была осуществлена процедура перевзвешивания по ключевым выборочным параметрам: пол, возраст и место проживания.

Результаты опроса дают право говорить, что обеспечение кибербезопасности сегодня однозначно входит в число остросоциальных и требующих внимания со стороны общества проблем – 84% опрошенных жителей Самарской области считают эту проблему важной и актуальной. Пандемия, по мнению населения, скорее усугубила эту проблему, т.к. способствовала росту числа преступлений в Интернете (59%).

Об остроте и актуальности этой проблемы для населения говорит и высокий уровень интереса к данной теме – большинство (69%) заявили о том, что им интересна тема кибербезопасности, информация о новых схемах мошенничества в Интернете. Этот интерес проявляется прежде всего в регулярном чтении новостей по данной тематике на сайтах и в соцсетях (48%), поиске и чтении статей с рекомендациями экс-

пертов и о том, как распознать мошенников (42%).

Интерес к теме кибербезопасности предсказуемо значимо коррелирует с возрастом – чем старше возраст, тем выше интерес, и с уровнем образования – чем выше уровень образования, тем выше интерес. При этом обратно коррелирует с самооценкой дохода – чем выше самооценка дохода, тем ниже интерес

Степень осознания жителями области глубины и сложности данной проблемы можно назвать высокой, т.к. респонденты адекватно воспринимают сложившуюся ситуацию с хранением данных в Интернете и понимают, что возросшая цифровизация не равно безопасность: только 17% опрошенных верят, что можно обеспечить полную сохранность личных данных в интернете; 72% разделяют точку зрения, что каждый может стать жертвой кибермошенников.

Правда, локус контроля респондентов смещен в сторону внешних причин. Основные угрозы кибербезопасности, по мнению населения, связаны с ответственностью компаний и сотрудников при хранении данных пользователей (50%), а также с деятельностью хакеров (50%). На третьем месте в ряду угроз – сбои в системах безопасности (40%). При этом респонденты заметно реже связывают риски безопасности для персональных данных с собственной беспечностью

Ключевым понятием исследования является «уровень компетентности в сфере кибербезопасности», который складывается из совокупности признаков, измеряющих цифровую грамотность и соблюдение мер безопасности в киберпространстве.

Высокий уровень компетентности в вопросах кибербезопасности означает, что человек имеет достаточно знаний и опыта в этой области, чтобы принимать правильные решения и предотвращать инциденты в области кибербезопасности; знает о видах киберугроз и способах их предотвращения, а также осведомлен о последних технологических разработках в области кибербезопасности.

Низкий уровень компетентности в сфере кибербезопасности приводит к тому, что люди недооценивают риски и не используют достаточно мер предосторожности, чтобы защитить себя от киберугроз.

Исследование показало, что правила «цифровой гигиены» на базовом уровне известны большинству опрошенных. В целом население Самарской области представляет, что

- неправильно заводить один и тот же пароль для всех учетных записей,
- нельзя использовать простые пароли типа своего имени, дня рождения или места проживания,
- неправильно записывать пароли от разных сайтов и приложений в заметки на телефоне.

Однако, если «копнуть» немного глубже, то тут знания значительной части населения сильно ограничены. О двухфакторной аутентификации знает только каждый второй опрошенный, о безопасном хранилище паролей еще меньше (41%), менее трети опрошенных регулярно меняют пароли. Нет уверенных знаний и о том, какие данные с банковской карты безопасно передавать посторонним лицам.

Достаточно легкомысленно опрошенные относятся и к соблюдению мер безопасности в отношении личного компьютера: далеко не все регулярно обновляют ПО, устанавливают лицензионные, а не пиратские версии программ, устанавливают пароль при запуске. Такое

поведение упрощает жизнь мошенникам, повышает уязвимость домашних компьютеров, легко превращая их в потенциальный источник атак.

Умение распознать киберугрозы сформировано у значительной части респондентов. Но они не составляют большинство. И особенно тревожен тот факт, что при реальном столкновении с киберугрозой, например, с телефонным мошенником, распространен паттерн избегания: «брошу трубку», и как крайняя форма этого паттерна – «не беру трубку с незнакомых номеров». Такую модель поведения выбирает примерно каждый третий опрошенный, опасаясь и не зная, как себя вести при столкновении с мошенниками.

На основе замеров по отдельным индикаторам цифровой грамотности и поведения в прожективных ситуациях нами был сформирован интегральный показатель «уровень компетентности в сфере кибербезопасности», измеряемый в баллах. Всего для его измерения использовалось 20 индикаторов в виде групп вопросов в тестовой форме и форме прожективных ситуаций. За каждый ответ присваивались баллы по определенной логике.

В итоге была проведена типология (классификация) пользователей по уровням компетентности в сфере информационной безопасности. Были выделены 5 уровней/типов компетентности: от низкого до «продвинутого» (рис. 2).

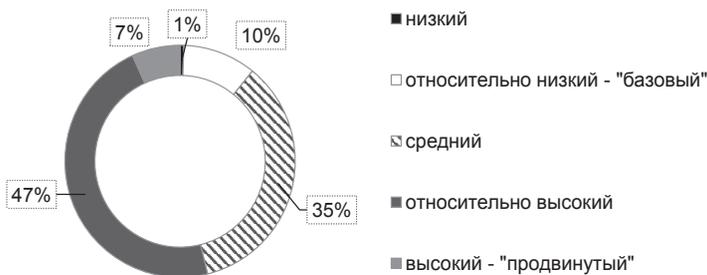

Рис. 2. Распределение опрошенных по уровням компетентности в сфере кибербезопасности (N=1347)

Доля респондентов, набравших минимальное количество баллов, которые были отнесены к самому низкому уровню, оказалась незначительной –

в районе 1%. Это респонденты, которые не имеют профили в социальных сетях, не пользуются банковскими приложениями и демонстрируют неосведом-

ленность по большинству проверяемых параметров. Учитывая, что опрос проводился онлайн (что уже предполагает определенный уровень цифровой грамотности), вполне закономерно, что их

оказалось так мало. Поэтому в дальнейшем анализе подробно описываются 4 группы по уровню компетентности, начиная с «базового» (Таблица 1).

Таблица 1. Уровни компетентности в сфере кибербезопасности: характеристика и социальные профили

Уровень	Доля в выборке	Описание	Социальный профиль
Базовый	10%	Демонстрируют знание базовых правил. Например, что нужно вводить пароль. Но при этом никогда не меняют пароли. Не имеют четких представлений, как вести себя при столкновении с мошенниками и выбирают тактику избегания «брошу трубку».	Ярко выраженное женское лицо (доля женщин 80%), преобладание лиц старшего возраста: средний возраст 42 года , каждый четвертый старше 51 года Образование: средне-специальное или средне-техническое Преобладают работающие граждане, но и доля пенсионеров заметно выше, чем в среднем по выборке Доход оценивают скорее как низкий Заметно выше доля проживающих в сельских районах Интересы: не пользуются соцсетями, источник новостей – телевидение
Средний	35%	В отличие от базового уровня обладают большим набором знаний. Тем не менее не демонстрируют высокий уровень следования правилам безопасности: редко меняют пароли, не следят за обновлениями ПО, не используют двухфакторную аутентификацию и т.п.	В целом похож на профиль «базового»: женщины , более старшего возраста, работающие или на пенсии, преимущественно со средне-специальным или средне-техническим образованием. Но в отличие от базового уровня: – заметно представлены жители малых городов – группа с доходом выше среднего . – активно пользуются соцсетями, среди которых предпочитают ФБ ¹ и ОК Новости также получают из телевизионных программ, но и радио слушают часто
Относительно высокий	47%	Показывают высокий уровень знания основных правил безопасного поведения в киберсреде. Соблюдают правила осторожного поведения. Но не всегда точно знают, как надо вести себя в ситуации столкновения с мошенниками	Профиль этой группы существенно отличается от предыдущих. Заметно выше доля мужчин . Средний возраст – 33 года . Выше доля учащихся и временно не работающих граждан. По месту проживания – чаще всего это крупные города . По доходу – лица среднего достатка. Интересы в Интернете связаны с такими соцсетями, как Instagram*, ВК, ТГ. Интернет – основной источник получения новостей: соцсети, мессенджеры, сайты изданий и т.п.

Распределение опрошенных по уровням компетентности показало в целом обнадеживающие и оптимистичные результаты, т.к. наибольшая часть респондентов (47%) продемонстрировала относительно высокий уровень компетентности. Это означает, что они знают основные правила безопасного поведения в киберсреде, соблюдают правила осторожного поведения. Но не всегда понимают, как надо вести себя в ситуации столкновения с мошенниками.¹

¹ Facebook/Instagram — проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

Вторым по распространенности стал средний уровень компетентности (35%). Представители этого типа обладают набором знаний выше «базового», но не демонстрируют высокий уровень следования правилам безопасности: редко меняют пароли, не следят за обновлениями ПО, не используют двухфакторную аутентификацию и т.п.

Доля респондентов с базовым уровнем компетентности составила всего 10%. Но респондентов с самым высоким уровнем компетентности – который можно назвать «продвинутым» – еще

меньше: всего 7% от общего числа опрошенных.

В период нашей работы над написанием отчета по результатам данного исследования в Сети появилась публикация аналитического центра НАФИ (г. Москва) о первом в России замере «индекса цифровой финансовой грамотности жителей» [8]. В отличие от нашего исследования, у коллег из НАФИ более широкий эмпирический объект, и генеральная совокупность – жители РФ, а не только Самарской области. При этом предмет исследования у них немного уже – цифровая финансовая грамотность. Но в целом наши подходы близки и заключаются в попытке в одном емком интегральном показателе выразить специфику знаний и компетенций населения в цифровом пространстве. Такое совпадение указывает на то, что подход актуален, и движение аналитической и исследовательской мысли в этом направлении не случайно, а продиктовано логикой развития цифровизации.

Самое интересное, что не смотря на различия в методике и масштабах проектов, полученные нами результаты схожи с замерами НАФИ. В своем исследовании они выделили 3 уровня цифровой финансовой грамотности и получили, что более чем две трети россиян (70%) демонстрируют средний уровень цифровой финансовой грамотности, и 17% россиян имеют высокий уровень цифровой финансовой грамотности. Оставшиеся 13% россиян имеют низкий уровень цифровой финансовой грамотности. Таким образом, большинство жителей России (87%) имеют средний или высокий уровень цифровой финансовой грамотности [8]. По данным нашего исследования, 89% опрошенных жителей Самарской области демонстрируют средний, относительно высокий и «продвинутый» уровень компетентности в сфере кибербезопасности (см. Рисунок 2).

Результаты нашего опроса позволили не просто зафиксировать долю респондентов, определенного типа/уровня, но и ответить на вопрос: какие социальные группы преимущественно входят

в этот тип. Для этого выявлялся так называемый «социальный портрет» или профиль групп.

Профиль характеризуется преимущественной представленностью тех или иных социальных групп среди выделенных типов респондентов. Для определения профиля использовался метод структурных коэффициентов (или метод расчета индекса соответствия признака). Суть метода в сравнении долей определенной группы в общем массиве опрошенных и в конкретном целевом типе (группе). Значение структурного коэффициента больше 1 означает, что данная социальная группа преимущественно представлена в данном типе, является «чертой его своеобразия».

Обращает на себя внимание заметная поляризация социальных профилей разных групп по уровню компетентности в сфере кибербезопасности, а именно:

- «Базовый» уровень компетентности имеет «женское лицо», а «продвинутый» – мужское.
- У продвинутой группы и группы с относительно высокой компетентностью более молодежный профиль, в них преобладают проживающие в крупных городах.
- Отличаются эти группы и родом занятий, интересами и предпочитаемыми источниками информации (см. Таблица 1).

В исследовании обнаружена зависимость уровня компетентности от всех анализируемых социально-демографических факторов:

- Пол – уровень мужчин, выше, чем у женщин. Среди мужчин более половины (56%) демонстрируют относительно высокий уровень компетентности и 12% были отнесены к числу «продвинутых». Показатели женщин заметно скромнее: 43% и 5% соответственно.
- Возраст связан с уровнем компетентности обратной корреляцией – чем старше возраст, тем ниже уровень (значимый коэффициент корреляции $r = -0,3$).
- Связь с образованием не носит столь простой характер. Однако, люди

с высшим и, как ни странно, средним образованием имеют более высокий уровень компетентности в вопросах кибербезопасности: более половины опрошенных в этих группах демонстрируют относительно высокий уровень компетентности. В худшую сторону выделяется группа со средне-специальным и средне-техническим образованием – среди них доли опрошенных с относительно высоким или продвинутым уровнем заметно ниже (33% и 2%).

- Доход (точнее, его самооценка) тоже не показывает однозначного влияния. Однако, респонденты, оценивающие свой доход как низкий, чаще обнаруживают низкий уровень компетентности (11%) и число «продвинутых» в этой группе также заметно ниже, чем в остальных (5%).
- Место проживания влияет однозначно: чем крупнее населенный пункт, тем выше уровень. Так в крупных городах области (Самара, Тольятти) доля респондентов с относительно высоким уровнем компетентности превысила половину опрошенных (56%), а доля продвинутых составила более 10-й части (11%). В малых городах области таковых уже 43% и 7% соответственно. В сельских районах – еще меньше: 42% с относительно высоким уровнем и только 3% продвинутых.

Резюмируя результаты исследования, еще раз отметим, что уровень компетентности в вопросах кибербезопасности жителей Самарской области принимает относительно высокие и средние значения. Этот означает, что опрошенное население в целом демонстрирует правильное поведение при взаимодействии с цифровыми продуктами в интернете, однако в сознании граждан недостаточно сформирован ряд важных правил безопасности и главное, навыков реагирования на потенциальные киберугрозы.

Наше исследование указывает на необходимость информационной работы с населением, направленной на упреждение возможных рисков, повышение не только осведомленности рос-

сиян о киберугрозах в целом, но и вооружение населения техниками и приемами распознавания и отражения киберугроз.

Обеспокоенность жителей области проблемой кибербезопасности и высокий уровень осознания ими серьезности и глубины этой проблемы – хороший фон для активизации просветительской работы с населением. Важно не замалчивать случаи кибермошенничества и киберпреступлений, а придавать их огласке с подробным разбором и анализом, т.к. у населения есть интерес к подобной информации и сформированный запрос на экспертный разбор таких ситуаций.

Важно, что в сознании большинства жителей области уже сформирован исходный верный посыл для соблюдения кибербезопасности – никогда не говорить: «Со мной этого не случится». Однако локус контроля направлен вовне: жители склонны видеть угрозу безопасности персональным данным и активам в цифровой среде прежде всего во внешних источниках, нежели в собственной безопасности. На это накладывается склонность большей части населения романтизировать определенные виды девиации (в частности, хакерство). Преодоление и развенчание таких установок – одна из важных задач разъяснительной работы с населением.

В целях повышения уровня компетентности населения в сфере кибербезопасности необходима разработка программ обучения и образовательных мероприятий, направленных на различные возрастные группы и слои населения. Например, по аналогии с существующими картами компетенций заместителя генерального директора по информационной безопасности и специалиста по информационной безопасности в бизнесе, можно разработать карту компетенций для рядовых пользователей и обучать этому в вузах и школах. Особенно актуальна организация семинаров, тренингов и других интерактивных форм обучения, связанных с кибербезопасностью, которые способствуют освоению безопасных практик в сети, формированию умений распознавать киберугрозы и применять меры противодействия им.

Для оценки динамики уровня компетентности населения и эффективности образовательных программ, направленных на ее повышение, необходимо проведение регулярных аудитов в режиме мониторингов, тестирований и т.п.

Литература

1. Число экстремистских преступлений в России в 2022 году выросло. // Информационная группа Интерфакс, 31.01.2023 URL: <https://www.interfax.ru/russia/884032> (дата обращения: 02.02.2022).
2. Кибербезопасность в новых реалиях // Positive Research. Сборник исследований по практической безопасности, 2022 URL: <https://www.ptsecurity.com/upload/corporate/ru-ru/analytics/positive-research-2022-rus.pdf> (дата обращения: 10.02.2022).
3. Актуальные киберугрозы: IV квартал 2022 года // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/cybersecurity-threatscape-2022-q1/> (дата обращения: 10.02.2022).
4. Лобач Д.В., Смирнова Е.А. Состояние кибербезопасности в России на современном этапе цифровой трансформации общества и становление национальной системы противодействия киберугрозам // Территория новых возможностей. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-kiberbezopasnosti-v-rossii-na-sovremennom-etape-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-i-stanovlenie-natsionalnoy-sistemy> (дата обращения: 02.02.2022).
5. Исследование уровня информационной безопасности в компаниях России за 2022 год // URL: <https://searchinform.ru/survey/global-2022/> (дата обращения: 10.03.2022)
6. 2023 Global Future of Cyber Survey // https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/legacy/docs/analysis/2022/deloitte_future_of_cyber_2023.pdf (дата обращения: 10.03.2022)
7. PwC: пандемия ускорила цифровизацию 24% российских компаний// <https://www.kommersant.ru/>

doc/4557468 (дата обращения: 10.03.2022)

8. НАФИ провел первый замер Индекса цифровой финансовой грамотности жителей России// URL: <https://nafi.ru/analytics/nafi-provel-pervyy-zamer-indekса-tsifrovoy-finansovoy-gramotnosti-zhiteley-rossii/>(дата обращения: 10.03.2022)

COMPETENCE OF SAMARA REGION RESIDENTS IN CYBERSECURITY ISSUES: THE EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL MEASUREMENT

Fazulianova S.N., Loginova I.A., Yakovlev A.V.
Samara State University of Economics

The article analyzes the results of a sociological survey of Samara region residents "Cybersecurity through the eyes of citizens". The relevance of the study stems from the fact that as a result of the digitalization of society, the need to protect personal information and financial assets in the cyber environment is constantly growing. Are ordinary citizens able to withstand the threats of cybercriminals? This issue was the subject of a study aimed at identifying the level of cybersecurity competence of the region's residents by analyzing digital literacy and culture of behavior in cyberspace. The article presents the author's classification of respondents according to their cybersecurity competence levels. It is noted that the level of cybersecurity competence of Samara region residents takes relatively high and average values. However, a number of important security rules and, most importantly, the skills to respond to potential cyber threats are insufficiently formed in the minds of citizens. Based on the method of structural coefficients, the social profiles of each type (level) are identified, and the differences between them are analyzed. It also shows that the level of competence depends on a number of socio-demographic factors: gender, age, level of education, place of residence, etc. Based on statistical methods of identifying relationships between attributes, it is shown that the level of competence depends on a number of socio-demographic factors: gender, age, level of education, place of residence, etc. The article concludes by summarizing the current directions for improving cybersecurity competence among the population.

Keywords: digitalization, cybersecurity, cyberthreat, information literacy, level of competence, group social profile.

References

1. The number of extremist crimes in Russia increased in 2022. //Interfax Information Group, 31.01.2023 URL: <https://www.interfax.ru/russia/884032> (access date: 02.02.2022).
2. Cybersecurity in new realities // Positive Research. Collection of research on practical security, 2022 URL: <https://www.ptsecurity.com/upload/corporate/ru-ru/analitics/positive-research-2022-rus.pdf> (access date: 10.02.2022).
3. Current Cyber Threats: Q42022 // URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/research/analitics/cybersecurity-threatscape-2022-q1/> (accessed 10.02.2022).
4. Lobach D.V., Smirnova E.A. State of cybersecurity in Russia at the current stage of digital transformation of society and the formation of a national system of countering cyberthreats // Territory of new opportunities. 2019. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-kiberbezopasnosti-v-rossii-na-sovremennom-etape-tsifrovoy-transformatsii-obschestva-i-stanovlenie-natsionalnoy-sistemy> (date of reference: 02.02.2022).
5. Study of the level of information security in Russian companies in 2022 // URL: <https://searchinform.ru/survey/global-2022/> (access date: 10.03.2022).
6. 2023 Global Future of Cyber Survey // https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/legacy/docs/analysis/2022/deloitte_future_of_cyber_2023.pdf (accessed 10.03.2022)
7. PwC: pandemic accelerated digitalization of 24% of Russian companies // <https://www.kommersant.ru/doc/4557468> (accessed 10.03.2022)
8. NAFI conducted the first measurement of Digital Financial Literacy Index of Russian residents// URL: <https://nafi.ru/analitics/nafi-provel-pervyy-zamer-indekса-tsifrovoy-finansovoy-gramotnosti-zhiteley-rossii/> (access date: 10.03.2022)

Трудовая миграция и рынок труда России

Лурье Алексей Александрович,

аспирант кафедры социальных технологий,
Северо-Западный институт управления Российской
академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: alex.lurye@mail.ru

В данной статье проводятся исследования трудовой миграции и рынка труда в России. Данная тема является актуальной, так как трудовая миграция оказывает влияние на экономику страны.

Трудовая миграция является важным фактором экономического роста и развития в Российской Федерации. Однако, она также сопряжена с рядом проблем, таких как недостаточная интеграция мигрантов в российское общество, нарушение трудовых прав мигрантов, а также существующее неравенство в возможностях для трудоустройства мигрантов и местных жителей. Несмотря на тяготение как внутренних, так и международных мигрантов к крупнейшим городам, временные трудовые мигранты из России все чаще выезжают на заработки в регионы Севера и Востока страны. Русские и иностранные мигранты дополняют друг друга на региональных рынках труда, а не конкурируют.

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, трудоустройство, неравенство.

В современном мире миграция является сложным явлением, имеющим как положительные, так и отрицательные последствия. Разумная и гибкая миграционная политика может способствовать укреплению социальных, экономических и политических связей между странами и открыть новые источники капитала и инвестиций. Напротив, нерациональная и чрезмерно ограничительная миграционная политика может привести к дисбалансу на рынке труда и неравенству в доходах между мигрантами и местными жителями, потенциально вызывая высокий уровень социальной напряженности [10].

Россия принимает наибольшее количество мигрантов из государств бывшего Советского Союза. Многие из этих мигрантов приезжают в Россию в поисках работы и заработка. Россия имеет как положительные, так и отрицательные последствия такого притока мигрантов, которые выражаются в цифрах [4].

С одной стороны, трудовая миграция имеет много положительных сторон. Трудовые мигранты вносят вклад в рост и развитие своих стран. Страны происхождения мигрантов получают выгоду, в первую очередь, от финансового потока средств, которые эти работников направляют на родину, а также от навыков и квалификаций, которые они приобретают во время миграции. Однако в процессе миграции существуют и значительные проблемы. Многие трудящиеся-мигранты, особенно низкоквалифицированные работники, сталкиваются с плохими условиями труда и пользуются лишь ограниченными правами человека и трудовыми правами. Женщины, которые все чаще мигрируют в одиночку, сегодня составляют почти половину всех мигрантов [8].

Классификация трудовой миграции может быть разделена на следующие виды:

1. Внутренняя миграция – перемещение людей в пределах одной страны. Может быть сезонной или постоянной.

2. Международная миграция – перемещение людей через границы разных стран. Может быть временной или постоянной.
3. Миграция высококвалифицированных специалистов – переселение людей с определенной квалификацией и опытом работы в другую страну для получения лучших условий жизни и работы.
4. Миграция низкоквалифицированных работников – переезд людей без специальных навыков и знаний в поисках работы.
5. Сезонная миграция – перемещение людей на короткий период времени для сезонной работы или в связи с туризмом.

Иммиграция может дать существенные экономические выгоды – более гибкий рынок труда, более широкую базу навыков, повышенный спрос и большее разнообразие инноваций. Однако иммиграция также вызывает споры. Миграция может вызвать проблемы перенаселенности, скопления людей и дополнительную нагрузку на государственные службы. Также ведутся споры о том, приводит ли миграция неквалифицированных рабочих к снижению заработной платы и даже к безработице местных рабочих.

Некоторые виды работ часто трудно заполнить местными работниками из-за низкой заработной платы и/или престижа, связанного с этим видом работы.

Миграция дает преимущества бизнесу и работодателям, которые полагаются на гибкую рабочую силу при заполнении вакансий. Кроме того, если низкоквалифицированные рабочие места заполняются мигрантами, это позволяет местным работникам получить более квалифицированную работу в другом месте.

Помимо экономики, некоторые считают, что миграция ведет к большему культурному разнообразию, что придает стране более разнообразную и инклюзивную атмосферу. Все страны с высоким потоком приезжающих иностранных граждан, которые находятся в стране не с туристическими целями, впитали в свою страну некоторые аспекты иностранной культуры – будь то кухня, му-

зыка, литература или политические влияния.

В то время как некоторым нравится более многокультурное общество, возникшее в результате иммиграции, другие менее приветствуют это изменение и считают, что их культуре и происхождению угрожают иммигранты, которые не вписываются в их существующее общество. Это особенно актуально для иммигрантов, которые не изучают родной язык, исповедуют разные религии и системы убеждений и живут в основном в изолированных сообществах.

Что касается трансграничной трудовой миграции, то растущая нелегальная миграция и торговля людьми создают серьезные проблемы для защиты прав человека и трудовых прав [3].

Данные о трудовой миграции и трудовых мигрантах собираются разными способами. Пять основных источников данных, используемых для измерения потоков и запасов трудовых мигрантов являются:

1. Переписи населения;
2. Обследования домохозяйств;
3. Исследования рабочей силы;
4. Административные источники;
5. Статистические источники [7].

К административным источникам, используемым для измерения потоков трудящихся мигрантов, относятся измерение новых въездных или иммиграционных виз, новых разрешений на работу в стране, административной регистрации въезда на границе [1].

Оценка количества трудящихся мигрантов включает накопленные въездные или иммиграционные визы, накопленные разрешения на работу в стране и оценочную численность иностранных граждан без документов.

Другие измерения, связанные с трудовой миграцией, включают стоимость найма и денежные переводы [6].

Если трудящиеся мигранты заменяют существующих работников, ожидается, что миграция усилит конкуренцию за рабочие места и снизит заработную плату в краткосрочной перспективе. Что касается занятости, то степень, в которой снижение заработной платы приве-

дет к росту безработицы и бездеятельности среди существующих работников, будет зависеть от их готовности принять новую более низкую заработную плату. С другой стороны, если навыки мигрантов дополняют навыки существующих работников, можно ожидать, что производительность труда всех работников повысится, что приведет к повышению заработной платы существующих работников [9].

Согласно статистике Пограничной службы России, за 2020 год в Россию в качестве трудовых мигрантов въехало 3,8 миллиона граждан постсоветских государств, из которых почти 1,5 миллиона прибыли из Узбекистана, 875 тысяч – из Таджикистана и 558 тысяч – из Киргизии.

Поскольку количество рабочих-мигрантов в России уступает только США, значительная часть рабочей силы в России уязвима и открыта для эксплуатации. Рабочие часто не осведомлены о своих правах, и многие работодатели пользуются этим, заставляя рабочих-мигрантов часами трудиться в плохих условиях [11].

Очень немногие города привлекают трудовую миграцию. По количеству выданных разрешений на работу это относится к Москве и Московской области, но гораздо меньше к Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Краснодарскому краю и Тюменской области. Трудовые мигранты есть также в Свердловской и Новосибирской областях. Трудовые мигранты есть и на Дальнем Востоке, но их численность несопоставима с численностью мигрантов в Москве и Санкт-Петербурге [2].

Таким образом, миграция в России и на постсоветском пространстве – это социальный процесс, подчиняющийся логике экономического закона. Миграция вносит вклад в экономику принимающей страны и стабилизирует ее социально-демографический потенциал. В результате России и другим странам бывшего СССР необходимо отказаться от ошибочного восприятия мигрантов как «бремени и угрозы» и рассматривать их как источник возможностей и потенциала.

Миграция влияет на предложение рабочей силы, поскольку увеличивает количество работников в определенных секторах экономики.

Литература

1. Башмаков, В.И. Социология управления: Учебник для бакалавров / В.И. Башмаков; Под ред. В.Н. Князев. – М.: Юрайт, 2016. – 360 с.
2. Волков, Ю.Г. Основы социологии и политологии: Учебное пособие / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский. – М.: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2017. – 224 с.
3. Волков Ю.Г. Социология. Учебник для студентов узов; Под ред. В.И. Добренькова. 2-е издание. – М.: Социально-гуманитарное издание; Р/н Д: Феникс, 2017. – 572 с.
4. Горелов А.А. Социология в вопросах и ответах. – М.: Эксмо, 2017. – 316 с.
5. Голосов Г.В. Сравнительная политология. Учебник. М: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 462 с.
6. Граждан, В.Д. Социология управления: Учебник для бакалавров / В.Д. Граждан. – М.: Юрайт, 2016. – 607 с.
7. Добреньков В.И., Кравченко А.И. Методы социологических исследований. М.: Изд-во МГУ, 2017. – 860с.
8. Казаринова Н.В. и др. Социология: Учебник для вузов. М.: NOTA BENE, 2018. – 269с.
9. Коротец, И.Д. Основы социологии и политологии: Учебное пособие / И.Д. Коротец, Т.Г. Тальнишних. – М.: ИНФРА-М, Академцентр, 2016. – 256 с.
10. Оришев, А.Б. Социология рекламной деятельности: Учебник / А.Б. Оришев. – М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 235 с.
11. Силласте, Г.Г. Экономическая социология: Учебное пособие / Г.Г. Силласте. – М.: Альфа-М, НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 480 с.
12. Тенденции на рынке труда // Росстат. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/IssWWW.exe/Stg/

d03/2-rin-trud.htm (дата обращения:
14.04.2023).

LABOR MIGRATION AND THE RUSSIAN LABOR MARKET

Lurye A.A.

Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration

This article studies labor migration and the labor market in Russia. This topic is relevant, as labor migration has an impact on the country's economy.

Labor migration is an important factor of economic growth and development in the Russian Federation. However, it is also associated with a number of problems, such as insufficient integration of migrants into Russian society, violation of migrants' labor rights, as well as the existing inequality in employment opportunities for migrants and local residents. Despite the attraction of both domestic and international migrants to the largest cities, temporary labor migrants from Russia are increasingly leaving for work in the regions of the North and East of the country. Russian and foreign migrants complement each other in regional labor markets, rather than compete.

Keywords: labor migration, labor market, employment, inequality.

References

1. Bashmakov, V.I. Sociology of management: Textbook for bachelors / V.I. Bashmakov; Edited by V.N. Knyazev. – M.: Yurayt, 2016. – 360 p.

2. Volkov, Yu.G. Fundamentals of sociology and political science: Textbook / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky. – M.: Alfa-M, SIC INFRA-M, 2017. – 224 p.
3. Volkov Yu.G. Sociology. Textbook for students of uzs; Edited by V.I. Dobrenkov. 2nd edition. – M.: Social and Humanitarian edition.; R/n D: Phoenix, 2017. – 572 p.
4. Gorelov A.A. Sociology in questions and answers. – M.: Eksmo, 2017. – 316 p.
5. Golos G.V. Comparative political science. Textbook. Moscow: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. 462 p.
6. Citizens, V.D. Sociology of management: Textbook for bachelors / V.D. Citizens. – M.: Yurayt, 2016. – 607 p.
7. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. Methods of sociological research. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2017. – 860p.
8. Kazarinova N.V. et al. Sociology: Textbook for universities. M.: NOTA BENE, 2018. – 269p.
9. Korotets, I.D. Fundamentals of Sociology and Political Science: Textbook / I.D. Korotets, T.G. Talnishnikh. – M.: INFRA-M, Akadentsentr, 2016. – 256 p.
10. Orishev, A.B. Sociology of advertising activity: Textbook / A.B. Orishev. – M.: IC RIOR, SIC INFRA-M, 2016. – 235 p.
11. Sillaste, G.G. Economic sociology: Textbook / G.G. Sillaste. – M.: Alfa-M, SIC INFRA-M, 2018. – 480 p.
12. Trends in the labor market // Rosstat. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_04/Iss-WWW.exe/Stg/d03/2-rin-trud.htm (date of application: 14.04.2023).

Трансформация досуговых практик молодежи под влиянием пандемии COVID-19: по результатам анкетирования молодежи Кемеровской области – Кузбасса

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Секачева Вера Михайловна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и агробизнеса Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: ideologie@mail.ru

В статье рассматриваются результаты социологического исследования, проведенного в форме анкетирования молодежи Кемеровской области – Кузбасса, репрезентирующего векторы трансформации их досуговых практик в период коронавирусных ограничений. Выбраны релевантные работы, посвященные комплексному осмыслению досуговых практик в современном городском пространстве. В вводной части работы авторы актуализируют проблематику изучения досуговых практик молодежи, выступающей проводником инноваций и имеющей поливариантный выбор организации своего свободного времени, прежде всего в урбанизированных территориях. Предложена авторская методика. Далее сквозным способом приведены вопросы и показаны количественные данные респондентов. Показана специфика организации и проведения свободного времени двумя группами кемеровской молодежи в условиях пандемии COVID-19. Ответы информантов по каждому вопросу сопровождаются интерпретациями. В заключение сформулированы выводы, дополняющие современное социологическое знание в аспекте изменения структуры досуговых практик городской молодежи, произошедших под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции в конкретных эмпирических контекстах.

Ключевые слова: досуговые практики, молодежь, пандемия, город, общество, пандемия COVID-19, трансформации, свободное время.

Актуальность темы исследования связывается с динамичностью протекающих в обществе процессов и включенностью абсолютно всех индивидов в досуговые практики. Социокультурные трансформации конституировали досуг в отдельную сферу, по сути, многократно доказав ее самостоятельность и обозначив ее как область пересечения индивидуальных и коллективных интересов, потребностей и ожиданий различных групп [3;4;8;9].

Молодежь является наиболее активной социальной группой, тогда как досуг предоставляет им наибольшее возможности в плане осуществления выбора, обретения опыта, а также понимания и поиска собственных точек развития и роста. Удовлетворяя связанные с досуговыми практиками потребности, молодые люди реализуют свой потенциал. Таким образом, качество наполненности свободного времени дает молодым людям возможности освоения тех или иных способов деятельности и позволяет найти различные формы участия в общественной жизни [3;4;9;10].

Для изучения проблемы изменений структуры досуговых практик молодежи г. Кемерово, произошедших под влиянием пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, нами был разработан методика, состоящая из соответствующей анкеты для социологического исследования и пула вопросов для опроса экспертов¹. Анкетный опрос позволил охватить 350 жителей г. Кемерово, относящихся к категории «молодежь» (18–35 лет). Для участия в социологическом исследовании нами были выбраны сту-

¹ Подробное об этом в статье: Равочкин Н.Н. Теоретико-методологические аспекты изучения изменений в структуре досуговых практик городской молодежи под влиянием COVID-19 // KANT: Social Sciences & Humanities. 2023. № 2 (в печати)

денты очной формы обучения двух вузов (240 человек от 18 до 24 лет), а также выпускники других высших учебных заведений, проживающие и осуществляющие свою трудовую деятельность в городе Кемерово (110 человек от 25 до 35 лет). Выборочная совокупность данного исследования студентов кемеровских ВУЗов была построена по принципу доступной выборки с элементами стихийного отбора. Выборка выпускников была организована посредством метода «снежного кома», то есть сами информанты делились контактами своих друзей или знакомых, заинтересованных в прохождении анкетного опроса [2;11].

Во вводной части анкеты для респондентов было представлено определение досуга, призванное нивелировать различия в понимании предметной области содержащихся в опроснике вопросов. Обозначенный способ вовлечения респондентов в суть исследуемых вопросов позволяет обеспечить общность понимания проблемы интервьюером и выбранными для опроса индивидами, а также идти от волонтаристских интерпретаций. Для общего понимания респондентами замысла и логики исследования мы выбрали универсальную, на наш взгляд, дефиницию: Досуг – поведение личности в свободное от основной деятельности время с целью удовлетворения тех или иных потребностей [6;7;9].

Исходя из указанного определения нам было необходимо узнать, какое же целевое назначение люди придают собственному свободному времени. Условно ответы на данный вопрос «Для чего Вам необходимо свободное время?» можно категоризировать на три группы – «Развлечение», «Рекреация» и «(Само)развитие». Больше половины опрошенных среди группы ныне обучающихся в представленных высших учебных заведениях студентов (60,4%) ответили, что свободное время необходимо для них главным образом для развлечения. В то же время, другая часть опрошенных студентов отметили, что используют его для восстановления сил (26,2%), а третья, самая малочисленная группа – для саморазвития (13,4%). В свою очередь, среди

выпускников вузов и ныне работающей молодежи наиболее часто звучали ответы, относимые к рекреации (60,9%), затем к саморазвитию (26,3%) и уже после них развлечения (12,8%). Эти ответы почти наверняка связаны с социальными ролями и пластом функциональных обязанностей.

Однако невзирая на полученные по первому вопросу данные нам необходимо более детальное понимание того, как сами респонденты предпочитают проводить свой досуг, для чего и был задан соответствующий вопрос: «Как Вы предпочитаете проводить досуг?». Здесь можно зафиксировать любопытную ситуацию, когда выбор представительной нынешнего студенчества был связан с пребыванием в интернете, соцсетях или погружением в компьютерные игры (47,9%), тогда как ныне работающая молодежь в большей мере предпочитает посвящать свободное время (само)образованию (34,5%), семье (22,7%) или встречам с друзьями (19%), что демонстрирует некоторое несовпадение идеальных досуговых замыслов со следованием им на практике. Также необходимо в очередной раз подчеркнуть, что сложные социально-экономические условия, в которых бытует современная молодежь, по сути, вынуждают выбирать либо наиболее доступный (в первом случае), либо необходимый по тем или иным причинам способ проведения досуговых практик. В то же время, признаем, что современное студенчество в большей мере, чем когда-либо, оказывается вовлеченным в виртуальное пространство, что коррелирует с их субъективными представлениями о должном проведении свободного времени в трэке «развлечения».

Следующая информация, которую нам необходимо проанализировать, содержалась в третьем вопросе: «Какие изменения произошли с Вашим свободным временем после начала пандемии?» и касалась времени, которое современная молодежь тратит на досуговые практики «до» и «после» коронавирусной пандемии. Самоочевидно, что резкое увеличение объема свободного

времени (74,6%) на досуговые практики и у представителей студенчества со времени начала пандемии напрямую связано с особенностями организации дистанционного образования в вузах и добросовестностью обучающихся по поводу освоения учебного плана. Если же обобщенно рассматривать результаты, полученные после анкетирования второй группы опрошиваемых, то здесь не заметно каких-либо полярных изменений в ту или иную сторону – у большей части респондентов объем свободного времени не изменился (71,8%), а распределение ответов, связанных с увеличением (17,3%) / уменьшением (10,9%) его объема не слишком контрастное. Это объясняется тем, что одни компании перешли на полный дистант, тогда как другие требовали присутствия на рабочем месте, но не всегда в течение всего рабочего дня. Для некоторых представителей работающей молодежи освоение цифровых компетенций заняло достаточно продолжительное время, тогда как другие высвободили часть своего трудового дня за счет снижения логистических издержек благодаря уже упомянутой полноценной «удаленке» [5;10;12].

Следующий вопрос связан с оценками респондентов качества досуга «до» и «после» введения коронавирусных ограничений: «Оцените качество Вашего досуга до и после карантинных ограничений, введенных в связи с пандемией COVID-19»). Заслуживает внимания тот факт, что обе группы опрошенных (87,9% и 83,6%) дали практически идентичные по своему распределению ответы, а единичные случаи, когда произошли существенные отклонения в наихудшую или наилучшую сторону в сравнении с доковидной социальной реальностью составили не более 10% в обеих выборках. Такая стабильность объясняется региональными реалиями.

В соответствии со следующим вопросом мы ставили цель найти взаимосвязи между изменениями материального положения респондентов и последующей трансформацией их досуговых практик. Следует отметить, что подавляющая часть студентов кемеровских вузов уже

находят работу или подработку к старшим курсам. Вполне логично рассматривать их в качестве самостоятельных субъектов, которые, конечно, получают и материальную помощь в зависимости от возможностей родителей. Здесь также было сделано важное уточнение, касающееся смены сферы деятельности, что повсеместно наблюдалось по всей стране во время пандемии COVID-19. С учетом специфики студенческой занятости, а это широкая палитра профессий от общепита до IT, от фриланса до собственного бизнеса, результаты ответов на пятый вопрос: «Как изменилось Ваше материальное положение до и после пандемии (изменилась ли Ваша сфера деятельности)?» по данной группе обращают на себя особое внимание [2;10].

Больше половины опрошенной студенческой молодежи (57%) сменили сферу деятельности в период карантинных ограничений. По опыту личных наблюдений можно сказать, что самой популярной новой профессией стала работа в доставке продуктов, вышедшей на видные позиции в связи с противокоронавирусными запретами. Несколько иначе обстоит дело с выпускниками высших учебных заведений, чье материальное положение чаще изменялось в худшую сторону (32,7%). Однако не так редко встречаются ответы по поводу улучшения благосостояния (23,6%). Определенно, те представители работающей молодежи, которые ощутили негативные тенденции пандемии на своих финансах, либо работали в коммерческих организациях без внятного социального пакета, либо вовсе трудились в тех компаниях, которые были вынуждены закрыться или же ужаться до минимальных масштабов ведения деятельности. При этом в региональных СМИ можно было встретить обращения собственников к коллективу о наступлении непростых времен для бизнеса в условиях реальной ковидной неопределенности [1].

Самоизоляция, ставшая ключевым императивом 2020 года, побудила нас задать вопрос, в некотором роде раскрывающий степень готовности молодежи г. Кемерово к переносу досуговых прак-

тик в он-лайн. Следующий пункт был сформулирован так: «Проводили ли Вы досуг в он-лайн до пандемии?». Среди представителей, принадлежащих к первой выборке, наиболее популярный ответ был «Часто» (66,3%). Это лишний раз подтверждает выбор в пользу тех досуговых практик, для которых необходим компьютер и Интернет.

Помимо прочего, мы стремились выявить, насколько безболезненным оказался перенос реализации привычных досуговых практик в стремительно изменившиеся пространства собственно жилья, для чего был сформулирован седьмой вопрос: «Удалось ли Вам перенести привычные досуговые практики в домашний формат?». По результатам опроса мы увидели, что лишь у небольшого количества ответивших адаптационные стратегии не принесли должного успеха. Отдельно стоит сказать, что тем, кто не особо часто или вовсе никогда практиковал проведение свободного времени в он-лайн до коронавирусных ограничений, по их собственному заверению, все же удалось осуществить относительно «безболезненный» трансфер ряда досуговых практик в новый для них формат (26,4%), что также не скажется резко негативным образом на качестве их реализации. В свою очередь, жизненный мир и предпочтения студенчества являются более подвижными, нежели у старших представителей молодежи, поэтому вариант ответа «Да, большую часть» (54,1%) в полной мере корреспондирует с их адаптационными способностями.

Важным является выявление тех досуговых практик, к которым наиболее регулярно обращалась молодежь в период пандемии, выраженное в вопросе: «К каким формам Вы наиболее часто обращались в период карантинных ограничений?». В преобладающем большинстве ответов студенческой молодежи можно встретить такие варианты, как «Интернет и компьютерные игры», «Просмотр фильмов и сериалов», а также пассивный отдых. В свою очередь работающая молодежь предпочитала «Встречи с друзьями», «Занятия с деть-

ми», «Спорт», а также «Посещение баров и ресторанов». Последний пункт вовсе не случаен, поскольку мы уже отмечали, что кемеровский общепит одним из первых в Сибири начал работу в привычном формате, но с обязательным соблюдением санитарных требований и по сокращенному графику. Указанные ответы как нельзя лучше олицетворяют особенности поколений, когда современные обучающиеся готовы находиться в виртуальной реальности, а более старшие представители молодежи не мыслят свое индивидуальное бытие без взаимодействий с близкими и друзьями в реальном мире.

Понимая, что далеко не все опрошенные были готовы смириться с теми ограничениями, которые привнесла пандемия коронавирусной инфекции в их жизнь в целом и структуру досуга в частности, мы задали вопрос относительно осознанности молодежи по поводу соблюдения тех предписаний, которые доводились до них посредством медиа. Для этого был задан вопрос «Покидали ли Вы пределы Кемеровской области ради удовлетворения своих досуговых потребностей?». Исходя из полученных данных, следует, что студенты (в том числе иногородние) лишь в редких случаях пренебрегли запретами на выезд из Кузбасса (11,7%). При этом важно напомнить, что с начала дистанционного образования и его последующего продления до окончания майских праздников проживающие в других регионах обучающиеся могли беспрепятственно выехать за пределы Кемеровской области. В то же время из ответов работающей молодежи видно их негативное отношение к введенным по поводу запрета на выезд из Кузбасса ограничениям, вследствие чего они хотя бы однократно покидали границы области (73,6%). С другой стороны, это лишь подтверждает те многочисленные факты, в соответствии с которыми им не удалось приспособить свои досуговые практики к новым реалиям, осуществив их трансфер в видоизменившиеся пространства повседневности.

При анализе суждений респондентов в рамках ответа на последний вопрос нам удалось зафиксировать наиболее заслуживающие внимания пункты, отражающие произошедшие в структуре досуговых практик молодежи изменения: «Как изменились Ваши досуговые приоритеты после снятия карантинных ограничений в связи с COVID-19?». Ввиду адаптивной гибкости студенческой молодежи структура их досуговых практик не претерпела существенных содержательных изменений, правда, несколько позади остался пункт, связанный с самообразованием и саморазвитием. Увеличение объема пассивного отдыха и пребывания у компьютера в структуре досуга студентов являются тревожными маркерами, свидетельствующими о последующих проблемах с освоением учебного плана и, как следствие, могут привести к не-овладению необходимыми компетенциями на фоне попустительского отношения к образовательному процессу. В то же время, ряд представителей студенческой молодежи активно включился в социальное служение и изъявил желание помогать людям посредством участия в волонтерском движении. Примечательно, что такой духовный рост свидетельствует о рельефно прорисовываемой тенденции и желаниях молодых людей прожить наполненную жизнь и стать со-участниками преобразования мира к лучшему.

Изучая ответы работающей молодежи, мы увидели, что в реалиях постковидного Кемерово мужчины и девушки 25–35 лет пересмотрели свои взгляды по поводу выходного досуга, придав большую значимость домашнему формату проведения свободного времени. По собственным признаниям респондентов, они стали более ориентированы на семью, нежели на потребление развлечений. Для некоторых опрошенных он-лайн формат организации досуговых практик стал более предпочтительным не только в плане медицинских аспектов, но с точки зрения экономии времени и многозадачности. Также работающие молодые кемеровчане осознанно отказались от вредных привычек в сторону

занятий физической культурой и спортом, связывая это с последствиями коронавируса и нежеланием и невозможностью «жить по-старому». Тем не менее, среди этой категории лиц встречаются и те, которые считают, что COVID-19 – это было время вынужденного ожидания перед возвращением к привычной повседневности, поэтому смена приоритетов не имеет каких-либо жестких ограничений и при первой возможности они планируют вернуться к тем же индивидуально определенным структурам собственных досуговых практик.

Литература

1. Лапшина А.М., Анохина М.Е. Стратегии трансформации бизнеса в условиях пандемии COVID-19 // Стратегии бизнеса. 2020. Т. 8. № 9. С. 242–245
2. Ньюман Л. Неопросные методы исследования // Социологические исследования. 1998. № 6. С. 119–129
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
4. Понукалина О.В. Досуг в теоретическом дискурсе социологии: подходы к исследованию // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 6. С. 83–89.
5. Равочкин Н.Н., Гилязов Р.Ш., Щенников В.П. Влияние пандемии COVID-19 на изменения темпоральности и социальности: социально-философский анализ // Социодинамика. 2021. № 4. С. 119–135.
6. Равочкин Н.Н., Попов Е.А. Концептуализация понятия «досуговые практики» в современной социологии // Социодинамика. 2023. № 2. С. 20–32.
7. Шульман Е.М. Придется договариваться. Почему у горожанина будущего будут спрашивать про все // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М.: Strelka, 2017. С. 30–47.
8. Эриксен Т.Х. Тирания момента. Время в эпоху информации. М.: Весь мир, 2003. 204 с.
9. Clarke J., Critcher Ch. Leisure and Inequality Sociology of Leisure. London, 1994. P. 247–255.

10. COVID-19 and World Order. The Future of Conflict, Competition, and Cooperation / H. Brands, F.J. Gavin. Baltimore Johns Hopkins University Press, 2020. 472 p.
11. Solà-Morales M. Ten Lessons on Barcelona. Urbanistic episodes that have made the modern city. Barcelona: Col. legid'Arquitectes de Catalunya, 2008. 584 p.
12. Ward C. The annihilation of time by space in the COVID-19 pandemic downturn // Dialogues in Human Geography. 2020. № 10(2). pp. 191–194.

TRANSFORMATION OF YOUTH LEISURE PRACTICES UNDER THE INFLUENCE OF THE COVID-19 PANDEMIC: BASED ON THE RESULTS OF A SURVEY OF YOUTH IN THE KEMEROVO REGION – KUZBASS

Ravochkin N.N., Sekacheva V.M.

Kuzbass state agricultural academy; Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

The article discusses the results of a sociological study conducted in the form of a survey of the youth of the Kemerovo region – Kuzbass, representing the vectors of transformation of their leisure practices during the period of coronavirus restrictions. Relevant works devoted to the comprehensive understanding of leisure practices in modern urban space have been selected. In the introductory part of the work, the authors actualize the problem of studying the leisure practices of young people, who act as a conductor of innovations and have a polyvariant choice of organizing their free time, primarily in urban areas. The author's method is proposed. Further, the questions are presented in a cross-cutting way and the quantitative data of the respondents are shown. The specifics of organizing and spending free time by two groups of Kemerovo youth in the context of the COVID-19 pandemic are shown. Informants' answers to each question are accompanied by interpretations. In conclusion, conclusions are formulated that supplement modern sociological knowledge in the aspect of changing the structure of leisure practices of urban youth, which occurred under

the influence of the pandemic of a new coronavirus infection in specific empirical contexts.

Keywords: leisure practices, youth, pandemic, city, society, COVID-19 pandemic, transformations, free time.

References

1. Lapshina A.M., Anokhina M.E. Business transformation strategies in the context of the COVID-19 pandemic // Business strategies. 2020. Vol. 8. № 9. S. 242–245
2. Newman L. Non-survey research methods // Sociological research. 1998. № 6. P. 119–129
3. Parsons T. The system of modern societies. M.: Aspect Press, 1998. 270 p.
4. Ponukalina O.V. Leisure in the theoretical discourse of sociology: approaches to research // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2017. Vol. 17. № 6. S. 83–89.
5. Ravochkin N.N., Gilyazov R. Sh., Shchennikov V.P. The impact of the COVID-19 pandemic on changes in temporality and sociality: a socio-philosophical analysis // Sociodynamics. 2021. № 4. S. 119–135.
6. Ravochkin N.N., Popov E.A. Conceptualization of the concept of "leisure practices" in modern sociology // Sociodynamics. 2023. № 2. S. 20–32.
7. Shulman E.M. We'll have to negotiate. Why will the city dweller of the future be asked about everything // City dweller: what do we know about the inhabitant of a big city? M.: Strelka, 2017. S. 30–47.
8. Eriksen T. Kh. The tyranny of the moment. Time in the Information Age. M.: Ves Mir, 2003. 204 p.
9. Clarke J., Critcher Ch. Leisure and Inequality Sociology of Leisure. London, 1994. P. 247–255.
10. COVID-19 and World Order. The Future of Conflict, Competition, and Cooperation / H. Brands, F.J. Gavin. Baltimore Johns Hopkins University Press, 2020. 472 p.
11. Solà-Morales M. Ten Lessons on Barcelona. Urbanistic episodes that have made the modern city. Barcelona: Col. legid'Arquitectes de Catalunya, 2008. 584 p.
12. Ward C. The annihilation of time by space in the COVID-19 pandemic downturn // Dialogues in Human Geography. 2020. № 10(2). pp. 191–194.

Социальное явление языковой мимикрии в зарубежной и отечественной литературе

Садыкова Регина Римовна,

аспирант направления «социология» Уфимского университета науки и технологии
E-mail: umbaru@mail.ru

В статье представлена теоретическая и практическая оценка социального явления языковой мимикрии. Проведен анализ понятия языковой мимикрии в зарубежной и отечественной литературе. В статье дается определение понятия языковая мимикрия, ее типы (мимикрия участников коммуникации, мимикрия функций коммуникации, мимикрия элементов коммуникации), формы (региональные диалекты, социальные диалекты, акценты, межъязыковая мимикрия). Цель исследования – анализ языковой мимикрии и языковой идентичности. Основным методом исследования выступил контент-анализ российской и зарубежной литературы по языковой мимикрии и языковой идентичности. Результаты исследования могут быть применены в сфере языковой политики, в разработке методических и практических рекомендаций по сохранению национальных языков. Материалы исследования могут быть использованы при разработке социальных программ по языковой политике.

Ключевые слова: мимикрия, языковая мимикрия, формы мимикрии, типы мимикрии, коммуникативная мимикрия.

Мимикрия, в природе, проявляется в том, что один вид имитирует другой вид, чтобы получить определенные преимущества – например, обмануть хищника и пр. Кайуа Р. выделяет в мимикрии два типа в ее биологическом понимании: агрессивную мимикрию, необходимую, чтобы напасть на жертву, и защитную мимикрию, необходимую, чтобы уберечься от нападающего [4, с. 84]. В зоологии различают мимикрию цвета, формы и звука. Мимикрия может иметь преимущества в выживании видов в природе, а языковая мимикрия может отражать культурные и социальные связи между людьми.

Языковая мимикрия – это явление, когда человек начинает использовать лексику, интонации и другие элементы речи конкретного языка более часто и более точно, чем это делал до того, как начал общаться на этом языке. Это явление обычно наблюдается у людей, которые начинают изучать новый язык и начинают общаться на этом языке более часто. Они начинают подражать манере общения носителей языка и учатся использовать те же выражения и обороты, которые чаще всего используют носители языка. В большинстве случаев, языковая мимикрия является положительным явлением, так как она помогает снизить языковой барьер и позволяет человеку более эффективно общаться на новом языке. Однако, в некоторых случаях, языковая мимикрия может привести к пересозданию личности и образа жизни, особенно если человек находится в новой культурной среде.

Горелов И.Н. и Седов К.Ф. под речевой мимикрией подразумевают стремление подладиться под собеседника не только на уровне содержания речи, но и на уровне языкового оформления содержания[2, с. 159].

Ефременкова Е.С. пишет о сути «контактной подстройки», что она заключается в идее соответствия: «хочу быть по-

ходим на вас». Контактной подстройке помогают профессиональный опыт, речевая гибкость, «конформизм», то есть способность находить и затем использовать в тексте такие слова и конструкции, которые сближают «языковое пространство» адресанта с языковым пространством адресата [1, с. 2]. Ефременкова Е.С. утверждает, что иногда «контактная подстройка» приводит к «речевой мимикрии» [1, с. 2]. Я все же склонна думать, что понятие «языковая мимикрия» и «контактная подстройка» это одно и то же понятие.

Языковая мимикрия адаптирует языковую среду между коммуникантами, т.е. когда люди общаются на определенном языке, они начинают имитировать этот язык, принимая его произношение и интонацию. Такая мимикрия может происходить как на уровне индивидуального общения, так и на более широком уровне культурного взаимодействия. Например, иммигранты, начинают говорить на местном языке с акцентом, похожим на «местный», подражая произношению местных жителей. Такая мимикрия является способом интеграции в новую культурную среду. Языковой мимикрией также можно объяснить существование разных диалектов и вариантов одного национального языка, связанные с конкретными регионами или социокультурными группами. Они адаптировали свой язык к местным условиям и подражают другим носителям языка. В целом, языковая мимикрия показывает, что язык – это не просто инструмент общения, но и средство социальной адаптации и взаимодействия.

Типологию коммуникативной мимикрии, которую приводит В.Б. Кашкин [5, с.100], один из немногих исследователей, занимающихся данной проблемой. Он выделяет три типа мимикрии в коммуникации:

- 1) мимикрия участников коммуникации (коммуникант выдает себя за кого-то другого);
- 2) мимикрия функций коммуникации (основная цель скрывается под другой);
- 3) мимикрия элементов коммуникации (выбирается не прямое выражение

идеи: эвфемизмы, риторические вопросы и др.).

Коммуникативная мимикрия с точки зрения Лизуновой Е.А. – это изменение говорящим свойственного ему стиля коммуникации для осуществления своих целей в определенной коммуникативной ситуации. Автор уточняет, что это определение нуждается в дальнейшем уточнении [7, с. 37].

Главная особенность человека является способность к мимикрии под собеседника. Коммуникативная мимикрия – это явление, когда человек пытается адаптироваться к стилю общения собеседника. Это может включать в себя мимикрию в тоне голоса, жестах, в общей манере ведения разговора и даже в использовании слов и фраз, которые более типичны для собеседника. Цель такой мимикрии – улучшить качество коммуникации и налаживать более тесные отношения с собеседником.

Коммуникативная мимикрия может быть полезной, так как она позволяет снизить барьеры в общении и проявить эмпатию. Это может повысить эффективность общения и установление связей с новыми людьми. Однако, следует помнить, что чрезмерная мимикрия может быть воспринята как неискренность, и породить недоверие со стороны собеседника. Следует также отметить, что коммуникативная мимикрия не означает, что человек отказывается от своего стиля общения, а просто адаптируется к манере общения собеседника на время разговора.

Использование мимикрии каждый решает самостоятельно: когда и в каких ситуациях использовать мимикрию. Эта способность может быть полезной для установления контакта с другими людьми, повышения убедительности и эффективности коммуникации. Однако, как и любое другое социальное поведение, мимикрия должна использоваться с учетом контекста, чтобы не создавать ложных представлений о себе или оказаться в неприятной ситуации.

Однако не является единственной особенностью. Человек также обладает высоким интеллектом, способностью

к абстрактному мышлению, эмпатией, социальным поведением, культурным наследием и многими другими качествами, которые делают его уникальным и способствуют его адаптации в различных ситуациях и условиях.

Языковая мимикрия может проявляться в разных формах в обществе. Некоторые из них:

1. Региональные диалекты. Носители языка могут использовать диалект, который характерен для определенного региона. Например, в республике Башкортостан существуют различные диалекты башкирского языка, которые связаны с территориальными особенностями и имеют свои уникальные черты. Это результат влияния различных языков и культур. В данном случае, региональные диалекты являются одним из способов языковой мимикрии, или адаптации языка к конкретной среде. Это происходит отчасти из-за потребности коммуникации между представителями одного и того же социального и культурного слоя, отчасти из-за исторически сложившихся традиций. Региональные диалекты могут быть очень сложными и иметь множество отличительных особенностей, включая фонетику, грамматику и лексику. Региональные диалекты могут быть как положительно восприняты, как местная традиция и культура, так и отвергнуты как «неправильный» способ говорить, который следует изменять. Однако, несмотря на некоторые социальные проблемы, связанные с использованием диалектов, они все же продолжают существовать и выражают уникальность и разнообразие культур.

2. Социальные диалекты. Носители языка могут использовать различные формы языка в зависимости от социальной группы, к которой они принадлежат. Например, в некоторых культурах существует формальный язык, который используется при общении с людьми старшего возраста или высокого статуса.

Социальные диалекты относятся к языковой мимикрии и представляют собой способ речи, который присущ определенной группе людей на основе их социального статуса, профессии,

возраста, места проживания и прочих факторов. Это может быть сленг, профессиональный язык или жаргон, который используется в определенной среде и не является общепринятым стандартным языком. Социальные диалекты могут также включать в себя произношение, интонацию, грамматику и лексические особенности, которые отличаются от стандартного языка. Они могут быть использованы как способ идентификации с определенной группой людей или принадлежности к ней.

Социальные диалекты необходимы для эффективной коммуникации в разных средах, и их использование может помочь укреплению социальных связей и установлению доверительных отношений между людьми в конкретной ситуации. Они также могут отображать культурную идентичность и принадлежность к определенной группе, что важно для формирования индивидуальной и коллективной идентичности.

3. Акценты. Носители языка могут иметь разные акценты, которые связаны с регионом, где они выросли, или другими факторами, такими как их профессия или социальный статус.

Акценты – это разновидность языковой мимикрии, которая заключается в имитации особенностей произношения звуков и интонации носителя другого языка. Люди обычно приобретают акценты в результате общения с представителями других культур и регионов или в процессе изучения иностранных языков. Акценты могут быть различными – от заметного акцента, который выдает говорящего как носителя другого языка, до более тонких оттенков, которые могут определить региональную принадлежность и профессиональный статус.

Но, в некоторых случаях, акцент может привести к трудностям в понимании иноязычной речи, особенно если он сильно отличается от привычного звучания языка.

4. Межъязыковая мимикрия. При общении с носителями других языков люди могут начать использовать в своей речи слова и выражения из других языков. Межъязыковая мимикрия предполагает

ет использовать элементы одного языка при общении на другом языке. Примером межъязыковой мимикирии может служить использование иностранных слов или переводов.

Языковая мимикрия – это явление, при котором один язык влияет на другой, в результате чего первый язык начинает использоваться в речи на втором языке. Это может происходить по разным причинам, как, например, из-за многонациональной среды, желая приспособиться к местной культуре, или из-за давления политических или социальных факторов.

В Башкирии межъязыковая мимикрия проявляется в использовании элементов русского языка при говорении на башкирском языке, а также в применении башкирских слов при общении на русском языке.

Межъязыковая мимикрия может происходить в самых разных формах: от простого заимствования слов и фраз, до полной адаптации языка. Также важно отметить, что языковая мимикрия – явление двустороннее, и часто язык оказывается адаптированным в обе стороны. В целом, языковая мимикрия может иметь различные последствия, и важно учитывать их в каждом конкретном случае. Однако, в современном мире, где многоязычность и культурное разнообразие являются нормой, языковая мимикрия должна быть рассмотрена скорее как средство, а не как проблема.

Мимикрия может играть важную роль в создании языковой идентичности, когда сообщество языковых пользователей пытается адаптироваться к новой среде, сохраняя при этом свой языковой стиль и традиции.

Например, некоторые диалекты башкирского языка в Республике Башкортостан (в зависимости от районов), имеют своё уникальное произношение, что позволяет их носителям легко определить друг друга и ощущать свою принадлежность к данному сообществу. При переезде в другую часть Башкирии, где говорят на местном башкирском диалекте, носители этих диалектов могут использовать мимикрию, т.е. притворяться,

что говорят на башкирском языке, чтобы быть легче понятыми окружающими.

Также мимикрия может проявляться в использовании жаргонных фраз, которые выходят за рамки стандартного лексического состава языка, но являются принятой нормой в данном сообществе. Например, использование жаргона среди молодежи может создавать языковую идентичность, которая помогает им отличаться от остальных. Таким образом, мимикрия может быть одним из способов создания и поддержания языковой идентичности в различных контекстах. Однако иногда это может привести к непониманию или искажению общения с окружающими, поэтому важно уметь использовать мимикрию и быть также готовым к коммуникативным проблемам, если они возникают.

Литература

1. Ефременкова Е.С. Процессы, характерные для языка средств массовой информации начала XXI в. <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/33713.pdf> (дата обращения: 08.04.2023).
2. Горелов И. Н., Седов К.Ф.. Основы психолингвистики. Учебное пособие. Третье, переработанное и дополненное издание. – Издательство «Лабиринт», М., 2001. – 304с. URL: https://idolms.bspu.ru/pluginfile.php/16658/mod_resource/content/2/И.%20Н.%20Горелов%20К.%20Ф.%20Седов%20Основы%20психолингвистики%20%281%29.pdf (дата обращения: 08.04.2023).
3. Зотина Е.В. Коммуникативная подстройка как фактор построения успешной коммуникации (на материале записей образцов голоса и речи) // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-podstroyka-kak-faktor-postroeniya-uspeshnoy-kommunikatsii-na-materiale-zapisey-obraztsov-golosa-i-rechi> (дата обращения: 08.04.2023).
4. Кайуа, Р. Мимикрия и легендарная психастения / Р. Кайуа // Миф и человек. Человек и сакральное. -М.:

- ОГИ, 2003. URL: <http://lukashevichus.info/knigi/Кайуа%20Миф%20и%20человек%20Человек%20и%20сакральное.pdf> (дата обращения: 18.02.2023)
5. Кашкин, В.Б. Основы теории коммуникации: краткий курс / В.Б. Кашкин. – 3-е изд., перераб. и доп. -М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 256 с. – (Лингвистика и межкультурная коммуникация: золотая серия). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19406116_26847207.pdf (дата обращения: 19.02.2023).
 6. Ларцева Е.В., Ярыгина Д.Д. К Вопросу о феномене языковой моды https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65553/1/978-5-7996-2429-3_009.pdf (дата обращения: 09.04.2023).
 7. Лизунова Е.А. Коммуникативная мимикрия и ее типы // Вестник КемГУ. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-mimikriya-i-ee-tipy> (дата обращения: 11.12.2022).
 8. Чеботникова Т.А. Мимикрия речевого поведения и стиль жизни общества // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mimikriya-rechevogo-povedeniya-i-stilzhizni-obschestva> (дата обращения: 11.12.2022).

THE SOCIAL PHENOMENON OF LINGUISTIC MIMICRY IN FOREIGN AND DOMESTIC LITERATURE

Sadykova R.R.

Ufa University of Science and Technology

The article presents a theoretical and practical assessment of the social phenomenon of linguistic mimicry. The analysis of the concept of linguistic mimicry in foreign and domestic literature is carried out. The article defines the concept of linguistic mimicry, its types (mimicry of communication participants, mimicry of communication functions, mimicry of communication elements), forms (regional dialects, social dialects, accents, interlanguage mimicry). The purpose of the study is to analyze language mimicry and language identity. The main method of research was the content analysis of Russian and foreign literature on linguistic mimicry and linguistic identity. The results of the study can be

applied in the field of language policy, in the development of methodological and practical recommendations for the preservation of national languages. The research materials can be used in the development of social programs on language policy.

Keywords: mimicry, language mimicry, forms of mimicry, types of mimicry, communicative mimicry.

References

1. Efremenkova E.S. Processes characteristic of the language of the mass media at the beginning of the 21st century. <https://files.scienceforum.ru/pdf/2017/33713.pdf> (date of access: 04/08/2023).
2. Gorelov I. N., Sedov K.F. Fundamentals of psycholinguistics. Tutorial. Third, revised and enlarged edition. – Publishing house “Labyrinth”, M., 2001. – 304 p. URL: https://idolms.bspu.ru/pluginfile.php/16658/mod_resource/content/2/l.%20N.%20Gorelov%20K.%20F.%20Sedov%20Fundamentals%20psycholinguistics%20%281%29.pdf (date of access: 04/08/2023).
3. Zotina E.V. Communicative adjustment as a factor in building successful communication (based on recordings of voice and speech samples) // Uchenye zapiski Kazanskogo juridical institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-podstroyka-kak-faktor-postroyeniya-ushpeshnoy-kommunikatsii-namateriale-zapisey-obraztsov-golosa-i-rechi> (date of access: 04/08/2023).
4. Caillua, R. Mimicry and legendary psychasthenia / R. Caillou // Myth and man. Man and the sacred. -M.: OGI, 2003. URL: <http://lukashevichus.info/knigi/Kaiua%20Myth%20and%20human%20Man%20and%20sacred.pdf> (Accessed: 18.02.2023)
5. Kashkin, V.B. Fundamentals of communication theory: a short course / V.B. Kashkin. – 3rd ed., revised. and additional -M.: AST: East – West, 2007. – 256 p. – (Linguistics and Intercultural Communication: Gold Series). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_19406116_26847207.pdf (date of access: 02/19/2023).
6. Lartseva E.V., Yarygina D.D. On the issue of the phenomenon of language fashion https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/65553/1/978-5-7996-2429-3_009.pdf (date accessed: 04/09/2023).

7. Lizunova E.A. Communicative mimicry and its types // Bulletin of the KemGU. 2012. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-mimikriya-i-ee-tipy> (date of access: 12/11/2022).
8. Chebotnikova T.A. Mimicry of speech behavior and the lifestyle of society. Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mimikriya-rechevogo-povedeniya-i-stil-zhizni-obschestva> (Date of access: 12/11/2022).

Воздействие культурной глобализации на социальные институты России

Сехлеян Сильвия Арменовна,

аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: sil.sehlejan2010@yandex.ru

В данной статье рассматривается влияние культурной глобализации на социальные институты в России. Социальные институты, такие как образование, здравоохранение и правовая система, имеют решающее значение для управления социальным поведением и предоставления услуг населению. В России эти учреждения в значительной степени контролируются государством, но частные организации также играют роль в предоставлении социальных услуг. Культурная глобализация относится к распространению культурных ценностей, практик и продуктов через национальные границы. В статье исследуется, как культурная глобализация повлияла на социальные институты в России, особенно в сфере образования, где методы обучения в западном стиле получили более широкое распространение. В статье также рассматривается роль социальных институтов в формировании культурной идентичности в России, а также вызовы и возможности, которые культурная глобализация представляет для этих институтов. В целом статья предлагает комплексный анализ сложных взаимоотношений социальных институтов в контексте культурной глобализации в России.

Ключевые слова: Социальные институты, культурная глобализация, образование, культурные особенности, государственный контроль

Социальные институты играют решающую роль в формировании жизни ее граждан. Эти учреждения обширны и разнообразны: от образования, здравоохранения и правовой системы до религиозных учреждений и организаций, предоставляющих социальные услуги.

В России социальные институты в значительной степени контролируются государством. Это означает, что правительство несет ответственность за предоставление и регулирование таких услуг, как здравоохранение, образование и социальное обеспечение. Эта централизация социальных услуг имела как положительные, так и отрицательные последствия для населения. С одной стороны, это обеспечило доступность основных услуг для всех граждан, независимо от их дохода или социального статуса. С другой стороны, это привело к отсутствию разнообразия и конкуренции в предоставлении этих услуг.

Культурная глобализация, определяемая как распространение культурных ценностей, практик и продуктов через национальные границы, оказала значительное влияние на социальные институты в России. Влияние западных культурных ценностей, особенно в области образования, средств массовой информации и технологий, бросило вызов традиционным социальным институтам и практикам, а также предоставило возможности для инноваций и роста.

Одно из наиболее значительных воздействий культурной глобализации на социальные институты в России было в сфере образования. Образовательные методы и учебные программы западного образца получили более широкое распространение, особенно в сфере высшего образования. Российские университеты стали более интернациональными, с англоязычными программами и партнерскими отношениями с зарубежными университетами. Это позволило российским студентам познакомиться с раз-

личными образовательными подходами и идеями, а также способствовало более тесному сотрудничеству между российскими и западными учеными.

В советское время произошел сдвиг в сторону более централизованной системы образования с упором на марксистскую идеологию и техническое образование. Однако после распада Советского Союза образовательная система была реструктурирована, чтобы включить подходы к образованию в более западном стиле, включая больший упор на критическое мышление, творчество и независимые исследования.

Россия сосредоточилась на экспорте образования, в результате чего были приняты меры для привлечения иностранных студентов. Одна из таких мер – проект «5–100», который начался в 2013 году и закончился в 2020 году. 21 ведущий российский университет был выбран для участия в проекте, и каждый университет разработал дорожную карту мероприятий для повышения своей конкурентоспособности на мировой арене. В результате университеты продвинулись в международных рейтингах, и доля иностранных студентов в университетах-участниках увеличилась на 2,6 раза с 2013 года (рис. 1).

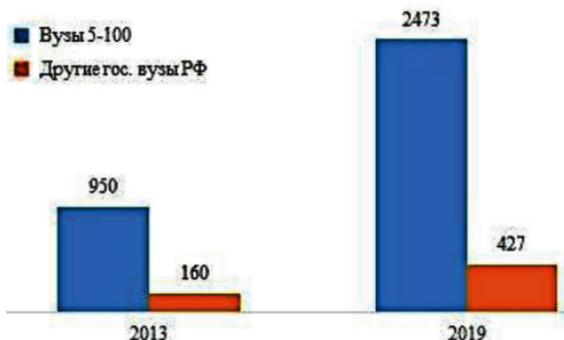

Рис. 1. Общая численность иностранных студентов в среднем на один вуз, чел.

Реализация проекта 5–100 в России привела к увеличению числа иностранных студентов в российских университетах, что является положительной тенденцией. В 2020/2021 учебном году количество иностранных студентов составило 315 тыс. человек из 170 стран мира, что составляет около 8% от общего числа студентов в России. Однако, по сравнению с развитыми странами, Россия отстает в этой сфере (табл. 1).

Эта ситуация приводит к нескольким последствиям. Во-первых, Россия упускает возможность зарабатывать на обучении иностранных студентов, что делает ее менее конкурентоспособной в мировом экономическом пространстве. Например, Австралия зарабатывает на обучении иностранных студентов 18 млрд долларов в год, принимая столько же студентов, сколько и Россия. Второе по-

следствие заключается в том, что недостаточная конкурентоспособность российских вузов может отразиться на качестве образования, которое они предоставляют, и ухудшить их репутацию как в России, так и за ее пределами.

В этом отрывке обсуждается важная инициатива в России, направленная на повышение привлекательности и конкурентоспособности образовательных программ российских университетов для иностранных студентов. Инициатива называется проектом «Экспорт образования», который является частью национального проекта «Образование». Проект направлен на увеличение числа иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, как с помощью традиционного очного обучения, так и онлайн-курсов. Цель состоит в том, чтобы увеличить число иностранных сту-

дентов, обучающихся в России, с 220 000 в 2017 году до 710 000 в 2025 году. Кроме того, проект направлен на увеличение доходов от экспорта российского образования более чем в пять раз, превысив 373 миллиарда рублей к 2025 году.

Таблица 1. Доля иностранных студентов, обучавшихся в России в 2020

Название вуза	Доля иностранных студентов, %
Российский университет дружбы народов	29
Томский Политехнический университет	28
НИЯУМИФИ	28
Томский государственный университет	24
Сеченовский университет	23
НИУ ИТМО	22
СПбГЭТУ «ЛЭТИ»	20

Российское правительство предприняло несколько шагов для достижения этих целей. Он установил квоту на количество иностранных студентов, которые могут финансироваться из российского бюджета, при этом их число увеличилось с 18 000 в 2021 году до 30 000 в 2023 году. Правительство также упростило иностранным студентам работу в России во время учебы, разрешив им работать за пределами своих университетов в свободное время, имея только письменное подтверждение от своих университетов. Ожидается, что эта мера предоставит финансовое преимущество иностранным студентам, особенно из стран СНГ, Африки и Юго-Восточной Азии, и поможет им развить необходимые навыки для работы в международной среде.

На средства массовой информации также повлияли глобализационные процессы. Развитие Интернета и социальных сетей бросило вызов традиционным институтам СМИ, особенно СМИ, контролируемым государством. Доступность информации и возможность делиться идеями и обмениваться ими в глобальном масштабе создали новые возмож-

ности для гражданской журналистики и альтернативных форм СМИ. Это также привело к более тщательному изучению отечественных средств массовой информации, особенно в отношении вопросов цензуры и предвзятости. СМИ также играют роль в формировании культурной идентичности в России. Подконтрольные государству СМИ продвигают определенный нарратив о российской идентичности, подчеркивая национальную гордость, традиционные ценности и противодействие западному влиянию. Однако, рост числа независимых СМИ и социальных сетей поставил под сомнение этот нарратив, предлагая альтернативные точки зрения на российскую идентичность и культуру.

В последние годы возобновился акцент на традиционных культурных ценностях, в том числе на важности семьи, общины и духовности. Отчасти это было вызвано желанием противостоять влиянию западных культурных ценностей, которые часто рассматриваются как угроза российской идентичности. Социальные институты, в том числе Русская православная церковь и правительство, сыграли важную роль в продвижении этой традиционалистской программы.

В России происходят изменения в семейных отношениях и сексуальной морали. Индивидуализация общества и идеология либерализма, а также увеличение независимости женщин, способствуют росту неофициальных союзов и сожительства. Новая форма семейных взаимоотношений – «эгалитарная» семья, в которой равенство в ведении домашнего хозяйства и воспитании детей между супругами является наиболее желательным для большинства россиян.

Общероссийские опросы показывают, что в вопросе распределения семейных ролей 91% россиян выступает за равенство в ведении домашнего хозяйства между супругами и 90% – за равное участие в воспитании детей отца и матери (в семьях знакомых 52% опрошенных семейное равенство достигнуто).

Причины изменений включают индивидуализацию общества, идеологию либерализма и увеличение независимо-

сти женщин. Однако, незарегистрированный брак может быть неустойчивым и не рассматриваться как полноценная форма семейных отношений. Россияне становятся все более заинтересованы в эгалитарной семье, что связано с активным участием женщин в профессиональной деятельности и их успехами, а также равенством в пополнении семейного бюджета.

Культурная глобализация представляет как вызовы, так и возможности для социальных институтов в России. С одной стороны, глобализация привела к усилению взаимосвязи и открытости для новых идей и культурных практик со всего мира. С другой стороны, это также бросило вызов традиционным социальным институтам и культурным нормам в России.

Одним из главных вызовов, которые культурная глобализация ставит перед социальными институтами в России, является эрозия традиционных культурных ценностей и практик. По мере того, как западная культура становится все более распространенной во всем мире, традиционные российские культурные ценности и обычаи подвергаются сомнению и даже заменяются западными идеалами. Это оказывает давление на социальные институты, такие как Русская православная церковь и традиционные семейные структуры, которые считаются важными столпами русской культуры.

Еще одной проблемой является усиление конкуренции, с которой сталкиваются социальные институты в глобальном мире. С ростом социальных сетей и Интернета учреждения должны конкурировать за внимание и влияние в многолюдном и постоянно меняющемся пространстве. Это заставляет институты адаптироваться и развиваться, чтобы оставаться актуальными и эффективными.

Несмотря на эти вызовы, культурная глобализация также открывает возможности для социальных институтов в России. Одной из основных возможностей является потенциал для расширения сотрудничества и обмена между различными культурами и обществами. По мере

того, как российские учреждения взаимодействуют со своими коллегами в других странах, они могут заимствовать новые идеи и взгляды, внедрять их в свою собственную практику. Это может привести к большим инновациям и прогрессу.

Еще одна возможность – это потенциал усиления глобального влияния и престижа российских социальных институтов. По мере того, как Россия все больше интегрируется в мировое сообщество, ее институты получают возможность играть более важную роль на мировой арене.

Кроме того, культурная глобализация также может предоставить социальным институтам возможность лучше удовлетворять потребности своих сообществ. Например, рост мировых рынков и возросшая мобильность людей привели к большей потребности в межкультурном общении и понимании. Социальные институты, способные предоставлять услуги и поддержку, отвечающие потребностям различных сообществ, будут иметь больше возможностей для достижения успеха в глобализованном мире.

Таким образом, социальные институты России сталкиваются с беспрецедентными вызовами и возможностями в условиях культурной глобализации. Хотя западные идеалы бросают вызов традиционным культурным ценностям и обычаям, существует также потенциал для более тесного сотрудничества, инноваций и глобального влияния. Социальные институты должны адаптироваться, чтобы конкурировать в многолюдном и постоянно меняющемся мировом ландшафте.

Важно признать, что социальные институты – это не статичные образования, а скорее динамичные и развивающиеся организации, которые должны реагировать на меняющиеся обстоятельства. Таким образом, они должны найти баланс между сохранением традиционных культурных ценностей и адаптацией к новым глобальным реалиям. Используя возможности, которые предоставляет культурная глобализация, сохраняя при этом традиционные культурные ценности,

социальные институты в России могут процветать в меняющемся мире и способствовать развитию более инклюзивного и разнообразного глобального общества. В конечном итоге успех социальных институтов в России и во всем мире будет зависеть от их способности справляться с вызовами и возможностями культурной глобализации, оставаясь при этом верными своим основным ценностям и миссии.

Литература

1. Аслунд, А. (2018). Вызовы России в мировой экономике. Институт международной экономики Петерсона.
2. Дима, В. (2016). Социальные институты и демократия в России. Европейский журнал политических исследований, 55(3), 534–553.
3. Хархордин О. (2017). Коллективное и индивидуальное в России: исследование практик. Калифорнийский университет Press.
4. Шлапентох, В. (2018). Судьба нового человека в глобализованном мире: пример России. Спрингер.

THE IMPACT OF CULTURAL GLOBALIZATION ON RUSSIA'S SOCIAL INSTITUTIONS

Sekhlean S.A.

State Academic University for Humanities

This article examines the impact of cultural globalization on social institutions in Russia. So-

cial institutions, such as education, healthcare, and the legal system, are crucial for governing social behavior and providing services to the public. In Russia, these institutions are largely controlled by the state, but private organizations also play a role in providing social services. Cultural globalization refers to the spread of cultural values, practices, and products across national borders. The article explores how cultural globalization has influenced social institutions in Russia, particularly in education, where Western-style education methods have become more widely accepted. The article also discusses the role of social institutions in shaping cultural identity in Russia and the challenges and opportunities presented by cultural globalization for these institutions. Overall, the article offers a comprehensive analysis of the complex relationship between social institutions and cultural globalization in Russia.

Keywords: social institutions, cultural globalization, education, cultural identity, state control.

References

1. Aslund, A. (2018). Russia's Challenges in the Global Economy. Peterson Institute for International Economics.
2. Dima, V. (2016). Social Institutions and Democracy in Russia. European Journal of Political Research, 55(3), 534–553.
3. Kharkhordin, O. (2017). The Collective and the Individual in Russia: A Study of Practices. University of California Press.
4. Shlapentokh, V. (2018). The Fate of the New Man in the Globalized World: The Case of Russia. Springer.

Цифровые дистанционные сообщества инвалидов по зрению как среда реализации их социокультурного потенциала

Тринадцатко Антон Александрович,

кандидат социологических наук, кафедра экономики и менеджмента, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: anton13-176@rambler.ru

После отмены в 2022 году коронавирусных ограничений современная цифровая среда сохранила свою актуальность для лиц с нарушениями зрительной функции как пространство их социокультурной реабилитации и реализации художественного потенциала. В статье, на основе результатов социологического исследования, анализируется творческая активность цифровых сообществ инвалидов по зрению на примере «Театральной студии «Премьера». Отмечается, что цифровая среда и предоставляемые ею возможности, фактически являясь редуцированной формой очной социокультурной деятельности слепых и слабовидящих людей, выступают для них пространством творческой самореализации, мотиватором в повышении уровня их социокультурной реабилитации, а также инклюзивным коммуникативным инструментом их интеграции в коллективный художественно-созидательный процесс.

Ключевые слова: инвалиды по зрению, цифровое пространство, цифровое сообщество, социокультурная реабилитация, социальная активность, художественно-созидательная деятельность, художественный результат, аудиопостановка, аудиоспектакль

Введение. Отмена в 2022 г. ограничений на проведение и посещение культурно-массовых мероприятий, вызванных новой коронавирусной инфекцией COVID-19, вернула российским инвалидам возможность активного участия в общественной жизни, в т.ч. в культурно-созидательной деятельности.

Необходимо отметить, что наиболее сильно пострадавшей от введенных ограничительных мер группой инвалидов дискредитированного стигматического типа, оказались лица с нарушениями зрительной функции, поскольку, в отличие от представителей других нозологий стигматизированных социумом лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), они и ранее, в период отсутствия ограничительных мер, испытывали проблемы в самых разных направлениях социальной интеграцией, обусловленных совокупным действием как пространственно-средовых барьеров, так и социальных аттитюдов, закрепившихся в общественном сознании.

Особый дискредитированный статус незрячих и слабовидящих граждан, в данном случае, был обусловлен неспособностью социума должным образом устранить совокупность указанных барьеров, в то время как для других представителей дискредитированной когорты инвалидов (с нарушением слуха, ОДА, с ментальными нарушениями), внешняя среда становилась доступной через устранение одного из указанных видов ограничений – физических (для лиц с нарушениями ОДА) или социальных (для инвалидов с нарушениями слуха или ментальными нарушениями).

Трудовая, культурная, спортивная, общественная деятельность инвалидов по зрению, относительно успешно могла осуществляться только теми из них, кто мог либо самостоятельно добраться до места реализации своих интересов

(т.е. обладал развитым навыком пространственного ориентирования с учетом высокого уровня доступности внешнего окружения), либо мог воспользоваться услугами сопровождающего лица, обычно из числа близких друзей или родственников. При этом именно социокультурная деятельность зачастую выступала первым этапом интеграции инвалидов в другие сферы социальной жизни, в т.ч. и в сферу социально-трудовых отношений [1].

Реализующие до введения ограничительных мер функцию социокультурной реабилитации незрячих специализированные библиотеки для слепых, культурно-досуговые центры, реабилитационные центры и местные отделения (МО) ВОС, оказались для инвалидов по зрению недоступны. На фоне стремительной адаптации мобильных и компьютерных приложений к специфическим потребностям незрячих и слепых граждан, это привело к быстрому росту в мессенджерах и социальных сетях тематических сообществ, объединяющих представителей данной когорты инвалидов, имеющих общие интересы и испытывающих потребность в поддержке социально-коммуникативных интеракций, участии в создании и транслировании собственных и коллективных творческих аудиопродуктов, обладающих, зачастую, значительной, с точки зрения слушателей, художественной ценностью.

Наиболее эффективные анимационные технологии, используемые в процессе социокультурной реабилитации лиц с нарушениями зрения – сольное исполнительское мастерство, литературное творчество (художественное чтение прозаических и лирических произведений), театрально-сценическое искусство, драматическое исполнительство, также были перенесены в цифровое пространство, хотя и в несколько редуцированном виде, нежели денотат [2; 3].

С другой стороны, погружение незрячих и слабовидящих граждан в цифровую среду, открыло для них новые возможности, неактуальные и невостребованные ими ранее в условиях квазидо-

ступного мира. В частности, фокусирование социокультурной активности таких лиц на дистанционных вариантах коллективного творчества, преимущественно аудиальных, привело к росту числа инвалидов по зрению, овладевших, в зависимости от сохранности зрительного анализатора, одним или несколькими программными продуктами, предназначенными для работы со звуковыми файлами (Sound Forge, AudaCity, Adobe Audition, WavePad Audio Editor, GoldWave, Cockos Reaper и др.), синхронизированных с программами экранного доступа.

Отмена мер социальной изоляции, восстановление непосредственной контактной среды незрячих инвалидов, возврат их к очному формату социальных взаимодействий обусловили, с одной стороны, снижение их коммуникативной активности в мессенджерах и социальных сетях, что нашло свое отражение в прекращении культурно-созидательной деятельности некоторых цифровых дистанционных сообществ инвалидов по зрению, особенно тех, для участников которых такая деятельность не являлась приоритетной в их социальной жизни. С другой стороны, группы, организованные именно с целью развития и реализации творческого потенциала участников, создания высокохудожественных аудиопродуктов, особенно образованные по экстерриториальному признаку, нарастили свою созидательную активность, существенно повысив и качество результатов своей творческой деятельности, что стало следствием как непосредственного профессионального и художественного развития их членов, приобретения ими соответствующих навыков, так и привлечения к созидательному процессу лиц из ближнего социального окружения участников таких сообществ.

Материалы исследования. Деактуализация, в результате снятия коронавирусных ограничений, существования целого ряда дистанционных цифровых сообществ инвалидов по зрению, преимущественно возникших как побочный продукт субстрата (например, спортивного цифрового объединения), повы-

сило ценность в глазах пользователей оставшихся пространственно-цифровых творческих объединений лиц с нарушениями зрительной функции. Примером деактуализированного дистанционного онлайн-сообщества является достаточно известная в среде инвалидов по зрению группа «Творческий теннис», образованная в начале введения коронавирусных ограничений в мессенджере «WhatsApp» и объединившая в себе почти 100 незрячих и слабовидящих участников, проживающих не только на территории России, но и в странах ближнего зарубежья (Беларусь, Латвия, Эстония, Украина, Казахстан).

«Творческий теннис» появился как уменьшенный инвариант международной онлайн-группы незрячих и слабовидящих спортсменов, занимающихся шоу-дауном (теннис слепых), и объединивший часть ее представителей, участвовавших, до введения изоляционных мер, в социокультурных мероприятиях, организуемых учреждениями культуры и МО ВОС в локальных сообществах.

В течение всего срока действия коронавирусных ограничений участники «Творческого тенниса» достаточно активно занимались созданием разнообразных художественных аудиопродуктов, которые, впрочем, не получили широкого распространения в среде незрячих пользователей вследствие игнорирования членами сообщества существующих каналов доставки творческого продукта до адресата. Создаваемые членами группы аудиопроизведения распространялись ими преимущественно через мессенджер «WhatsApp» в ближнем социальном окружении, также относящимся к категории незрячих, проживающих с членом группы в одной локации.

Данная черта присуща и другим аналогичным дистанционным коллективам инвалидов по зрению, созданным в целях реализации индивидуальных потребностей их членов в самореализации и знакомстве с результатами их творчества избранного круга лиц, но не массового распространения художественных результатов, что, однако, не исключает социокультурного реабилитационного

аспекта, как таких групп, так и цифрового пространства и предоставляемых им возможностей в целом.

Снятие ограничений, вновь сделавшее доступным посещение тренировок, репетиций, тренингов, участие в спортивных и культурных мероприятиях, проводимых в очном формате на локальном, региональном и федеральном уровнях, нивелировали смысл существования дистанционных онлайн-сообществ, аналогичных «Творческому теннису», который, в настоящее время, используется участниками преимущественно как вспомогательный коммуникационный канал, но не как коллективное культуротворческое пространство.

Напротив, цифровые дистанционные сообщества, созданные с целью развития и реализации художественного потенциала своих участников, создания и распространения художественных произведений, преимущественно в форме различного вида аудиопостановок, с отменой указанных ограничений не только не сократили, но и активизировали культуро-созидательное направление, вовлекая в процесс создания аудиопродуктов свое ближнее социальное окружение – детей, супругов, друзей, членов МО, в т.ч. и зрячих.

К числу таких дистанционных цифровых коллективов относится и международное творческое объединение «Театральная студия «Премьера», включающая в настоящее время в свой состав 26 инвалидов по зрению из России (22), Республики Беларусь (3) и Украины (1).

Первоначально «Театральная студия «Премьера» была создана в мессенджере «WhatsApp», что было обусловлено высоким уровнем инклюзивности мобильной версии данного приложения для инвалидов по зрению, т.е. наличием полномасштабной функции озвучивания всех осуществляемых в нем операций. Отметим, что высокий уровень инклюзивности данного приложения обусловил его популярность среди незрячих пользователей, позволяя им, в ходе осуществления коммуникативного процесса, обмениваться не только сообщениями, но и тексто-

выми и аудиоматериалами, необходимыми для создания художественных аудиопродуктов. Практически одновременно с регистрацией сообщества в «WhatsApp», страница «Театральной студии «Премьера» появилась и в социальной сети «ВКонтакте», что значительно расширило возможности группы по распространению создаваемых в ней аудиопродуктов [4].

Численность группы в течение первого года своего существования выросла с 16 до 24 участников, а к концу второго года – до 26. Основными критериями отбора в группу стали владение хотя бы одним художественным навыком, который мог быть реализован в дистанционном режиме, а также желание и готовность участвовать в создании аудиопостановок различных жанров.

Достаточно широкая известность данного коллектива и его продуктов в настоящее время, была обусловлена изначально высоким качеством выпускаемых им произведений, что позволило руководству группы расширить спектр каналов распространения своих произведений через включение в их список электронной библиотеки для слепых «AV3715» [5], интернет-радио для слепых «Отрыв» и «НВДА» [3].

С помощью неформализованного полуструктурированного интервью участников сообщества, а также включенного наблюдения, были получены данные о пространственно-географической локализации его членов, их группах инвалидности, имеющихся творческих навыках, а также авторских творческих проектах, реализуемых параллельно с деятельностью в «Театральной студии «Премьера», что позволило определить характеристики данного объединения, обеспечивающие его успешность в сфере культуротворчества.

Основу «Театральной студии «Премьера» составили 14 инвалидов по зрению, преимущественно I гр., отделившихся от другой аналогичной группы «Творческая лаборатория», где их созидательная деятельность подвергалась жесткой регламентации, а предлагаемые инициативы в области создания

новых художественных аудиопродуктов, не получали поддержки. Численный состав «Театральной студии «Премьера» в административно-территориальном разрезе, на момент создания сообщества и в настоящее время, представлен в таблице 1.

Таблица 1. Регионы РФ, Республики Беларусь и Украины, на территории которых проживают участники цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера»

Страна	2021 г.	2023 г.	Изменение	
			абс., чел.	отн.,%
1. Российская Федерация	13	22	+9	+69
г. Москва	1	–	–1	–100
г. Санкт-Петербург	1	3	+2	+200
Белгородская обл.	–	1	+1	+100
Курская обл.	2	2	0	0
Курганская обл.	1	1	0	0
Кемеровская обл.	1	1	0	0
Московская обл.	2	2	0	0
Новосибирская обл.	–	1	+1	+100
Ростовская обл.	1	2	+1	+100
Сахалинская обл.	1	1	0	0
Краснодарский край	–	2	+2	+200
Хабаровский край	1	3	+2	+200
Республика Татарстан	–	1	+1	+100
Республика Осетия	2	2	0	0
2. Республика Беларусь	2	3	+1	+50
Витебская обл.	2	3	+1	+50
3. Украина	1	1	0	0
Закарпатская обл.	1	1	0	0
Всего	16	26	+10	+62,5

Необходимо отметить, что широкие географические рамки дистанционных цифровых сообществ являются их характерной чертой и, в отличие от очных коллективов, локализованных в пределах ограниченного пространства, обычно не мешают социальному взаимодействию своих членов и не влияют на качество создаваемого в них конечного художественного продукта. Данный аспект обусловлен не только отсутствием потребности в групповом слаживании, совместных репетициях и тренингах, необходимых для обеспечения эффективной деятельности локализованных в одном месте творческих коллективов, но и в специфике создания самого художественного аудиопродукта, сводящейся к индивидуальной работе каждого участника сообщества над своей ролью, прописываемой в сценарии.

Технологически, процесс создания аудиопостановки, являющейся результатом деятельности таких сообществ, сводится к следующим этапам:

1) Выбор произведения и написание сценария. Предполагает описание обстановки, внешнего вида, действий и реакций каждого конкретного персонажа. Это необходимо для понимания, как актером, так и слушателем, каждой отдельной ситуации, в которой находится персонаж. Данный процесс можно условно назвать созданием текста тифлокомментария.

2) Выбор автором сценария членов сообщества, которые будут участвовать в данном аудиоспектакле, и предложение им соответствующей роли. На этом этапе определяется совместимость психотипов персонажа и исполнителя роли, способность актера озвучить роль так, как это предполагает сюжет оригинала и прописанные сценаристом индивидуальные особенности героя и нюансы его поведения.

3) Рассылка исполнителям, подтвердившим согласие на участие в постановке, сценария, с установлением сроков сдачи аудиофайлов с записанными ролями.

4) Подбор лицом, которое будет заниматься дальнейшей обработкой ауди-

офайлов и созданием продукта, музыкального фона и звуковых эффектов. Данный этап актуализируется в случае разделения функций сценариста и звукорежиссера между разными участниками группы.

5) Запись исполнителями своих ролей, сохранение, архивация и отправка аудиофайлов сценаристу или звукорежиссеру, если данные функции в конкретной аудиопостановке разделены.

6) Прослушивание звукорежиссером присланных файлов, их обработка (устранение лишних звуков, шумов, пауз) и, в случае необходимости, предложение актеру переписать файл(ы) в случае неустранимости программными средствами дефектов аудиозаписи или интонационного несоответствия аудиофрагмента прописанной ситуации, эмоциям, реакциям персонажа.

7) Сведение и мастеринг всех полученных аудиофайлов персонажей в целостную композицию.

8) Звуковой монтаж композиции, наложение музыкального фона, звуковых эффектов, заставки произведения с обозначением его названия и автора, а также титров, с указанием лиц, принимавших участие в создании художественного аудиопродукта.

Представленный технологический процесс выглядит достаточно сложным, вследствие чего пояснения требуют вопросы относительно состава сообщества в разрезе групп инвалидности (таблица 2), а также определения, в контексте таких групп, количества участников, занимающихся звуковым редактированием, монтажом и режиссурой (таблица 3).

Интерес представляет тот факт, что численность инвалидов I гр. значительно превышает число участников со II гр. При этом необходимо подчеркнуть, что некоторые члены сообщества, имеющие II гр. инвалидности, по критерию сохранности функции зрительного анализатора могут быть смело отнесены к I гр. инвалидов по зрению.

Такое несоответствие состояния зрения человека и присвоенной ему бюро медико-социальной экспертизы группы инвалидности обусловлено действующи-

ми классификациями и критериями, используемыми при освидетельствовании индивида на предмет получения инвалидности. В частности, I гр. инвалидности дается лицам, имеющим четвертую степень (стойкие значительно выраженные) нарушения функций организма человека, ведущих к ограничению третьей степени как минимум одной сферы его жизнедеятельности из семи [6].

Таблица 2. Распределение участников цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера» по группам инвалидности

Группа инвалидности по зрению	2021 г.	2023 г.	Изменение	
			абс., чел.	отн., %
1 группа, в т.ч.	13	22	+9	+69
– без остатка зрительной функции	9	16	+7	+78
– с остатком зрительной функции	4	6	+2	+50
2 группа	3	4	+1	+33
Всего	16	26	+10	+62,5

Итак, мы видим, что при создании сообщества «Театральная студия «Премьера», число участников с I гр. инвалидности по зрению составляло 81,25%, а totally незрячих членов группы – 56,25%. К маю 2023 г., т.е. к двухлетию коллектива, инвалиды I гр. составляли 84,6% всех его участников, а totally незрячие члены – 61,5%.

Из этого следует логический вывод, что инвалиды по зрению I гр., составляющие подавляющее большинство в данном цифровом сообществе, обладают высоким уровнем реабилитированности в вопросе взаимодействия с современными цифровыми технологиями (включая телекоммуникационную информационную сеть «Интернет»), мобильными устройствами, а также специализированными программными продуктами и приложениями. Впрочем, данный факт вовсе не означает наличия у них навыка пространственной ориентиров-

ки идентичного уровня. Так, из 16 totally незрячих инвалидов, являющихся участниками театральной студии, 7 чел. (43,75%) не способны передвигаться в границах района своего проживания без помощи сопровождающего лица. Данный феномен был достаточно подробно исследован целым рядом ученых, специализирующихся на тифлопсихологии и тифлопедагогике [7; 8; 9; 10].

Таблица 3. Численность участников цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера», занимающихся звуковым монтажом и режиссурой, в разрезе групп инвалидности по зрению

Группа инвалидности по зрению	2021 г.	2023 г.	Изменение	
			абс., чел.	отн., %
1 группа, в т.ч.	4	10	+6	+150
– без остатка зрительной функции	3	6	+3	+100
– с остатком зрительной функции	1	4	+3	+300
2 группа	–	1	+1	+100
Всего занимающихся работой со звуком	4	11	+7	+175

Из данных, приведенных в табл. 3, видно, что численность инвалидов, занимающихся в сообществе звуковым редактированием, монтажом и режиссурой, увеличилось на 175% и составило в 2023 г. 11 человек или 42,3% от общей численности сообщества. Причем доля инвалидов I гр. выросла с 25% в 2021 г. до 38,5% в 2023 г., в т.ч. totally незрячих – с 18,75% до 23,1%.

Можно смело констатировать, что в цифровом сообществе «Театральная студия «Премьера» наблюдается положительная динамика, свидетельствующая о качественном социальном реабилитационном и культуротворческом прогрессе инвалидов по зрению, входящих в состав группы, что подтверждается и данными таблиц 4, 5 и 6.

В таблице 4 представлены перечень программных продуктов и численность незрячих и слабовидящих звукорежиссеров, работающих с ними в процессе создания аудиопостановок или записи лирических произведений с наложением музыкального фона.

Таблица 4. Программные продукты, используемые участниками цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера» при работе с аудиофайлами

Группа инвалидности по зрению и используемый программный продукт	2021 г.	2023 г.
1 группа, в т.ч.:	4	10
инвалиды без остатка зрительной функции	3	6
– Sound Forge	3	4
– Adobe Audition	2	5
– AudaCity	1	2
– Cockos Reaper	–	1
– GoldWave	–	1
инвалиды с остатком зрительной функции	1	4
– Sound Forge	–	2
– Adobe Audition	1	3
– WavePad Audio Editor	–	1
2 группа	–	1
– Adobe Audition	–	1

Анализируя данные табл. 4 с профессиональной точки зрения, можно отметить наличие абилитационного аспекта нахождения инвалидов в сообществе «Театральная студия «Премьера». Согласно данным опроса, 45,4% (5 из 11 чел.) звукорежиссеров группы приобрели навыки работы с одним или несколькими звуковыми редакторами только после вхождения в ее состав.

Популярность в среде незрячих и слабовидящих звукорежиссеров программ «Sound Forge» и «Adobe Audition» обусловлена действием нескольких факторов, значимых, с учетом зрительной дисфункции, для инвалидов по зрению:

1) Наличие в свободном доступе видео- и аудиоуроков по работе с ни-

ми, размещенных в видеохостинге Youtube;

2) Наличие у данных приложений возможности полномасштабного взаимодействия с программами экранного доступа «Jaws» и «NWDA», благодаря которым инвалиды по зрению свободно взаимодействуют с различными версиями ОС Windows и большинством компьютерных приложений;

3) Широкие возможности в области работы со звуком и относительная простота данных продуктов.

Меньшая популярность у инвалидов по зрению прочих приложений работы со звуком, таких как AudaCity, GoldWave или WavePad Audio Editor, обусловлена либо их более ограниченным функционалом, либо недостаточным количеством информации, доступно и всесторонне раскрывающей их возможности.

Таблица 5. Профессиональные сферы деятельности официально работающих участников цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера»

Профессиональная сфера деятельности	2021 г.	2023 г.	Изменение	
			абс., чел.	оти., %
Культура	1	4	+3	+300
Образование, в т.ч.	1	3	+2	+200
– высшее	–	1	+1	+100
– дополнительное	1	2	+1	+100
Социальная защита	2	3	+1	+50
Здравоохранение	2	4	+2	+100
Всего	6	14	+8	+133

Участие инвалидов по зрению в дистанционной социокультурной деятельности, не означает снижения их активности в других сферах социальной жизни местных сообществ.

Данные таблицы 5 свидетельствуют, что с ростом численности коллектива, увеличивается и число официально работающих участников, которое

в 2023 г., по сравнению с 2021 г., возросло на 133%.

На момент создания театральной студии, официально работало 37,5% ее участников, а в 2023 г. уже 53,8%, причем большая их часть относится к инвалидам I гр.

Необходимо отметить и достаточно широкий спектр творческих навыков членов «Театральной студии «Премье-

ра», использование которых позволяет группе выпускать высококачественные, востребованные как в среде инвалидов, так и здоровых людей, аудиопродукты, а также принимать активное участие в культурных мероприятиях, организуемых МО ВОС, муниципальными и региональными учреждениями культуры в локальных территориальных сообществах.

Таблица 6. Творческие навыки участников цифрового сообщества «Театральная студия «Премьера»

Творческие навыки	2021 г.	доля уч-ков, %	2023 г.	Доля уч-ков, %	Изменение	
					абс. чел.	отн., %
Всего участников, чел.	16	100	26	100	+10	+62,5
Поэтическое творчество	2	12,5	5	19	+3	+150
Написание сценариев	2	12,5	10	38,5	+8	+400
Владение музыкальными инструментами	3	18,7	7	27	+4	+133
Сольное вокальное мастерство	5	31	12	46	+7	+140
Художественное чтение	8	50	14	54	+6	+75
Театрально-сценическое искусство	1	6,25	2	13	+1	+100
Создание музыкальных произведений	–	–	2	13	+2	+200
Озвучивание ролей (дубляж)	16	100	26	100	+10	+62,5

Данные таблицы 6 свидетельствуют, что рост численности сообщества сопровождается и расширением круга участников, владеющих теми или иными творческими умениями или навыками.

Согласно результатам неформализованного полуструктурированного интервью, проведенного с участниками сообщества, само их вхождение в данную группу мотивирует к приобретению новых творческих умений и навыков, которые в дальнейшем применяются ими не только в рамках «Театральной студии «Премьера», в ходе дистанционной работы над аудиопродуктами, но и в очных культурных мероприятиях, проводимых как в местах их проживания, так и на более высоком, региональном или федеральном уровне.

Так, опыт дистанционной работы по озвучиванию персонажей и художественному чтению отсутствовал у 8 из 10 участников, вошедших в состав

театральной студии в течение 2022 г. Напротив, такие навыки, как написание лирических произведений, музыки, сольное пение, владение музыкальными инструментами присутствовали у членов сообщества еще до вхождения в него, что позволило «Театральной студии «Премьера» существенно расширить тематический диапазон выпускаемых им аудиопродуктов и разнообразить их культурно-содержательный контекст.

В настоящее время у «Театральной студии «Премьера» имеется 129 художественных аудиопродуктов, в числе которых:

1) 4 больших аудиоспектакля, поставленных по работам классиков отечественной литературы: «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» (А.С. Пушкин) – единственная в настоящий момент аудиопостановка, озвученная по ролям; «Майская ночь или утопленница» (Н.В. Гоголь); «Воспитан-

ница» (А.Н. Островский); «Женитьба» (Н.В. Гоголь);

2) 83 рассказа и сказки для детей и взрослых;

3) 3 авторских проекта, включающих 17 выпусков: «По жизни с музыкой» (9), «День металлиста» (4), «Сказка ложь, да в ней намек...» (4);

4) 32 тематических сборника, посвященных знаменательным и памятным датам (Международный день поэзии, День матери, День семьи, любви и верности, День начала ВОВ и пр.), праздникам (Новый год, День защитника отечества, Международный женский день «8 марта», День знаний и пр.) и дням рождений известных писателей и поэтов (Н.А. Некрасов, С.Я. Маршак, Э.Н. Успенский и др.) [3].

Завершается работа над пятью крупными аудиопостановками, в которых активное участие, кроме членов «Театральной студии «Премьера», принимают дети и взрослые без ОВЗ. Так, в ближайшее время незрячими и слабовидящими звукорежиссерами коллектива планируется выпустить аудиоспектакли «Ромео и Джульетта» (У. Шекспир), «Убийство в «Восточном экспрессе» (А. Кристи), «Правдивая история первого полета человека в космос» (А.А. Тринадцатко), аудиосказку «Конек-горбунок» (П.П. Ершов), поэму «Зоя» (М.А. Алигер).

Заключение. Опираясь на результаты проведенного исследования, можно констатировать, что в результате снятия ограничений, введенных с целью противодействия распространению новой коронавирусной инфекцией COVID-19, количество дистанционных сообществ инвалидов по зрению в современном цифровом пространстве сократилось. Уменьшение количества таких групп произошло, преимущественно, за счет сообществ, возникших как дистанционный цифровой инвариант очных тематических объединений с целью замещения принудительно ограниченных непосредственных социальных контактов их участников редуцированной дистанционной формой. Социокультурная активность членов таких сообществ, выражающаяся, в т.ч. в создании художествен-

ных продуктов, обычно ограничивалась рамками самих сообществ, не ставивших целью транслирование результатов творческой деятельности своих участников.

Цифровые сообщества, созданные по тематическим интересам, участники которых были заинтересованы в продолжении художественно-созидательного процесса, личностной самореализации посредством участия в создании авторских аудиовариантов прозаических и лирических произведений, продолжили свое функционирование и после отмены ограничительных мероприятий. Примером таких дистанционных творческих групп могут служить цифровые сообщества «Творческая лаборатория», «Браво! Бис!» или «Театральная студия «Премьера». Отказ государства от мер принудительной социальной эксклюзии различных социальных групп, обусловивший восстановление уровня социальной мобильности лиц с нарушениями зрения и возврат к наработанным практикам их интеграции в доступные им сферы социальной жизни (культура, спорт, общественная деятельность и пр.), не оказал деструктивного влияния на эффективность функционирования таких коллективов. Напротив, такие дистанционные цифровые сообщества получили возможность расширить каналы распространения результатов своей творческой деятельности, а также вовлечь в созидательный процесс здоровых представителей социума разных возрастных и профессиональных групп.

Анализ практических аспектов культуротворческой деятельности «Театральной студии «Премьера» позволяет сделать ряд выводов:

1) Получение дистанционного созидательного опыта участниками коллектива, приобретение ими новых и развитие имеющихся творческих навыков, привело к повышению качества создаваемых сообществом художественных аудиопродуктов;

2) Расширилась жанровая составляющая художественных произведений, выпускаемых сообществом;

3) У участников сообщества появились собственные сторонние творческие проекты, в которые стали вовлекаться не только члены группы, но и другие лица с ОВЗ, в т.ч. дети-инвалиды, для которых такая деятельность выступает, прежде всего, инструментом социокультурной реабилитации, а также здоровые индивиды, как входящие, так и не входящие в локализованное социальное окружение инициатора проекта [11].

Литература

1. Тринадцатко А.А. Театрально-сценическое искусство как инструмент повышения социальной активности инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Социодинамика. – 2021. – № 4. – С. 1–21. DOI: 10.25136/2409–7144.2021.4.35415.
2. Пяткина Е.С. Реабилитационный потенциал арт-терапевтических технологий в работе с лицами с ограниченными возможностями здоровья / Е.С. Пяткина, Е.С. Гринина // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 19–22.
3. Тринадцатко А.А. Современное цифровое пространство как среда социокультурной реабилитации инвалидов по зрению / А.А. Тринадцатко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 5. – С. 83–89. – DOI 10.23672/q2493–8356–8853-g.
4. Вконтакте: Театральная студия «Премьера» [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/tspremiere> (дата обращения: 26.04.2023).
5. AV3715: Электронная онлайн-библиотека ИПТК «Логос» [Электронный ресурс]. – URL: <http://av3715.ru/library/search.php> (дата обращения: 26.04.2023).
6. Гарант.ру: Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (дата обращения: 24.04.2023).
7. Севастьянов М.А. Анализ потребности инвалидов по зрению в социально-реабилитационных услугах и технических средствах реабилитации по данным медико-социологического исследования / М.А. Севастьянов, И.А. Божков, В.С. Лучкевич [и др.] // Офтальмология. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 408–414. – DOI 10.18008/1816–5095–2019–3–408–414.
8. Никулина Г.В. Особенности взаимодействия инвалидов по зрению с предметно-пространственной средой мегаполиса / Г.В. Никулина, О.С. Радцевич // Вестник психофизиологии. – 2018. – № 4. – С. 65–69.
9. Корчажкина Н.Б. Заболевания органа зрения / Н.Б. Корчажкина, А.В. Шошмин, Е.М. Старобина [и др.] // Реабилитация инвалидов: национальное руководство / под редакцией Г.Н. Пономаренко. – М.: ООО «ГЭОТАР-Медиа», 2018. – С. 638–652.
10. Быков А.А. Социально-психологическая реабилитация инвалидов по зрению (преодоление посттравматического синдрома у недавно ослепших) / А.А. Быков; под ред. С.Н. Ваньшина, О.В. Сергеевой. – М.: ИПТК «Логос» ВОС, 2004. – 48 с.
11. Legion Home Studio: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://homestudiohls.ru/> (дата обращения: 26.04.2023).

DIGITAL REMOTE COMMUNITIES OF BLIND AND VISUALLY IMPAIRED PEOPLE AS AN ENVIRONMENT FOR THE REALIZATION OF THEIR SOCIOCULTURAL POTENTIAL

Trinadtsatko A.A.
Pacific National University

After the abolition of coronavirus restrictions in 2022, the modern digital environment has retained its relevance for people with visual impairments as a space for their sociocultural rehabilitation and the realization of their artistic potential. The article, based on the results of a

sociological study, analyzes the creative activity of digital communities of the visually impaired on the example of the Premiere Theater Studio. It is noted that the digital environment and the opportunities it provides, in fact, being a reduced form of full-time sociocultural activity of blind and visually impaired people, act as a space for creative self-realization for them, acts as a motivator to increase the level of their socio-cultural rehabilitation, and is also an inclusive communicative tool for their integration into the collective artistic and creative process.

Keywords: disabled people with visual impairments, digital space, digital community, socio-cultural rehabilitation, social activity, artistic and creative activity, artistic result, audio production, audio performance.

References

1. Trinadtsatko A.A. Theater and stage arts as a tool for increasing the social activity of visual disabled / A.A. Trinadtsatko // *sociodynamics*. – 2021. – № 4. – P. 1–21. DOI: 10.25136/2409–7144.2021.4.35415.
2. Pyatkina E.S. Rehabilitation potential of art therapy technologies in work with persons with disabilities / E.S. Pyatkina, E.S. Grina // *Successes of modern science and education*. – 2017. – V. 6. – № 2. – P. 19–22.
3. Trinadtsatko A.A. Modern digital space as an environment for socio-cultural rehabilitation of the visually impaired / A.A. Trinadtsatko // *Humanities, socio-economic and public sciences*. – 2022. – № 5. – P. 83–89. – DOI 10.23672/q2493–8356–8853-g.
4. Vkontakte: Premiere Theater Studio [Electronic resource]. – URL: <https://vk.com/tspremera> (date of the application: 26.04.2023).
5. AV3715: Electronic online library IPTK «Logos» [Electronic resource]. – URL: <http://av3715.ru/library/search.php> (date of the application: 26.04.2023).
6. Garant.ru: Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of August 27, 2019 № 585n «On the classifications and criteria used in the implementation of medical and social examination of citizens by federal state institutions of medical and social examination» [Electronic resource]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72921006/> (date of the application: 24.04.2023).
7. Sevastyanov M.A. Analysis of the needs of visually impaired people in social rehabilitation services and technical means of rehabilitation according to the data of a medical and sociological study / M.A. Sevastyanov, I.A. Bozhkov, V.S. Luchkevich [and others] // *Ophthalmology*. – 2019. – V. 16. – № 3. – P. 408–414. – DOI 10.18008/1816–5095–2019–3–408–414.
8. Nikulina G.V. Features of the interaction of the visually impaired with the subject-spatial environment of the metropolis / G.V. Nikulina, O.S. Radtsevich // *Bulletin of Psychophysiology*. – 2018. – № 4. – P. 65–69.
9. Korchazhkina N.B. Diseases of the organ of vision / N.B. Korchazhkina, A.V. Shoshmin, E.M. Starobina [and others] // *Rehabilitation of disabled people: national leadership* / edited by G.N. Ponomarenko. – M.: GEOTAR-Media LLC, 2018. – P. 638–652.
10. Bykov A.A. Socio-psychological rehabilitation of visually impaired people (overcoming post-traumatic syndrome in recently blind people) / A.A. Bykov; ed. S.N. Vanshin, O.V. Sergeeva. – M.: IPTK «Logos» VOS, 2004. – 48 p.
11. Legion Home Studio: official site [Electronic resource]. – URL: <https://homestudiolhs.ru/> (date of the application: 26.04.2023).

Особенности влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность личности

Шукшина Людмила Викторовна,

профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, д. филос. н., Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова)
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Пожарская Елена Леонидовна,

доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, к. э. н., Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова)
E-mail: gerashenkol79@mail.ru

Когай Изольда Александровна,

студент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова)
E-mail: anthropophob@inbox.ru

Эйфир Маргарита Михайловна,

студент, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова)
E-mail: eyfir2001@mail.ru

Цифровые технологии проникли во все сферы экономической жизни, не обошли стороной они и рынок труда. Внедрение цифровых технологий на рынке труда имеют свои как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, способствуют росту производительности труда, с другой, оказывают значительное воздействие на формирование рабочих мест и занятость населения. В статье освещаются результаты исследования влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность личности, дана характеристика цифровой трансформации современного российского общества, а также описан характер влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность молодых специалистов. Представлены результаты эмпирического исследования по изучению влияния цифровой трансформации на психологическое состояние человека, влияния стиля реагирования на изменения, и профессиональную востребованность личности.

Результаты исследования могут быть использованы для проектирования стратегий развития человеческих ресурсов в организации, а также для корректировки отдельных задач и показателей, предусмотренных национальными проектами на период до 2030 года.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровые навыки, профессиональная востребованность, спрос на навыки и профессии.

Внимание отечественных и зарубежных ученых к перспективным проблемам развития рынка труда в последние годы вызвано объективными изменениями, происходящими в содержании труда, формах занятости, структуре спроса на навыки под влиянием технико-технологических факторов, прежде всего ускорения процессов цифровизации экономики и общества.

В условиях динамичной трансформации сферы труда для обеспечения социальной стабильности и роста благосостояния населения в рамках концепции инклюзивного экономического роста необходима разработка инновационных подходов к государственному управлению занятостью и человеческим развитием, в том числе профессиональным.

Исследования различных аспектов влияния цифровизации на глобальную и национальную экономику и рынок труда нашли в последние годы отражение в широком спектре научных публикаций отечественных и зарубежных авторов. Так, Э. В. Басаев, Н. В. Алексеева и А. А. Сазонов рассматривают глобальные тенденции и процессы трансформации российской экономики [1, 5].

Выявлению востребованных профессий посвящены работы А. Н. Русиной, О. В. Карпычевой, И. В. Филимоненко, И. С. Степуть и С. В. Шабаевой. В основном востребованные профессии и профессии будущего рассматриваются авторами локально с точки зрения территориального признака или конкретного наименования профессии [4].

Для того, чтобы определить, какое влияние цифровая трансформация оказывает на востребованность личности было проведено эмпирическое исследование.

Выборка исследования составила 56 испытуемых: 22 мужчин и 34 женщины в возрасте от 23 до 29 лет.

Эмпирическое исследование проводилось на базе теста «Стили реаги-

рования на изменения» Т.Ю. Базарова, М.П. Сычевой, опросника «Профессиональная востребованность личности» Е.В. Харитоновой, А.Б. Ясько и авторского опросника «Изучение влияния цифровой трансформации на психологическое состояние».

При получении данных тестирования, был проведен анализ стилей реагирования на изменения, а также подсчитывался общий уровень профессиональной востребованности личности.

Проведение теста и опроса осуществлялось on-line при помощи сервиса Google-Forms. Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась в программе MS Excel.

На первом этапе эмпирического исследования нами был проведен анализ авторского опросника «Изучение влияния цифровой трансформации на психологическое состояние».

Имеют представление о цифровой трансформации абсолютное большинство респондентов – 55,2%. На вопрос: «как часто Вы сталкиваетесь с цифровыми трансформациями в жизни 44,8% ответило «иногда», 37,9% – часто, 17,2% – редко. Примечательно, что не было отмечено ни одного респондента, не столкнувшегося с цифровыми трансформациями. Респонденты определяют цифровую трансформацию как понятие включающее в себя: изменение самого человека под влиянием технологий, внедрение технологий в различные сферы жизни человека, упрощение работы цифровых технологий, любые изменения, происходящие из-за технологического прогресса. 55,2% опрошенных утверждает, что они и их знакомые столкнулись с цифровыми трансформациями управленческих процессов.

Так же респонденты отметили (более 70%), что им приятно мысль о том, что цифровые технологии помогут оптимизировать рабочие/учебные процессы. Освоение цифровых технологий угнетает лишь 24,1%, более 65% относятся нейтрально, около 10% затрудняются ответить. Справляются с освоением цифровых технологий более 80% опрошенных, остальные затрудняются ответить.

Новые цифровые трансформации рабочего (учебного) процесса разочаровывают 27,6% опрошенных, 27,6% – затрудняются ответить, 44,8% – совершенно не разочарованы. 80% респондентов считают, что цифровые технологии способствуют развитию общества. Более половины опрошенных активно стараются разобраться и внедрить в рабочий (учебный) процесс новые цифровые технологии.

Цифровые трансформации негативно повлияли на здоровье 24,1% опрошенных, 58,6% не ощущают изменений, 17,2% затрудняются ответить. 41,4% опрошенных согласны с утверждением, что с утверждением, что цифровые технологии уменьшают вероятность ошибок в работе (учебе), 31% затрудняется ответить. Более 70% респондентов отмечают, что цифровые трансформации позволили снять с себя лишнюю рабочую (учебную) нагрузку, а также более 65% респондентов считают, что освоение цифровых технологий позволит им продвинуться по карьерной лестнице.

В ходе первичного анализа стилей реагирования молодых специалистов на изменения (Рисунок 1) было установлено, что для большинства опрошенных наиболее выражен консервативный стиль реагирования на ситуации изменений. Опрошенные предпочитают стабильность, при введении новых правил достаточно долго предпочитают придерживаться старых порядков и правил. Тем не менее стоит отметить, что согласно полученным данным молодые специалисты в равной степени так же предпочитают реактивный и реализующий стиль реагирования на изменения. Это проявляется в яркой, эмоциональной реакции на изменения, открытом сопротивлении, но в случае, если в изменениях проявляется объективная необходимость или личная выгода, то такие люди могут с готовностью принять такие перемены или стать их инициатором [2].

В ходе анализа профессиональной востребованности личности (Рисунок 2) было установлено, что для молодых специалистов характерны низкие по-

казатели по методике. При детальном рассмотрении шкал методики, у молодых специалистов отмечается ощущение неудовлетворённости своим профессиональным опытом, отсутствие дифференциации себя, как члена профессионального сообщества, неуверенность в возможности применения профессиональных навыков на практике, отсутствием уверенности в свободном вла-

дении умениями и навыками, которые могли бы помочь в профессиональной деятельности. Отмечается так же переживания по поводу возможного изменения профессионального статуса, сомнения в правильности выполнения осуществляемой деятельности, отсутствие уверенности в своей авторитетности, как профессионала, самоуважения в профессиональной деятельности.

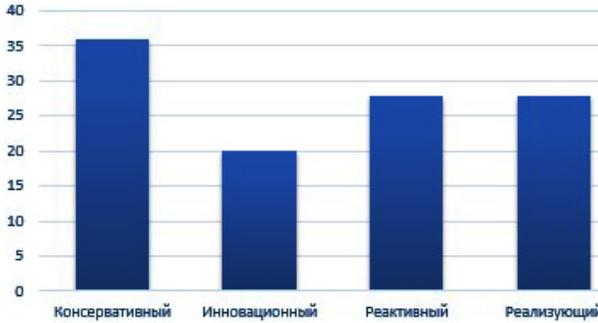

Рис. 1. Стили реагирования на изменения

Рассматривая общий уровень самоуважения, стоит отметить, что для респондентов свойственно ощущать неудовлетворенность степенью реализации профессионального потенциала, недифференцированное представление о себе как представителе определенного профессионального сообщества. Они склонны болезненно переживать свою профессиональную невостребован-

ность, в том числе ненужность результатов своей деятельности для других, обесценивая при этом и свою профессиональную деятельность, и ее результаты. Для них характерно ожидание негативного отношения к себе как профессионалу со стороны других людей и негативное самоотношение, обусловленное незначимостью результатов их профессиональной деятельности для близких.

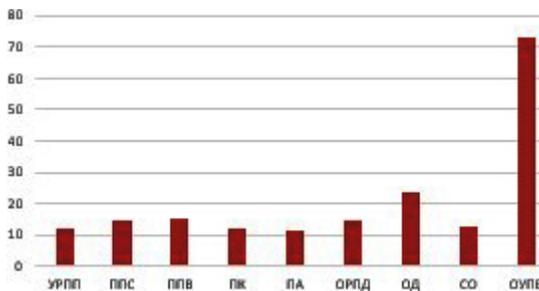

Рис. 2. Средние значения шкал методики «Профессиональной востребованности личности»

На втором этапе исследования респондентам была предложена авторская методика, состоящая из 21 вопроса. В ходе анализа полученных результатов стоит отметить, что респонденты

в целом позитивно относятся к цифровой трансформацией. Более половины опрошенных на вопрос «Я вполне справляюсь с освоением цифровых программ» ответили положительно. Так же

на вопросы методики «На мой взгляд, внедрение цифровых технологий в рабочее (учебное) пространство необходимо» и «Освоение цифровых технологий позволит мне продвинуться по карьерной лестнице» был получен положительный ответ.

В результате исследования было выявлено, что у некоторых опрошенных можно наблюдать тревожность, стрессовое состояние, состояние эмоционального выгорания и другие психоэмоциональные состояния, которые нуждаются в коррекции [2].

Длительное воздействие стресса, подвергает мозг повышенному воздействию уровня гормона кортизол. Это воздействие ослабляет иммунную систему, из-за чего становится легче заболеть.

Стресс может способствовать ухудшению симптомов психологического состояния. Знание того, какие ситуации вызывают это, является первым шагом к тому, чтобы справиться с этим очень распространенным опытом. На такие состояния сотрудников следует обращать внимание, так как это сказывается на эффективности работы. Для проработки таких состояний можно обратиться к методам оптимизации психического состояния [3].

Кроме этого, важно создать такое рабочее пространство, с хорошим социально-психологическим климатом, в котором сотрудники будут чувствовать себя комфортно и хорошо. [6] Здоровое рабочее место – это место, где сотрудники преуспевают в своих рабочих проектах и чувствуют себя удовлетворенными, оставаясь при этом физически и психически здоровыми. Они продуктивны и чувствуют поддержку, что приводит к сокращению прогулов, болезней, конфликтов и, в конечном итоге, текучести кадров.

Помимо этого, работодателю можно спланировать общественные мероприятия (тимбилдинги), направленные на снижение общественного напряжения и поднятия коллективного духа. Это мероприятие должно носить тренинговый характер и как можно больше отвлечь

сотрудников от монотонной и напряженной работы. [3]

Командообразующие мероприятия помогают компании улучшить свою культуру. Когда сотрудники общаются и сотрудничают, это повышает их производительность, помогает разрешать конфликты и повышает уважение друг к другу. Помимо перечисленных выше рекомендаций, важно учитывать рекомендации по борьбе с тревожностью. Чтобы понимать, как и когда нужно прибегнуть к коррекции уровня тревожности, нужно знать о её проявлениях, которые могут быть физическими, психическими и поведенческими.

Подводя итог исследованию, нами было проведено теоретическое исследование стилей реагирования на изменения, особенностей тревожности и профессиональной востребованности личности, а также проведено эмпирическое исследование особенностей влияния цифровой трансформации на профессиональную востребованность личности. Проведенный анализ позволил составить свод рекомендаций для улучшения психоэмоционального состояния работников в условиях цифровизации.

Литература

1. Алексеева Н.В., Сазонов А.А. Анализ степени влияния цифровой экономики на формирование основных трендов на рынке труда и социально-трудовых отношений в Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. – 2019. – No 2. – с. 28–36.
2. Пожарская Е.Л., Камнева Е.В., Мочалов Е.В., Елдин М.А. Профилактика «Эмоционального выгорания» как средство сохранения здоровья преподавателей. Теория и практика физической культуры. 2017. № 9. С. 51–53.
3. Пожарская Е.Л., Овсяник О.А., Бережная М.С., Васякин Б.С. Социально-психологический тренинг как метод современных здоровьесберегающих психотехнологий. Современный ученый. 2017. № 3. С. 81–84.

4. Килин А.Б. Шахтер – профессия будущего // Уголь. – 2019. – № 8(1121). – с. 28–32. – doi: 10.18796/0041–5790–2019–8–28–32.
5. Кулебаев К.Ю., Глотов Д.С. Какие профессии исчезнут в ближайшее время? // Вестник науки и образования. – 2020. – № 4–1(82). – с. 95–97.
6. Пожарская Е.Л., Шукшина Л.В., Дебердеева Н.А. Межличностные отношения и социально-психологический климат в трудовом коллективе. Проблемы теории и практики управления. 2020. № 11. С. 216–225.

FEATURES OF THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE PROFESSIONAL RELEVANCE OF THE INDIVIDUAL

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Kogai I.A., Eyfir M.M.
Plekhanov Russian University of Economics (Moscow)

Digital technologies have penetrated into all spheres of economic life, and they have not bypassed the labor market. The introduction of digital technologies in the labor market has both positive and negative consequences. On the one hand, they contribute to the growth of labor productivity, on the other hand, they have a significant impact on the formation of jobs and employment of the population. The article highlights the results of the study of the impact of digital transformation on the professional relevance of the individual, describes the characteristics of the digital transformation of modern Russian society, and describes the nature of the impact of digital transformation on the professional relevance of young professionals. The results of an empirical study on the influence of digital transformation on the psychological state of a person, the influence of the style of responding to

changes, and the professional relevance of the individual are presented.

The results of the study can be used to design strategies for the development of human resources in the organization, as well as to adjust individual tasks and indicators provided for by national projects for the period up to 2030.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital skills, professional relevance, demand for skills and professions.

References

1. Alekseeva N.V., Sazonov A.A. Analysis of the degree of influence of the digital economy on the formation of the main trends in the labor market and social and labor relations in the Russian Federation. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Economy. – 2019. – No 2. – с. 28–36.
2. Pozharskaya E.L., Kamneva E.V., Mochalov E.V., Eldin M.A. Prevention of “Emotional burnout” as a means of maintaining the health of teachers. Theory and practice of physical culture. 2017. No. 9. S. 51–53.
3. Pozharskaya E.L., Ovsyanik O.A., Berezhnaya M.S., Vasyakin B.S. Socio-psychological training as a method of modern health-saving psychotechnologies. Modern scientist. 2017. No. 3. S. 81–84.
4. Kilin A.B. Miner – the profession of the future // Coal. – 2019. – No. 8 (1121). – с. 28–32. – doi: 10.18796/0041–5790–2019–8–28–32.
5. Kulebaev K. Yu., Glotov D.S. What professions will disappear in the near future? // Bulletin of science and education. – 2020. – No 4–1(82). – с. 95–97.
6. Pozharskaya E.L., Shukshina L.V., Deberdeeva N.A. Interpersonal relations and socio-psychological climate in the workforce. Problems of theory and practice of management. 2020. No. 11. S. 216–225.

Особенности профессиональной социализации специалистов ГПС МЧС России при обучении в магистратуре

Яковлева Ольга Ивановна,

аспирант, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
E-mail: Olga200663@gmail.com

Статья посвящена роли магистратуры в профессиональной социализации в областях, связанных с высоким риском, а именно – в сфере пожарной охраны. Профессиональная социализация включает не только овладение специальными знаниями и навыками, но и формирование личных качеств, социального и эмоционального интеллекта, норм, моделей поведения, социальной идентичности, необходимых для успешного выполнения профессиональной роли. На материале двух социологических исследований, проведенных среди обучающихся, экспертов и руководителей профильных магистерских программ, выявлено, что несмотря на успешное формирование профессиональной идентичности и высокую степень психологической готовности к роли, обучение в магистратуре имеет ограниченную эффективность в плане развития уникальных компетенций, необходимых для решения сложных профессиональных задач, а также углубленного понимания сущности профессионализма. В целом место магистратуры в системе профессиональной социализации остается не до конца определенным, и во многом связанным с решением несвойственных ей функций восполнения дефицита знаний и навыков, полученных ранее, а также соответствия претендентов на начальствующие должности формальным требованиям к наличию профильного образования.

Ключевые слова: профессиональная социализация, пожарная охрана, ГПС МЧС России, магистратура.

Введение

В широком смысле, профессиональная социализация – это совокупность процессов, в ходе которых новичок становится профессионалом, человеком, который не просто обладает некоторыми знаниями и навыками, необходимыми для определенного вида деятельности, но владеет всей совокупностью качеств, представлений, норм и моделей поведения, которые делают его носителем профессиональной роли и обеспечивают воспроизводство соответствующего института [1–3]. В сложной и дифференцированной экономике основным агентом профессиональной социализации является система профессионального образования. Общеизвестно, что ее основной задачей является формирование профессиональных знаний и навыков. Однако вопрос о том, в какой мере она может и должна обеспечивать профессиональную социализацию, остается открытым.

Для разных сфер деятельности различные составляющие профессионализма могут играть неодинаковую роль. В частности, считается, что в областях, связанных с повышенным профессиональным риском, такие составляющие профессионализма как профессиональная идентичность, личностные и психологические качества, физическая готовность, социальный или эмоциональный интеллект могут иметь не меньшее, а, возможно, и большее значение, чем специальные знания и навыки. Это в полной мере справедливо для системы пожарной охраны, в которой сущность профессионализма выходит далеко за пределы владения специальными знаниями и навыками [4–6].

В статье исследуется вопрос о том, в какой мере система высшего образования в сфере пожарной охраны, а в особенности уровень магистратуры, соз-

дает условия для профессиональной социализации обучающихся. Высшее образование обеспечивает концентрацию и систематическое освоение знаний и навыков, составляющих ядро профессии, и при этом предоставляет широкие возможности для усвоения других элементов профессионализма, таких как формирование идентичности и понимание особенностей будущей роли. Однако магистратура занимает в этой системе особое место. С одной стороны, она направлена на еще более высокий уровень интеграции в профессию. С другой – само поступление в магистратуру является осознанным повторным выбором, свидетельствующим о высоком уровне профессиональной социализации. С третьей стороны, магистратура остается новым для российской системы уровнем образования, отношение к которому среди профессионалов является неоднозначным [7]. В статье приводятся результаты двух исследований, проведенных автором в 2021–2022 гг. среди магистрантов и руководителей магистерских программ «Техносферная безопасность» и «Государственное и муниципальное управление» в ведущих профильных вузах Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ. Результаты позволили оценить возможности и проблемы магистратуры как института профессиональной социализации в сфере пожарной охраны.

Условия профессиональной социализации в магистратуре: взгляд обучающихся

Серия полуструктурированных интервью, проведенных среди обучающихся по магистерским программам (N=15), позволила оценить не только их место в системе подготовки профессионалов пожарной охраны, но и достаточность предшествующих уровней образования. Несмотря на то, что все информанты имеют базовое профильное образование, полностью готовыми к выполнению профессиональных обязанностей после его получения считают себя лишь 45%. Это согласуется с результатами других исследований, проведенных среди как курсантов вузов

ГПС МЧС России, так и среди экспертов [8]. Наиболее проблемными областями сами обучающиеся назвали практические и коммуникативные навыки. И если нехватка практических навыков, получаемых в ходе получения базового образования, широко признается всеми сторонами образовательного процесса, то дефицит «мягких» навыков, таких как способность к самоорганизации и работе в команде, становится очевидным только для людей, уже получивших опыт профессиональной деятельности и получающих более адекватное понимание о сущности профессиональной роли. Это также подтверждает важность «мягких» навыков в структуре профессионализма в пожарной охране, – важность, которая не всегда в достаточной мере осознается и эксплицируется даже в самой профессиональной среде.

Поступление в магистратуру само по себе является стратегическим решением, которое принимает человек, уже имеющий представление о выбранной сфере деятельности. Одно из главных преимуществ двухуровневой системы высшего образования – возможность переосмыслить сделанный однажды выбор профессии и скорректировать траекторию профессионального развития. Поступление в профильную магистратуру поэтому свидетельствует о позитивных установках в отношении работы в системе ГПС. Однако за этим выбором могут стоять различные мотивы, как рационально-прагматические, так и социально-профессиональные.

Результаты интервью показывают, что для обучающихся в магистратуре характерно сочетание двух типов мотивов. С одной стороны, мотив профессионального развития является безусловно доминирующим и имеющим самостоятельную ценность. Абсолютное большинство информантов рассматривают магистратуру как способ повысить свой профессиональный уровень и восполнить дефицит знаний и навыков. Важно отметить, что профессионализм в данном случае рассматривается как самостоятельная ценность и цель обучения. Однако приблизительно в половине

случаев профессионализм играет в том числе и инструментальную роль, выступая средством карьерного продвижения. Элементы стратегического поведения присутствуют и при оценке своих будущих перспектив в системе ГПС. Несмотря на то, все информанты настроены работать в системе пожарной охраны, а некоторые имеют очень четкую и подробную картину будущего карьерного роста, около половины опрошенных заявили о готовности пересмотреть свою позицию относительно дальнейшей службы, если работа в профессии не будет соответствовать их ожиданиям.

Ответы обучающихся позволили также оценить собственно магистерские программы и их роль в профессиональной социализации. Эту роль можно рассматривать с трех сторон: профессионального развития, понимания профессиональной роли и собственной готовности к ней. Оценивая качество и уровень профессиональной подготовки (узкопрофессионального аспекта социализации) в магистратуре, в качестве главной проблемы информанты назвали их недостаточность для формирования способности решать практические профессиональные задачи. Иными словами, проблема недостаточности практических навыков, формируемых на базовом уровне образования, не только не решается в магистратуре, но и обретает некоторые новые черты. Конкретные проявления дефицита практических знаний и навыков заключаются в следующем:

Во-первых, получаемые знания недостаточно контекстуализированы. Многие информанты отмечали, что ценность получаемых знаний была бы выше, если бы они лучше понимали, какие знания и навыки им действительно понадобятся в будущей служебной деятельности.

Во-вторых, получаемые знания и навыки направлены на решение типовых, стандартных задач. Однако решение более сложных проблемных ситуаций, возникающих в реальной жизни, требует более сложных организационно-управленческих навыков. Смысл магистратуры заключается именно в том, чтобы сформировать компетенции, свя-

занные не с базовыми профессиональными ситуациями, а более сложными и комплексными. Современная магистратура не в полной мере решает эту задачу. Более половины информантов выразили неудовлетворенность полученными в магистратуре управленческими навыками.

Особое место в магистратуре занимает научная работа. Это главное отличие второго уровня образования, позволяющая получить первый опыт постановки и решения научно-исследовательских задач. Такой опыт выходит за рамки выполнения рутинных служебных обязанностей и потенциально способен научить человека более рефлексивно и критично относиться к содержанию профессиональной деятельности и факторам ее успешности. Проведенные интервью показали, что потенциал научной работы пока используется не в полной мере. Хотя некоторые информанты отметили вклад научной работы в понимание сложности профессии и систематизации знания, большинство не смогло оценить ее роль в собственном профессиональном развитии.

Второй аспект профессиональной социализации в магистратуре связан с пониманием профессиональной роли. В целом, обучение в магистратуре не приводит к существенным изменениям в понимании сущности профессии и профессиональной роли. Абсолютное большинство также не изменило своих представлений о вопросах профессиональной этики и взаимоотношений в коллективе. Отчасти это связано с тем, что большинство обучающихся уже имеет личный опыт профессиональной работы. Тем не менее, отсутствие «добавленной стоимости» обучения в профильной магистратуре в плане понимания сущности профессии следует считать недостатком данного института.

Третий аспект касается психологической готовности к служебной деятельности, без которой невозможен профессионализм. Несмотря на то, что многие информанты указывают на недостаточность тех или иных знаний и навыков, это не сказывается на их уверенности в спо-

способности выполнять служебные обязанности. Обучение в магистратуре привело к росту уверенности в собственной квалификации и способности занимать профессиональные должности. При этом около половины информантов заявляют о готовности к руководящей работе любого уровня.

Суммируя, можно сделать вывод, что обучение в магистратуре лишь частично решает проблему компенсации недостатков базового образования и отчасти разделяет проблемы последнего. Сохраняющиеся проблемы недостаточности практических и управленческих навыков, а также отсутствие значимого прогресса в понимании профессиональной специфики могут свидетельствовать о том, что сам институт профильной магистратуры в системе ГПС пока недостаточно отражает потребности профессиональной социализации обучающихся и его потенциал реализован не в полной мере.

Проблемы магистратуры в сфере пожарной охраны: взгляд экспертов

Представление о том, что место и роль магистратуры в системе профессиональной социализации специалистов пожарной охраны остается недостаточно определенным, подтвердилось и в ходе интервью с экспертами и руководителями профильных программ в Академии ГПС МЧС России (г. Москва) и Санкт-Петербургского университета ГПС. С позиции организаторов и руководителей образовательных программ, главная институциональная сложность подготовки магистерских программ заключается в том, что в отличие от западных университетов двухуровневая система в России продолжает соседствовать с традиционной моделью высшего профессионального образования. Для пожарной охраны эта особенность также актуальна, потому что профильные вузы продолжают вести образование по программам бакалавриата, специалитета и магистратуры, что усложняет проблему поиска адекватного «разделения труда» между ними и особенно определения места магистратуры.

Важной институциональной чертой, во-многом предопределяющей место ма-

гистратуры, являются формальные требования к занятиям руководящих должностей в системе ГПС – как и во всех госструктурах. Формальное требование наличия профильного образования для занятия таких должностей становится препятствием для карьерного роста работников МЧС, которые оканчивали специалитет, по формальным критериям не отвечающий требованию профильности. В этих условиях магистратура становится наиболее очевидным способом преодоления этих ограничений. Информанты признают наличие такого рода институционального давления, заставляющего сотрудников поступать в магистратуру для получения профильного образования, – независимо от их фактического уровня профессионализма. Тем самым за магистратурой закрепляется несвойственная этому институту роль своего рода компенсаторного механизма, призванного восполнить недостатки формально-бюрократической модели рекрутинга и карьерного продвижения в системе противопожарной службы. Это подрывает возможности магистратуры решать более свойственные ей задачи повышения профессионального уровня, овладения опытом научно-исследовательской работы, формирования способности решения сложных и уникальных профессиональных задач.

Формальные требования также задают важные особенности содержания профессиональной социализации в магистратуре. Как и для всего высшего образования, основополагающее значение играют федеральные образовательные стандарты, имеющие статус закона. Все информанты ссылаются на них как на главный источник содержательных требований к уровню профессиональной социализации обучающихся, однако из ответов можно заключить, что эти требования воспринимаются как во-многом гетерономные по отношению к профессии. Иными словами, они не столько вытекают из требований самой профессии, рационально и рефлексивно осмысленных, сколько являются следствием общей формально-рациональной логики реформы высшего образования в Рос-

сии. В одном из интервью информант, не критикуя стандарты напрямую, использовал в отношении ФГОС выражение «много красивых слов», тем самым указывая на его определенную оторванность от действительных требований профессии.

Однако неопределенность института магистратуры не связана исключительно с определяющей ролью внешних формальных требований. В рамках полномочий и возможностей, которыми располагают вузы, также пока не сложилось окончательного представления о том, какими должны быть содержание и структура программ. Обобщая оценки, данные информантами, можно заключить, что соотношение знаний и навыков, направленных на расширение и углубление усвоенных на предыдущих уровнях, и совершенно новых, оценивается как приблизительно 60% на 40%. Это может служить подтверждением выводов о недостаточности базовых профессиональных знаний, получаемых, в частности, на бакалавриате, для выполнения профессиональной роли. В этих условиях магистратура вынужденно используется для «наверстывания упущенного», а не для развития новых компетенций. Такому выводу соответствует и замечание одного информанта о сознательном отказе при разработке программ магистратуры от концепции спецкурсов, которые могли бы использоваться для развития узкоспециальных и уникальных компетенций, в пользу более универсальных и базовых компетенций. Это также говорит о том, что де-факто магистратура в значительной мере дублирует функции предыдущих уровней профессионального образования.

Главной уникальной особенностью обучения в магистратуре является обязательное участие в научно-исследовательской работе. Это позволяет получить принципиально новые компетенции и представление о профессии, которые недоступны в программах бакалавра и специалиста. Информанты высоко оценивают потенциал магистратуры в формировании ядра профессионалов пожарной охраны. Один из руко-

водителей отметил, что магистратура позволяет формировать компетенции, востребованные для решения системных проблем всей отрасли. Это умение работать со сложными массивами информации, сопоставлять различные точки зрения, аргументировать, творчески и нестандартно мыслить.

Однако реализация этого потенциала сопряжена с проблемами, которые носят преимущественно экзогенный характер. Прежде всего, информанты указывают на недостаточный запрос организаций системы ГПС на научно-исследовательскую работу. В этом случае, имеет место определенный замкнутый круг. Среди профессионалов, работающих в подразделениях ГПС, не хватает собственного опыта научно-исследовательской работы, который позволил бы увидеть в деятельности противопожарной службы научные проблемы, связанные, например, с выявлением факторов эффективности работы линейных подразделений. Это не позволяет им ставить научные задачи, которые могли бы стать основой в том числе для магистерских диссертаций и научно-исследовательской практики магистров. Последние тем самым не имеют возможности сформировать полноценные навыки научной работы, непосредственно применимые к сфере пожарной безопасности, воспроизводя профессиональную ограниченность всего института. Разрыв этого замкнутого круга является системной институциональной проблемой, требующей участия не только образовательных организаций, но и всего профессионального сообщества.

Заключение

Результаты двух исследований, проведенных как среди обучающихся, так и агентов социализации, позволяют прийти к выводу, что роль магистратуры в профессиональной социализации специалистов противопожарной службы остается не вполне понятной и определенной для всех вовлеченных субъектов. Вынужденный фокус на восполнении недостатков компетенций, приобретенных на низших ступенях образо-

вания и удовлетворения формальным требованиям к претендентам на руководящие должности, приводит к размыванию более важных функций, связанных с формированием принципиально новых компетенций, необходимых для решения сложных, системных проблем отрасли, воспроизводства и развития профессионального ядра института пожарной охраны. Можно предположить, что такая ситуация не является уникальной для системы ГПС, и во многом характерна для других сегментов госсектора. Ответом на эти проблемы должны стать широкие дискуссии профессионального сообщества относительно сущности профессиональной социализации в той или иной сфере, в частности, пожарной охране, и определения места в ней магистратуры, исходя из реальных потребностей профессии.

Литература

1. Макарова С.Н. Успешная профессиональная социализация: основные подходы к исследованию // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 17. – С. 145–155.
2. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. – 2019. – Vol. 12. – No.17. – P. 1–14.
3. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // Journal of Human Behavior in the Social Environment. – 2010. – Vol. 20. – P. 924–938.
4. Болотин А.Э., Аганов С.С., Довженко М.С. Структура готовности выпускника вуза ГПС МЧС России к профессиональной деятельности // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. – 2015. – № 1. – С. 159–163.
5. Myers K.K. A burning desire // Management Communication Quarterly. – 2005. – Vol. 18. – No.3. – P. 344–384.
6. Correia T. Character, attitudes, and values: defining the 'Good' Firefighter //

Fire Engineering. – 28.01.2021. – URL: <https://www.fireengineering.com/commentary/character-attitudes-and-values-defining-the-good-firefighter/> (дата обращения: 25.07.2022).

7. Яковлева О.И. Профессиональная социализация сотрудников МЧС России в условиях современной системы высшего профессионального образования // Социология. – 2021. – № 5. – С. 200–205.
8. Яковлева О.И., Александрова Н.Г. Парадоксы профессиональной социализации курсантов // Материалы МНПК «Системы безопасности». – 2018. – № 27. – С. 309–312.

PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF THE MASTER DEGREE STUDENTS IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Yakovleva O.I.

Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the role of master programs in professional socialization of fire service professionals. Professional socialization consists of obtaining special knowledge and skills as well as the development of personal qualities, social and emotional intelligence, norms, behaviors, and social identity necessary for the successful fulfillment of a professional role. Based on the material of two sociological studies it is shown that despite the successful development of professional identity and a high degree of psychological readiness for the role, education in master program have limited effectiveness in terms of developing unique competencies necessary to solve complex professional problems and deep understanding of fire service professionalism. The role of the master programs in professional socialization remains ambiguous, and is largely determined by side functions of filling the deficit of knowledge and skills obtained at previous stages, and complying with formal requirements to professional education.

Keywords: professional socialization, fire service, EMERCOM, master degree.

References

1. Makarova S.N. Successful Professional Socialization: Basic Research Approaches //

- Bulletin of the Chelyabinsk State University. – 2007. – No. 17. – P. 145–155.
2. Shahr H.S.A., Yazdani S., Afshar L. Professional socialization: an analytical definition // Journal of Medical Ethics and History of Medicine. – 2019. – Vol. 12. – No.17. – P. 1–14.
 3. Miller S.E. A conceptual framework for the professional socialization of social workers // Journal of Human Behavior in the Social Environment. – 2010. – Vol. 20. – P. 924–938.
 4. Bolotin A.E., Aganov S.S., Dovzhenko M.S. The structure of the readiness of a graduate of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia for professional activity // Scientific and analytical journal Bulletin of the St. – 2015. – No. 1. – P. 159–163.
 5. Myers K.K. A burning desire // Management Communication Quarterly. – 2005. – Vol. 18. – No.3. – P. 344–384.
 6. Correia T. Character, attitudes, and values: defining the 'Good' Firefighter // Fire Engineering. – 28.01.2021. – URL: <https://www.fireengineering.com/commentary/character-attitudes-and-values-defining-the-good-firefighter/> (date of access: 07/25/2022).
 7. Yakovleva O.I. Professional socialization of employees of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the conditions of the modern system of higher professional education // Sociology. – 2021. – No. 5. – P. 200–205.
 8. Yakovleva O.I., Aleksandrova N.G. Paradoxes of professional socialization of cadets // Materials of MNPK "Security Systems". –2018. – No. 27. – P. 309–312.

Экономическая триада эффективности производства и ее современное дополнение – социальный капитал

Гостенина Валентина Ивановна,

д. социол.н., профессор, зав. кафедрой социологии и социальной работы Брянского государственного университета им. ак. И.Г. Петровского
E-mail: gostenina@brgu.ru

Мельников Сергей Леонидович,

к.п. наук, профессор, первый проректор БГУ.
E-mail: melnikov@brgu.ru

Единственное, общепринятое на сегодняшний день, определение социального капитала отсутствует. Рост социальной активности в обществе является проявлением накопления социального капитала. Оно определяется взаимодействием человеческого капитала и институциональной среды. Для того, чтобы существовал социальный капитал, необходимо установить определенные социальные нормы, соблюдение которых уменьшает необходимость бюрократии. Если избегать взаимодействий с властями как с посредниками, и опираться на социальный капитал, который представляет собой связи, возникающие в рамках группы и социальных сетей (круга контактов) лица, то увеличится прибыль. Чем крепче и теснее связи в группах, стремящихся генерировать прибыль, тем крепче социальный капитал. Благодаря этим связкам сетям в гражданском обществе люди получают блага. Чем сильнее ощущения обязательства внутри группы, тем она сплоченнее и выше качество социального капитала.

Ключевые слова: развитие, социальный капитал, структура, формирование.

Наличие общих норм и правил в группе позволяет этим группам существовать и действовать. Именно нормы создают социальный капитал и гарантируют, что члены группы доверяют друг другу и выполняют свои обязательства. Стержнем социального капитала является достигнутая в определенный промежуток времени степень взаимодоверия граждан.

Доверие выступает главным элементом, который обеспечивает целостность всех составляющих социального капитала. Следовательно, сущность социального капитала определяется мерой взаимного доверия людей в обществе. Если она в обществе существует, то можно вести речь о наличии в нем и социального капитала.

Именно доверие связывает в одно целое отдельные индивидуальные капиталы особ на уровне трудовых коллективов, общественных движений, национальных и государственных обществ. То есть, суть социального капитала заключается в создании общественного блага через активизацию связей между людьми.

На нем базируется целостность социума, ведь наиболее ценные знания и умения проявляются в социальном опыте отдельных членов общества. Это характерно для институтов гражданского общества, где развитие напрямую зависят от тесных, основанных на взаимопочтении, отношений между людьми.

Социальный капитал призван предложить решение проблемы координации коллективных действий.

Комплексное раскрытие и анализ социального капитала представлен в ряде статей российских авторов. Анализ базовых положений теорий социального капитала в своих научных работах проводит Рогач О.В. и выделяет общий тезис, в котором говорится, что социальный капитал строится не только на «доверительных отношениях, но и на необ-

ходимости инвестирования в них, участие в социальном обмене» [1].

Анализируя последствия социальных проблем в России, Г.А. Чеджемов отмечает трудности – использование ресурсов является универсальным и почти не ограниченным [4].

Для успешной деятельности любой компании руководителям полезно знать, как управлять социальным капиталом организации. Аспекты управления социальным капиталом организации выделяет А.З. Гусов [1]. Управление представлено следующим образом: «... оценка социального капитала, мониторинг показателей в предметной сфере, развитие корпоративной культуры (аудит и воздействие через известные инструменты), управление социально-психологическим климатом в трудовых коллективах, проведение социально-психологических тренингов, принятие решений по перестановке персонала, проведение индивидуальной работы по карьерному развитию, социальной ориентации и оказание (при необходимости) психологической поддержки работникам» [1].

В отечественной литературе и практике менеджмента для обозначения этой составляющей социального капитала также используются термины «культуральный капитал» или «корпоративная культура». Критерии определения социального капитала на рынке труда Брянской области разработаны научно – исследовательской лабораторией «Социологии и социальных технологий» (научный руководитель, профессор В.И. Гостенина) Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского.

Эмпирическое значение исследования социального капитала с позиций его связи с корпоративной культурой представлено в деятельности научно-исследовательской лаборатории.

Социологическое исследование «Корпоративная культура как инструмент мотивации персонала предприятий на рынке труда Брянской области» проведено в ноябре 2021 года. Результаты исследования включают методы управ-

ления формированием корпоративной культуры как основы для идентификации персонала организации и повышения эффективности производства.

Корпоративная культура определяет благоприятный психосоциальный климат, правильные отношения, которые характеризуются вербальным и невербальным выражением доверия, а социальное взаимодействие основано на понимании и профессиональном уважении. Процесс транзакции основан на принципах доверия и партнерства. Выбранные элементы корпоративной культуры ассоциируются с социальным капиталом и дополняют его структуру.

Социологическое исследование «Мониторинг и моделирование потребностей персонала предприятий Брянской области в профессиональном обучении как инструменты регулирования локального рынка труда», проведенное НИЛ кафедры социологии и социальной работы в ноябре 2020 года, позволяет сделать вывод о роли корпоративного образования и способах его совершенствования в организациях.

В настоящем исследовании на основании теоретического анализа научной литературы и проведенных эмпирических исследований, выделены тенденции взаимосвязи социального капитала, корпоративной культуры и корпоративного образования.

Все это позволило выделить характерные черты социального капитала в российском современном социуме в совокупности с корпоративной культурой, корпоративным образованием и повышением квалификации кадров, которое складывается из активных связей между людьми.

Таким образом, можно выделить основные элементы социального капитала:

- социальные сети (взаимоотношения между сотрудниками);
- доверие;
- коллективные нормы, убеждения и ценности;
- корпоративное образование и повышение квалификации кадров.

Одной из основных функций социального капитала можно считать поддержание социальной солидарности. При

этом социальный капитал способен влиять на общую конкурентоспособность организации.

Представленный теоретический анализ послужил базой для проведения социологического опроса на территории Брянской области «Роль корпоративного образования в формировании социаль-

ного капитала организации на рынке труда Брянской области».

В числе других девяти предприятий участие в социологическом опросе принимали представители трудового коллектива Мальцевского портландцемента. Представим результаты исследования.

Критерии и ответы респондентов представлены на рис. 1.

Вопрос. На Ваш взгляд, что из перечисленного входит в структуру социального капитала организации?

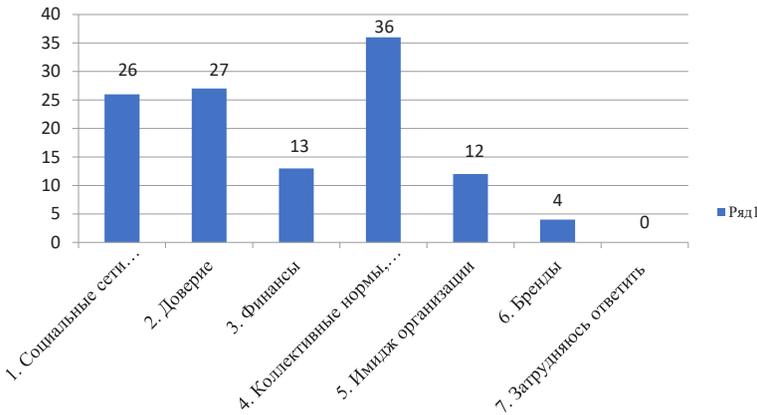

Рис. 1. Критерии и ответы респондентов

Ответы на вопрос позволяют узнать мнение респондентов о структуре социального капитала организации. Респонденты посчитали, что основа структуры социального капитала организации – это «Коллективные нормы, убеждения и цен-

ности». Такого варианта ответа придерживаются 36% опрошенных. Примерно одинаковое предпочтение в выборе ответа: «Социальные сети (взаимоотношения между сотрудниками)» и «Доверие» соответственно 26% и 27%.

Вопрос. Оценка влияния организованности на формирование социального капитала

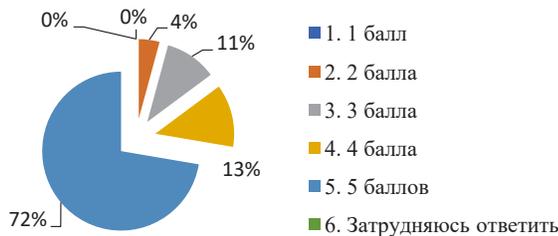

Рис. 2. Оценка влияния организованности на формирование социального капитала

Меньшее предпочтение отдали ответу «Имидж организации». Это 12%

респондентов. Меньше всего опрошенных считают, что «Бренды» входят

в структуру социального капитала организации.

Категорию с таким мнением составило 4% респондентов. Вариант ответа

«Затрудняюсь ответить» опрашиваемые оставили без внимания (см. рис 2).

Вопрос. Оценка способности эффективно решать сложные "нетиповые" задачи в рабочем процесс на формирование социального капитала

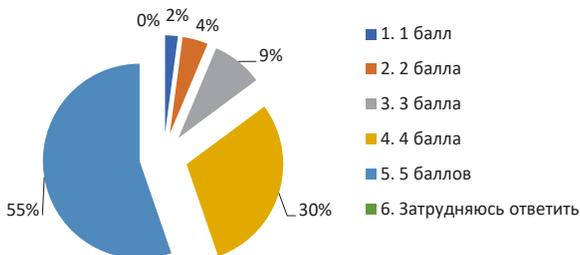

Рис. 3. Оценка способности эффективно решать сложные «нетиповые» задачи в рабочем процесс на формирование социального капитала

Вопрос. Оценка умения работать в команде на формирование социального капитала

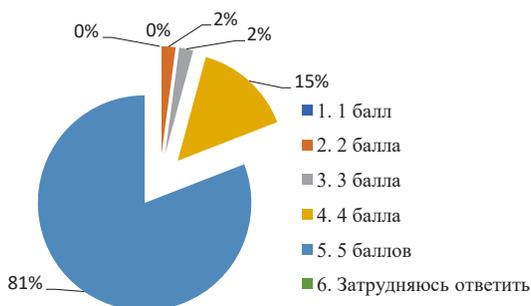

Рис. 4. Оценка умения работать в команде на формирование социального капитала

Вопрос. Оценка умения выстраивать социальные связи и коммуникацию с людьми на формирование социального капитала

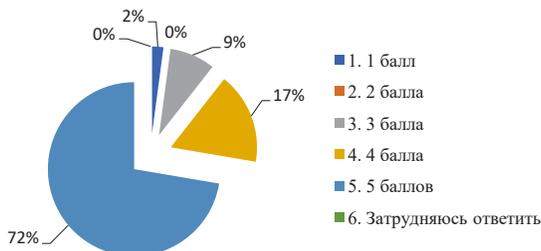

Рис. 5. Оценка влияния умения выстраивать социальные связи и коммуникацию с людьми на формирование социального капитала

К этому следует добавить, что ответ «финансы» (13%) имел провакационный характер и являлся проверочным на предмет точного представления о том, что такое социальный капитал. С определенной долей вероятности можем сказать, что 13% респондентов не имеют точного представления о структуре социального капитала организации.

Респондентам предложено оценить влияние организованности на формирование социального капитала. Из рисунка видно, что 72% респондентов оценивают организованность в 5 баллов. 13% опрошенных оценили организованность в 4

балла. Меньше всего респондентов (4%) низко оценили значение этого показателя в «2 балла» (рис. 3–5).

Семьдесят два процента респондентов оценили умения выстраивать социальные связи и коммуникацию с людьми на высший балл – 5,5. Варианту ответа «4 балла» отдали предпочтение 17% респондентов. В «3 балла» люди оценили умение выстраивать социальные связи и коммуникацию. Это 9% респондентов. Всего 2% опрошенных низко оценили умение выстраивать социальные связи и коммуникацию с людьми и выбрали вариант ответа «1 балл» (рис. 6–8).

Вопрос. Оценка влияния деловой репутации на формирование социального капитала

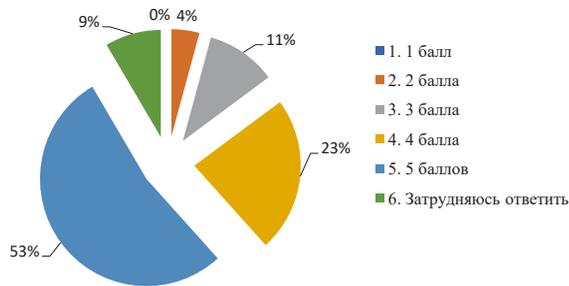

Рис. 6. Оценка влияния деловой репутации на формирование социального капитала

Вопрос. Оценка влияния умения слушать собеседника и сокращение транзакционных издержек на формирование социального капитала

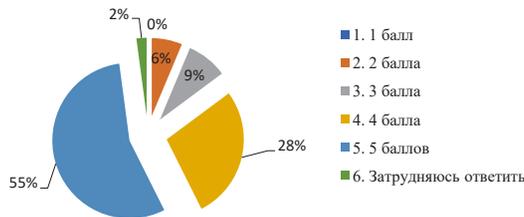

Рис. 7. Оценка влияния умения слушать собеседника и сокращение транзакционных издержек на формирование социального капитала

Оценка способности руководить, стрессоустойчивость влияют на формирование социального капитала» сложилась следующим образом. Больше половины опрошенных (56%) оценили способность руководить, стрессоустой-

чивость в «5 баллов». 33% респондентов выбрали вариант ответа «4 балла». Меньше всего респондентов (9%) и (2%) выбрали вариант ответов «3 балла» и «1 балл» соответственно (см. рис. 9, 10).

Вопрос. Оценка влияния формального и неформального сотрудничества

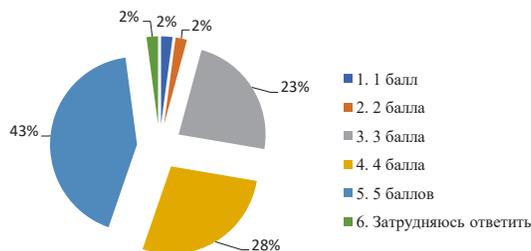

Рис. 8. Оценка влияния формального и неформального сотрудничества

Вопрос. Оценка влияния способности руководить, стрессоустойчивости на формирование социального капитала

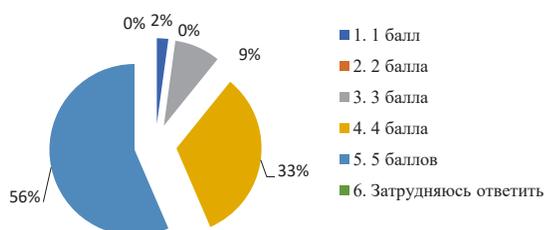

Рис. 9. Оценка влияния способности руководить, стрессоустойчивости на формирование социального капитала

Вопрос. Сформирован ли в Вашей организации социальный капитал?

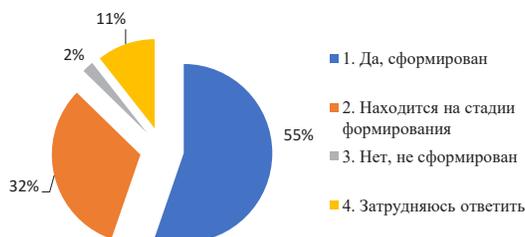

Рис. 10. Сформирован ли в Вашей организации социальный капитал?

Представленный выше вопрос анкеты – проверочный, который является своеобразным критерием сформированности благоприятного социального климата в коллективе. Большая часть респондентов (55%) считает, что «В нашей организации есть всякие люди». 45% респондентов выбрали вариант ответа «Большинство сотрудников в нашей организации – хорошие, приятные люди».

Варианты ответов «Большинство сотрудников нашей организации – люди малопривятные» и «Затрудняюсь ответить» остались без внимания (см. рис. 11).

Вопрос позволяет выявить заинтересованность персонала, работников и поддержку руководства для совершенствования компетенций с целью профессионального роста. 53% респондентов обсуждают с руководством необходи-

мость совершенствования компетенций. 17% респондентов не обсуждают. А 30%

респондентов затруднились с ответом (см. рис. 12).

Вопрос. Какое утверждение соответствует Вашему мнению?

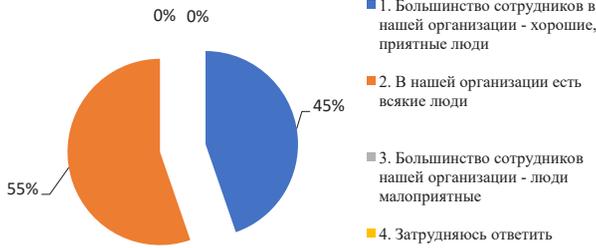

Рис. 11. Результаты ответов на вопрос «Какое утверждение соответствует Вашему мнению?»

Вопрос . Обсуждаете ли Вы с руководством необходимость совершенствования компетенций для Вашего профессионального роста?

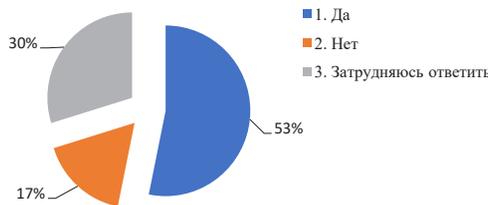

Рис. 12. Обсуждаете ли Вы с руководством необходимость совершенствования компетенций для Вашего профессионального роста?

Вопрос. Влияет ли профессиональный уровень образования сотрудников на социальный капитал организации?

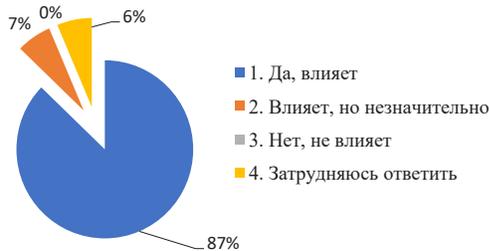

Рис. 13. Влияет ли профессиональный уровень образования сотрудников на социальный капитал организации?

Следующий вопрос анкеты обозначен значением уровня профессионализма. Количество респондентов, считающих, что профессиональный уровень влияет на социальный капитал,

составило подавляющее большинство (87%).

Мнения, что профессиональное образование влияет, но незначительно придерживаются 7% респондентов. Те, кто

считает, что профессиональное образование не влияет, составило 0% респондентов. Затруднилось ответить 6% респондентов (см. рис. 13).

Представленный теоретический анализ и эмпирические данные социологического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. В структуре социального капитала мы выделяем основные группы составляющих социального капитала: содержательные и структурные.

2. В случае исследований в Мальцевском Портландцементе это обсуждение с руководством компании возможностей профессионального роста; влияние организации труда на формирование социального капитала; способность эффективно решать нетипичные задачи.

3. На мальцевском портландцементе – это способность респондентов работать в команде; создавать деловую репутацию и налаживать позитивные связи с общественностью с помощью PR-технологий; налаживать эффективные связи и общение с членами трудового коллектива; уметь слушать собеседника.

4. Просоциальное поведение сотрудников имеет особое значение для накопления социального капитала. Способность налаживать формальное и неформальное сотрудничество.

Литература

1. Балчат, Б. А.Б. Управление социальным капиталом организации: проблемы практического применения новой парадигмы менеджмента и пути их решения / Б. А.Б. Балчат, А.З. Гусов // Путеводитель предпринимателя. – 2022. – Т. 15. – № 1. – С. 107–113.
2. Нестик, Т.А. Социальный капитал организации: социально-психологический анализ. Часть I / Т.А. Нестик // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 52–63.
3. Рогач, О.В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ / О.В. Рогач // Социодинамика. – 2019. – № 9. – С. 25–39.
4. Селина, А.С. Социальный капитал в России и его влияние на социальные проблемы / А.С. Селина, Г. А.

5. Чеджемов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 5–3. – С. 74–77.

THE ECONOMIC TRIAD OF PRODUCTION EFFICIENCY AND ITS MODERN COMPLEMENT – SOCIAL CAPITAL

Gostenina V.I., Melnikov S.I.

Bryansk State University named after I.G. Petrovsky

The only definition of social capital that is generally accepted today is missing. The growth of social activity in society is a manifestation of the accumulation of social capital. It is determined by the interaction of human capital and the institutional environment. In order for social capital to exist, it is necessary to establish certain social norms, the observance of which reduces the need for bureaucracy. If you avoid interactions with the authorities as intermediaries, and rely on social capital, which is the connections that arise within the group and social networks (circle of contacts) of a person, then the profit will increase. The stronger and closer the ties in groups seeking to generate profit, the stronger the social capital. Thanks to these bundles of networks in civil society, people receive benefits. The stronger the sense of commitment within a group, the more cohesive it is and the higher the quality of social capital.

Keywords. Development, social capital, structure, formation.

References

1. Balchat, B. A.B. Management of the social capital of an organization: problems of practical application of the new management paradigm and ways to solve them / B. A.B. Balchat, A.Z. Gusov // Entrepreneur's guide. – 2022. – T. 15. – No. 1. – P. 107–113.
2. Nestik, T.A. Social capital of the organization: socio-psychological analysis. Part I / T.A. Nestik // Psychological journal. – 2009. – T. 30. – No. 1. – P. 52–63.
3. Rogach, O.V. Social capital: new opportunities for the development of local communities / O.V. Rogach // Sociodynamics. – 2019. – No. 9. – P. 25–39.
4. Selina, A.S. Social capital in Russia and its influence on social problems / A.S. Selina, G. A.
5. Chedzhemov // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. – 2019. – No. 5–3. – P. 74–77.

Пути формирования инновационного климата в трудовом коллективе

Ян Чжичэн,

аспирант, кафедра управления персоналом,
МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: cbwyzb@163.com

Настоящая статья посвящена проблеме организации инновационного климата в коллективе предприятия. Целью работы оказывается выявление эффективных способов формирования такой атмосферы в трудовом сообществе, которая способствовала бы инновационному мышлению его членов. Автор статьи рассматриваются такие аспекты темы, как подходы к интерпретации центральных терминов исследования, таких как «инновация», «инновационная деятельность», «инновационная активность», «инновационное поведение», «инновационная восприимчивость», «инновационный климат»; условия, необходимые для создания благоприятной атмосферы в трудовом коллективе, способствующее проявлению инновационного поведения (внешние и внутренние); способы формирования инновационного климата в среде работников предприятия. Автор исходит из положения о том, что мотивация к проявлению инновационного поведения качественно повышает работоспособность организации и конкурентоспособность её специалистов. В результате исследования очерчен круг эффективных путей формирования инновационного климата в трудовом коллективе.

Ключевые слова: инновация, инновационная деятельность, инновационное поведение, инновационный климат, трудовой коллектив предприятия, мотивация.

Введение

Одной из насущных проблем современной социологии является вопрос о построении социально-трудовых отношений между представителями трудовых коллективов. Особо актуальной в данной связи оказываются закономерности внутриколлективного климата и уровня работоспособности каждого члена персонала, который неизбежно влияет на качество производственных процессов учреждения в целом.

Одной из «движущих сил» в работе предприятия оказывается инновационная деятельность, направленная на создание нового высококачественного продукта.

Таким образом, целью настоящего исследования характеристика путей формирования инновационного климата на предприятии, включая организационную, мотивационную и личностную сторону инновационной активности

В круг задач работы входит:

1. определение границ центральных терминов исследования, заключая представленные в научных источниках интерпретации феноменов «инновации», «инновационного поведения», «инновационной активности», «инновационного климата»;
2. выявление внешних и внутренних факторов, а также условий, обуславливающих степень развития инновационного внутриколлективного климата;
3. представление классификации компонентов, входящих в состав указанного центрального в работе понятия;
4. составление круга эффективных путей формирования инновационных настроений в среде работников предприятий.

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости поиска и внедрения новых эффективных механизмов по развитию инновационного климата на производствах,

поскольку от уровня инновационной активности трудовых коллективов зависит экономическое процветание государства в целом. Одним из основных компонентов плодотворной работы организации признаётся особый микроклимат, психологические условия осуществления профессиональной деятельности, которые обеспечивают развитие инновационного поведения персонала организации. Неслучайно вопросы, связанные с формированием инновационного климата, как на региональном, так и частно-производственном уровнях занимают большую долю исследовательского внимания, о чём свидетельствует наличие комплекса научных публикаций (О.О. Веснина, М.И. Кадничанская, Л.Ю. Лукичева, Лачина А.А., Д.В. Пестерева, А.В. Семенов и мн. др.)

Новизна данной работы состоит в том, что в результате проведённого исследования, носящего комплексный характер, вычленяется круг рекомендаций, адресованный руководителям предприятий, ориентированных на инновационную деятельность, затрагивая аспекты экономического, социологического и психологического компонентов феномена инновационного климата в среде трудового коллектива.

Содержание понятия «инновация» в научной литературе

Сам термин «инновация» имеет наддисциплинарную природу (впервые был введён в оборот экономистом Йозефом Шумпетером) и входит в понятийный аппарат целого ряда наук. Наиболее общим его определением является дефиниция, сформулированная посредством компонента «новый»: «новое явление для людей», которые имеют непосредственное отношение к нему, «новое явление, осознанное человеком», «новое явление», применяемое практической деятельности [4, с. 182]. Таким образом, инновации подразумевают, что сам продукт данного процесса может быть коммерциализован и направлен на «максимизацию технологических процессов» [7].

С данной точки зрения, намечается сближение понятий «новации» и «инно-

вации», которые рассматриваются как смежные и связываются с процессом инвестиций (инновация как результат инвестиций в новацию). Однако более плодотворным видится определение Т.Н. Скоробогатовой, И.Ю. Мараховской, Е.О. Аборкиной, которые заключают, что инновация суть «внедрённая новация» [12, с. 103].

В целом, наукой на сегодняшний день накоплен огромный опыт в разграничении инноваций по различным признакам. В частности, они классифицируются по сфере реализации, по целям, по характеру изменений в обществе, по новизне, по форме, по видам, по преемственности, по способности к коммерциализации и т.д. [5].

Несмотря на некоторую степень условности в типологии инноваций их обилие, а также глубина разработки термина современной научной мыслью дают возможность предполагать, что инновационная деятельность рассматривается современным социумом в качестве одной из ведущей тенденции, выступающей базой для модернизации общества в целом, в том числе и с учётом технологического прогресса и активного внедрения цифровых технологий, что порождает с созданием в рамках предприятий цифровых инновационных проектов [18].

Здесь следует обратиться к сущности понятия «инновационная деятельность», которая применительно к социологическому знанию, согласно М.И. Кадничанской, Л.Ю. Лукичевой представляет собой деятельность, которая направлена «<...> на решение комплексной проблемы», которая возникла в процессе столкновения устоявшихся практик и тех, что только проходят процесс становления [6, с. 240].

Инновационную деятельность зачастую связывают с понятием инновационной активности [1], которая выступает одним из обязательных условий стремления к оформлению нового явления, а также оказывается инструментом оценки конкурентоспособности предприятия в целом [15, с. 243; 17, с. 190].

Кроме того, инновационная деятельность персонала подразумевает прояв-

ление членами трудового коллектива инновационного поведения – особой формы восприимчивости к инновационным процессам [19], положительного к ним отношения и «готовности к их осуществлению», которая формируется благодаря наличию суммы условий, детерминированных внешними и внутренними факторами. Данный фактор обусловил появление термина «инновационная восприимчивость», которая в своей сущности подразумевает наличие адаптивных механизмов у организации для приспособления к динамически развивающемуся потребительскому рынку и внешним условиям функционирования предприятия, что предполагает внедрение в его деятельность определённого рода нововведений [8, с. 57].

К внешним относятся темпы распространения технологий, объёмы и векторы финансирования, нюансы налогообложения и т.д. Внутренняя же подразумевает эмоциональное начало, мотивационную составляющую, «личностную и организационную готовность» [10, с. 117]. Совокупность всех указанных факторов формирует инновационную среду предприятия [11], куда неизбежно проникает понятие инновационного климата, тесно связанного с перечисленными внутренними и внешними воздействиями, а также выступает средством анализа условий стимулирования внешнего потребительского рынка, создание новых производственных площадок для реализации инновационных продуктов [14, с. 17].

Более плодотворным оказывается подход О.О. Весниной, которая рассматривает понятие «инновационный климат» с учётом как внешних, так и внутренних условий среды, которые влияют на инновационную деятельность предприятия, оказывают воздействие на «инновационный эффект (положительный или отрицательный), «получаемый в результате достижения инновационной цели» [3, с. 174].

Интерес представляют классификации инновационного климата, которые в научных источниках фиксируются следующим образом: существуют подходы

к разграничению регионального инновационного климата и внутри организационного. Кроме того, исследователи выявляют существование инновационного климата на макро- и микроуровнях [13, с. 83], показатели которых необходимо учитывать при планировании работы по развитию инновационной деятельности.

Вслед за С.А. Толстухиным, определим структуру инновационного климата предприятия. Согласно его исследованию, инновационный климат подразделяется на внешний и внутренний. Первый из названных в свою очередь типологизируется на макро- и микро-среду. В рамки второго включается инновационный потенциал организации и её ресурсное обеспечение [13, с. 85]. Кроме того, исследователи предполагают, что эффективным инструментом в развитии инновационной деятельности предприятия оказывается маркетинговый подход, который предполагает расширение сферы сотрудничества организаций (производственных и научно-образовательных) с целью повышения уровня квалифицированности сотрудников, и соответственно, уровня развития инновационных настроений персонала [16, с. 87]. Следовательно, для достижения цели инновационной деятельности необходимо учитывать все компоненты инновационного климата.

Симптоматично, что каждый руководитель предприятия, регулирующий деятельность персонала, заинтересован в положительном инновационном эффекте. Постановка указанной цели требует от управленца целенаправленных шагов, носящих системный характер, по развитию инновационного климата в среде сотрудников, поскольку высокая степень его развития влияет на целый комплекс других факторов, повышающих конкурентоспособность организации (производство новых или модернизированных товаров, изменение социальных отношений внутри коллектива, расширение возможностей для продвижения товаров и услуг, получения патентов на изобретения, продажи технологий и т.д.)

Способы формирования инновационного климата на предприятии

Итак, какими же способами представляется возможным сформировать у персонала организации стремление и положительное отношение к инновационной деятельности, инновационной активности и проявлению инновационного поведения?

Здесь следует говорить о том, что центральное место в развитии инновационного поведения персонала занимает мотивация. Воздействие на мотивационную сферу трудового коллектива должно идти несколькими путями.

Во-первых, целесообразно развивать у подчинённых понятие о ценности принципов непрерывного образования, постоянного повышения квалификации, что напрямую зависит от действий руководителя, в частности финансовых и воздействующих на самосознание работников.

Во-вторых, наибольшим эффектом обладает, традиционно, личный пример управленца. Уровень сформированности личностных качеств, влияющих на успешность инновационной деятельности, плодотворности и практико-применимости её «продуктов» оказывает положительное воздействие на подчинённых. Важно вовлекать в такого рода деятельность как можно большее число членов коллектива. Это позволит продемонстрировать им важность и эффективность инновационной деятельности в практике формирования имиджа организации на различных уровнях, а также возможность личностного и карьерного роста, повышения познавательной активности, самосовершенствования в профессиональном поле.

Таким образом, формированию благоприятного инновационного климата в среде сотрудников предприятия способствует командная работа, где отношения между членами группы выстраиваются на доверии и равнозначности ролей в поиске и генерации инновационных идей.

Одно из центральных мест в развитии инновационного климата занимает

организационная культура. Неслучайно в научной литературе по поднятому в настоящей статье вопросу проводятся дефиниции термина «инновационный климат», схожие по своему содержанию с понятием организационной культуры. Так, Д.В. Пестерева интерпретирует феномен инновационного климата как «сложившиеся в организации традиции, нормы и стереотипы поведения в сфере обновления, на которые ориентируются сотрудники» [9, с. 97]. Интересным в данной связи оказывается наблюдение А.К. Ахметовой, которая называет организационную культуру «внутренним сознанием» организации» [2, с. 7]. Символично, что такая модель сознания создаётся путём общности целей деятельности, организацией межличностных отношений участников трудового коллектива по горизонтали и вертикали, основанных на взаимном уважении сторон, принятии и возможности иметь собственное мнение.

Особую актуальность также обретают вопросы, связанные с формированием здорового психологического климата, на предприятии, основными показателями которого оказываются настроение и мнение коллектива, индивидуальное самочувствие и оценки условий жизни и работы личности в коллективе.

Результаты

Таким образом, представляется возможным охарактеризовать пути формирования инновационного климата на предприятии, включая организационную, мотивационную и личностную сторону инновационной активности:

- иметь в своём распоряжении новейшее оборудование, отвечающее современным тенденциям развития технологического процесса;
- соизмерять ресурсную базу предприятия с инновационным потенциалом трудового коллектива;
- ответственно подходить к отбору персонала, создавать условия для привлечения новых сотрудников, готовых к инновационной деятельности, следить работой их адаптационных механизмов в коллективе; регули-

- ровать работу инноваторов за счёт финансовых ресурсов, организации их деятельности посредством прогнозирования развития вектора инновационной активности;
- демонстрировать неразрывную связь науки и производства, активно включая в деятельность персонала участие в научных конкурсах, конференциях, семинарах и других научных собраниях;
 - разрабатывать чёткий алгоритм инновационных действий в соответствии с поставленной целью и с учётом перспективных векторов развития инновационной деятельности;
 - постоянно совершенствовать научно-технические навыки персонала посредством прохождения курсов повышения квалификации, участия в конкурсных мероприятиях, грантах и т.п.;
 - развивать информационную среду предприятия, на базе которой оптимизируются пути осведомления персонала о возможности участия в образовательных, конкурсных мероприятиях, конференциях, семинарах, вебинарах и проч.;
 - обеспечивать условия для консолидации сил всех или как можно большей части трудового коллектива для совместного достижения инновационной цели;
 - заниматься развитием и поддержанием организационной культуры, формируя общую систему трудовых и профессиональных ценностей;
 - расширять арсенал средств, влияющих на мотивационно-потребностную сферу работников, разработать систему поощрений, финансовой поддержки и стимуляции инновационной активности, привлекать дополнительные инвестиции в деятельность предприятия;
 - поддерживать благоприятный социально-психологический климат в межличностных взаимоотношениях между управляющим персоналом и подчинёнными;
 - подвергать оценке общеколлективное морально-психологическое состояние и индивидуальные самочувствие каж-

дого из членов команды, определять уровень отношения трудового коллектива к инновационным продуктам, а также к инновационной деятельности организации в целом;

- предоставлять возможность для реализации творческих сил участников трудового коллектива, своевременно определять и блокировать факторы, препятствующие реализации творческого потенциала сотрудников.

Выводы

В заключение отдельно отметим, что создание благоприятного инновационного климата внутри трудового коллектива позволяет качественно повысить уровень производственных сил организации, что в свою очередь требует поиска и разработки новых управленческих решений, которые нацелены на развитие креативного, нестандартного мышления инноваторов, на генерацию и воплощение инновационных идей, на проявление инновационного поведения, детерминированного внутренней личностной мотивацией на самореализацию в профессиональном поле, карьерный рост, а также апробацию продуктов инновационной деятельности, что окажется центральным аналитическим инструментом в процессе оценки инновационного эффекта деятельности.

В качестве дальнейших перспектив научных изысканий в данной области обозначается разработка новых путей мониторинга уровня мотивации сотрудников предприятия к инновационной деятельности, определение основных детерминант развития инновационного поведения, в том числе и с учётом национальной специфики представителей трудового коллектива, а также в поликультурном микросоциуме, образуемом работниками организации.

Литература

1. Аكوпова Л. В., Жукова Е. А. Инновационная деятельность: проблемы и перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 2 (17). С. 70–73.

2. Ахметова А.К. Организационная культура: сущность, определение и современные подходы // Международный научный журнал. 2016. № 2 (44). С. 6–7 [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/2-44-2016-february/organizacionnaya-kultura-sut-opredelenie-i-aktualnye-podhody> (дата обращения: 28.10.2022). DOI: <https://10.18454/IRJ.2016.44.015>.
3. Веснина О.О. Факторы, определяющие положительный и отрицательный инновационный климат // Экономика. Общество. Человек: межвузовский сборник научных трудов. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2016. С. 173–178.
4. Грищенков А. И., Дмитриева Е. А, Легченко М.А. Инновации – определение, классификация, стадии // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 182–187.
5. Дробышева Е.С. Определение понятия инноваций и основания классификации инноваций / Е.С. Дробышева, М.А. Лапина // Проблемы современной науки и образования. 2019. № 12 (145). С. 69–72.
6. Кадничанская М. И., Лукичева Л.Ю. Инновации в социологии образования // Научный потенциал регионов на службу модернизации: межвузовский сборник научных статей с международным участием / под общей ред. В.А. Гутмана, А.Л. Хаченьяна. Астрахань: АИСИ, 2011. С. 239–242.
7. Канарейкин И.А. Понятие инновационной деятельности // Научный электронный журнал «Меридиан». 2020. Вып. 3 (37) [Электронный ресурс]. URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2817> (дата обращения: 27.10.2022).
8. Лачина А.А. Раскрытие определений инновационного потенциала, инновационной активности и инновационной восприимчивости, как базисов формирования точек роста экономических систем // Вопросы современной науки: новые достижения: материалы Международной научно-практической конференции, София, 14 февраля 2022 года / Издательская Къща «СОРОС»; Научно-издательский центр «Мир науки». Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2022. – С. 55–58.
9. Пестерева Д.В. Социально-психологическая оценка инновационного климата образовательного учреждения // Социальные науки. 2021. № 1(32). С. 95–102.
10. Рудалева И.А. Инновационное поведение персонала в организации / И.А. Рудалева, И.А. Кабашева // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 6 (102). С. 116–120. DOI: <https://10.21686/2413-2829-2018-6-116-120>.
11. Семенов А. В. К вопросу о взаимосвязи и разграничении понятий инновационной среды и инновационного климата // Наука и современность. 2012. № 17. С. 290–294.
12. Скоробогатова Т.Н. Инновация: деятельность и результат, ассоциация с услугой; инновация как основной фактор повышения эффективности / Т.Н. Скоробогатова, И.Ю. Мараховская, Е.О. Аборкина // Экономика строительства и природопользования. 2021. № 3(80). С. 103–110.
13. Толстухин С.А. Роль и составляющие инновационного климата в современных условиях // Статистика и экономика. 2012. № 4. С. 83–86.
14. Akzhanova G.A. Innovation environment as a key factor in the development of the region's innovative potential // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2021. Vol. 102. No 2. P. 16–23.
15. Arkhipova M. Cooperation in R&D as a leading indicator of innovative activity growth / M. Arkhipova, V. Sirotin, V. Afonina // International Journal of Economics and Business Administration. 2019. Vol. 7. No S1. P. 242–257. DOI: <https://10.35808/ijeba/389>.
16. Bersimbayeva A.B. Marketing approach to innovation management as a tool for enhancing innovative activity of enterprises / A.B. Bersimbayeva, N.A. Uruz-

bayeva, D.A. Aibossynova // Bulletin of Karaganda University. Economy Series. 2017. Vol. 85. No 1. P. 84–90.

17. Kabanov V.A. Factors of innovative activity of scientific enterprises // Молодежь. Общество. Современная наука, техника и инновации. 2020. No 19. P. 189–191.
18. Suloeva S. Development of a mechanism for adapting digital innovation potential of an organisation with allowance for peculiarities of digital innovation projects / S. Suloeva, A. Shmeleva // Sustainable Development and Engineering Economics. 2022. No 2(4). P. 63–80. DOI: <https://10.48554/SDEE.2022.2.5>.
19. Frolova O. Ya. The importance of scientific and practical activities in the innovative potential formation in organizations / O. Ya. Frolova, Zh.N. Shmeleva // Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration. 2021. Vol. 10. No 3(36). P. 397–400. DOI: <https://10.26140/anie-2021-1003-0094>.

WAYS FOR FORMING INNOVATIVE CLIMATE IN THE WORK TEAM

Yang Zhicheng

Lomonosov Moscow State University

This article is devoted to the problem of organizing an innovative climate in the enterprise team. The aim of the work is to identify effective ways to create such an atmosphere in the labor community that would contribute to the innovative thinking of its members. The author of the article considers such aspects of the topic as approaches to the interpretation of the central terms of the study, such as “innovation”, “innovative activity”, “innovative activity”, “innovative behavior”, “innovative susceptibility”, “innovative climate”; the conditions necessary to create a favorable atmosphere in the workforce, conducive to the manifestation of innovative behavior (external and internal); ways of forming an innovative climate among the employees of the enterprise. The author proceeds from the position that the motivation for the manifestation of innovative behavior qualitatively increases the efficiency of the organization and the competitiveness of its specialists. As a result of the study, a range of effective ways to form an innovative climate in the workforce is outlined.

Keywords: innovation, innovative activity, innovative behavior, innovative climate, enterprise workforce, motivation.

References

1. Akopova L. V., Zhukova E.A. Innovative activity: problems and prospects // Law order: history, theory, practice. 2018. No. 2 (17). pp. 70–73.
2. Akhmetova A.K. Organizational culture: essence, definition, and modern approaches // International scientific journal. 2016. No. 2 (44). pp. 6–7 [Electronic resource]. URL: <https://researchjournal.org/archive/2-44-2016-february/organizacionnaya-kultura-sut-opredelenie-i-aktualnye-podxody> (date of access: 28.10.2022). DOI: <https://10.18454/IRJ.2016.44.015>.
3. Vesnina O.O. Factors that determine the positive and negative innovation climate // Economics. Society. Human: interuniversity collection of scientific papers. Belgorod: Belgorod State Technological University. V.G. Shukhova, 2016. pp. 173–178.
4. Grishchenkov A. I., Dmitrieva E.A., Legchenko M.A. Innovations – definition, classification, stages // Bulletin of the Bryansk State University. 2014. № 3. pp. 182–187.
5. Drobysheva E. S., Lapina M.A. Definition of the concept of innovation and the basis for the classification of innovations. Problems of modern science and education. 2019. No. 12 (145). pp. 69–72.
6. Kadnichanskaya M. I., Lukicheva L. Yu. Innovations in the sociology of education // Scientific potential of regions for the service of modernization: interuniversity collection of scientific articles with international participation / ed. V.A. Gutman, A.L. Khachenyan. Astrakhan: AISI, 2011, pp. 239–242.
7. Kanareikin I.A. The concept of innovation // Scientific electronic journal “Meridian”. 2020. Issue. 3 (37) [Electronic resource]. URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2817> (date of access: 10/27/2022).
8. Lachina A.A. Disclosing the definitions of innovative potential, innovative activity, and innovative susceptibility as the basis for the formation of growth points for economic systems // Questions of modern science: new achievements: materials of the International scientific and practical conference, Sofia, February 14, 2022 / Izdatelska Kashcha “SORoS”; Scientific Publishing Center “World of Science”. Neftekamsk: Scientific

- and Publishing Center "World of Science", 2022. pp. 55–58.
9. Pestereva DV Socio-psychological assessment of the innovative climate of an educational institution // *Social science*. 2021. No. 1(32). pp. 95–102.
 10. Rudaleva I.A. Innovative behavior of personnel in the organization / I.A. Rudaleva, I.A. Kabasheva // *Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2018. No. 6 (102). pp. 116–120. 686/2413–2829–2018–6–116–120.
 11. Semenov A.V. To the question of the relationship and delimitation of the concepts of the innovation environment and the innovation climate // *Science and Modernity*. 2012. No. 17. pp. 290–294.
 12. Skorobogatova T.N. Innovation: activity and result, association with service; Innovation as the main factor in increasing efficiency / T.N. Skorobogatova, I. Yu. Marakhovskaya, E.O. Aborkina // *Economics of construction and nature management*. 2021. No. 3(80). pp. 103–110. DOI: [ps://10.37279/2519-4453-2021-3-103-110](https://doi.org/10.37279/2519-4453-2021-3-103-110).
 13. Tolstukhin S.A. The role and components of the innovation climate in modern conditions // *Statistics and Economics*. 2012. No. 4. pp. 83–86.
 14. Akzhanova G.A. (2021) Innovation environment as a key factor in the development of the region's innovative potential. *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*. Vol. 102. No 2. pp. 16–23.
 15. Arkhipova M., Sirotin V., Afonina V. (2019) Cooperation in R&D as a leading indicator of innovative activity growth. *International Journal of Economics and Business Administration*. Vol. 7. No S1. pp. 242–257. DOI: [https://10.35808/ijeba/389](https://doi.org/10.35808/ijeba/389).
 16. Bersimbayeva A.B. Uruzbayeva N.A., Aibossynova D.A. (2017) Marketing approach to innovation management as a tool for enhancing innovative activity of enterprises. *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*. Vol. 85. No 1. pp. 84–90.
 17. Kabanov V. A. (2022) Factors of innovative activity of scientific enterprises. *Molodezh'. Obshchestvo. Sovremennaya nauka, tekhnika i innovatsii*. No 19. pp. 189–191.
 18. Suloeva S., Shmeleva A. (2022) Development of a mechanism for adapting digital innovation potential of an organisation with allowance for peculiarities of digital innovation projects. *Sustainable Development and Engineering Economics*. No 2(4). pp. 63–80. DOI: [https://10.48554/SDEE.2022.2.5](https://doi.org/10.48554/SDEE.2022.2.5).
 19. Frolova O. Ya., Shmeleva Zh. N. (2021) The importance of scientific and practical activities in the innovative potential formation in organizations. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*. Vol. 10. No 3(36). pp. 397–400. DOI: [https://10.26140/anie-2021-1003-0094](https://doi.org/10.26140/anie-2021-1003-0094).

Эстетическое восприятие времени в искусстве первой трети XX века: на примере романа «Волшебная гора» Т. Манна, монооперы А. Шёнберга «Ожидание» и пяти пьес для струнного квартета А. Веберна

Скобелева Галина Анатольевна,

Аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова (кафедра эстетики),

E-mail: galinaskobeleva85@yandex.ru

В статье в компаративистском ключе исследуются особенности эстетического восприятия времени на примере музыкального искусства Арнольда Шёнберга (моноопера «Ожидание») и А. Веберна («Пять пьес»), а также одного из самых значительных романов начала XX века – «Волшебная гора» Томаса Манна. Новые темпоральные характеристики додекафонической музыки позволили преодолеть монологизм романтического мелодизма и наметить оригинальные пути развития полифонического принципа в музыкальной композиции XX в. В статье также показано, каким образом феноменологическая трактовка темпоральности может быть применена к анализу художественных произведений первой трети XX в.

Ключевые слова: эстетическое восприятие, музыкальное искусство, нововенская школа, темпоральность, полифония, додекафония, феноменология времени.

Первая треть XX века была богатой на самые разные, зачастую противоречивые течения в искусстве: кубизм, дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм, симультанизм. Однако, все эти, столь разные, по сути, стили объединены стремлением максимально воздействовать на воспринимающего субъекта. В музыкальном искусстве также происходят значительные трансформации музыкального языка, как со стороны ладово-гармонических соотношения, так и в организации темпоральной структуры. Начатый Рихардом Вагнером путь гармонических преобразований, столь явно обозначенный исторической вехой под названием «Тристан-аккорд», был продолжен и в творчестве Р. Штрауса и в Нововенской школе, представители которой видоизменили сам принцип композиторской техники и восприятия музыки во времени.

Здесь необходимо отметить тот факт, что Р. Вагнер был почитателем философии Артура Шопенгауэра. Более того, общеизвестно, что «Тристан и Изольда» создавалась под непосредственным влиянием идеи «круговорота любви» и связи её со смертью. «Если весь мир как представление – лишь видимость воли, то искусство есть объяснение этой видимости, *camera obscura*, которая показывает предметы чище, разрешая лучше их созерцать в совокупности», – утверждает А. Шопенгауэр [1, с. 324]. При этом, отношение к времени у Шопенгауэра было основано на кантовском понимании времени как последовательности восприятий. Абсолютное время, по Канту, не может быть воспринято непосредственно. В.В. Васильев подчеркивает это основание для концепции времени у Шопенгауэра: «Сущность времени исчерпывается понятием последовательности. Каждое мгновение существует

лишь при условии уничтожения предыдущего мгновения» [2, с. 49].

Рихард Вагнер, осуществляя свою реформу оперы, говорит о необходимости абсолютного синтеза музыки и слова. Музыка должна развить поэтический смысл через мелодию, овеществив его как «высшую полноту чувственного содержания» [3, с. 432].

Задачи, поставленные перед музыкальной драмой, явно выходят за пределы чисто музыкальных или даже художественных. Для Вагнера искусство – средство преобразования мира. Искусство претендует на преобразование всей косной мировой материи, всего миропорядка. Эти романтические «пороки» в дальнейшем будут резко отвергаться композиторами XX века, в частности, И. Ф. Стравинским.

Если проследить развитие философии времени в XX веке в общем, то нужно обозначить вкратце несколько тезисов. Время как объект философского осмысления связывается, с двумя подходами – т.н. «физикалистским» – процитирую представителя логического позитивизма, Ханса Рейхенбаха: «Для решения проблемы времени не существует других способов, кроме методов физики. Физика гораздо более других наук связана с природой времени» [4, с. 32].

Другой подход связан с философским и антропологическим осмыслением и анализом субъективного, внутреннего времени. Значительными фигурами для этого направления исследования времени были А. Бергсон, М. Хайдеггер и Э. Гуссерль. Каждый из этих мыслителей трактовал понятие времени как имманентно присущего сознанию. В частности, А. Бергсон считал, что необходимо разграничение между объективным и внутренним временем, которое он характеризует как «длительность», и это время связано с качеством его переживания. Что касается объективного времени, то оно разворачивается в пространстве и связано с количеством, с числовым измерением. Временность обуславливает наши познавательные способности, сам интуитивный метод Бергсона предполагает длительность. «Вопросы,

касающиеся субъекта и объекта, их различия и их соединения, должны быть поставлены скорее в зависимости от времени, чем от пространства» [5, с. 201].

Свои «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль начинает с критики теории Ф. Brentano и его концепции «первичной ассоциации». Поскольку первая и главная цель философа – выявление «чистой субъективности» как безусловного основания мышления, которое невозможно редуцировать. Brentano (согласно изложению его теории у самого Гуссерля) связывает понятие длительности с первичной памятью и с некоторой творческой фантазией, которая модифицирует услышанный тон и присоединяет его к последующему. Иными словами, восприятие времени и его длительности возникает благодаря воспроизведению предметного мира в фантазии. И этот подход совершенно не устраивает Гуссерля. Невозможно обосновать представление о времени, исходя из данных внешнего предметного мира. Концепция времени связана с имманентным, внутренним ощущением времени. Ссылка на фантазию является недостаточно обоснованной для понимания временности сознания. Кроме того, Гуссерль задается вопросом, как возможно различие прошлого и настоящего, если они сосуществуют единообразно в сознании и удерживаются, благодаря «первичной ассоциации»? В таком случае, невозможно отделить воспринимаемый предмет от самого восприятия.

Гуссерль выдвигает понятия «ретенции», «протенции» и «теперь-точки» как модели для понимания времени. Ретенция здесь – осознание отошедшего момента и присоединение его (не модифицированного) к осознанию «теперь-точки». Протенция же – осознание необходимости наступления будущего. Роман Ингарден сравнивает протенцию с некоторым «освобождением места будущему». Важно здесь то, что концепция Гуссерля не предполагает никаких психологических или натуралистических установок, череда сменяемых моментов представляется как интенциональность.

Изменение подхода к понятию темпоральности отразилось и на литературе этого периода. В частности, наиболее важный в этом отношении роман XX века – «Волшебная гора» Томаса Манна – содержит в себе рефлексии и на бергсонизм, и на феноменологию времени Э. Гуссерля. Важен он также и в музыкальном контексте, поскольку может дополнительно прояснить изменившиеся условия «культурного ландшафта» Европы и кризис романтической эстетики. Сам Т. Манн неоднократно подчёркивал связь своего литературного творчества с музыкой, в частности, влияние лейтмотивной системы Р. Вагнера. Композиция самого романа отличается своеобразием именно за счет временных рамок и динамики развития сюжета.

Ганс Касторп, который приезжает в санаторий Бергхоф на три недели, для того, чтобы навестить своего кузена Иоахима Цимсена, остается в этом месте на семь лет. Безусловно, здесь есть и мифологические и вагнерианские коннотации, а именно – рыцарь Тангейзер, герой одноименной оперы Р. Вагнера, который проводит в гроте Венеры семь лет. Важная особенность этого грота – забвение времени. Сам Томас Манн во введении к роману пишет о важности музыкального контекста и также о влиянии «музыки идей» на юного еще человека, главного героя. По сути, этот роман является «романом-инициацией» – т.н. *Bildungsroman* (нем.). «Сама книга тождественна тому, о чём в ней рассказывается, ибо, рисуя ощущения своего юного героя, наглухо запертого в зачарованном, лишенном времени мире, она и сама стремится с помощью своих художественных средств выключить время – она пытается достичь этого, подчеркивая на каждом шагу вездесущность того целостного мира живущих по законам музыки идей, который заключён в ней, и установить магическую *nunc stans* (сущую неподвижность)» [6, с. 68].

Сюжет разворачивается не столько на уровне событийном, сколько на уровне персональном – каждый персонаж, в свою очередь, является замкнутым миром, идеей как таковой, абсолют-

но непроницаемой для внешних влияний. Лодовико Сеттембрини, который представляет собой рациональное начало, свет разума, веру в деятельность, прогресс, можно сказать, что Сеттембрини – суть персонификация просвещенческой парадигмы. Лео Нафта – абсолютный дру- гая крайность: апологет тоталитаристских, социалистических и нигилистических настроений, член ордена иезуитов, причудливо сочетающий все выше перечисленное с любовью к мистике и восхищением средневековьем. Сеттембрини, всячески ратующий за этическую ценность труда и Нафта, восхваляющий «духовную способность обрести блаженство в покое» [7, с. 45]. При этом, характерно то, что именно Лео Нафта работает преподавателем в местном учебном заведении.

Непримиримость позиций этих героев и их принципиальная «глухота» к любому иному мнению в итоге, заканчивается трагически, дуэлью, на которой происходит самоубийство Нафты. Болезнь и смерть как великое искушение, также является своеобразной опасностью, прельщением для европейца, о чём сам автор говорит устами Сеттембрини: «Но мой протест начинается там, где вы утверждаете, будто сочетание болезни с глупостью является своего рода прогрешностью против стиля, так сказать безвкусицей природы и дилеммой для человеческого чувства, как вы изволили выразиться. Если вы считаете болезнь чем-то аристократическим и, как вы сказали, почтенным, тем, что с глупостью не вяжется, – да, это тоже ваше выражение, – так нет же! Болезнь отнюдь не аристократична, отнюдь не почтенна, самый этот взгляд есть болезнь и ведет к ней» [7, с. 125].

Здесь писатель фиксирует то оцепенелое состояние вечного ожидания практически всех героев этого романа, которые, так или иначе, оказываются «морибундусами», двигающимися к смерти, но ее не чувствующими. Автор подчеркивает, что они абсолютно потеряли ощущение времени. Своеобразие «временности» сознания обуславливают те временные «складки», которые об-

разуются в самом романе. Так, например, описание первого дня прибытия Ганса Касторпа занимает около сотни страниц, а в дальнейшем время стремительно ускоряется, недели и месяцы пролетают фактически незаметно. В главе «Экскурс в область понятия времени» автор сам говорит о «чем-то душевном» в переживании, которое «связано и слито с непосредственным ощущением жизни» [6, с. 197]. Содержательное время, которое наполнено событиями, ускоряется и, при этом, парадоксальным образом, воспринимаются значительнее и масштабнее, в отличие от пустых лет, которые «как бы несет ветер, и они летят» [6, с. 197]. «Сживание» с новым пространством происходит также за счет сокращения времени и его легкого и незаметного течения.

Знаменитый пример А. Бергсона с растворением сахара, может интерпретировать длительность бытия во времени ещё более детально и пристально: «Если я хочу приготовить себе стакан подслащенной воды, то, что бы я ни делал, мне придется ждать, пока сахар растает. Этот незначительный факт очень поучителен. Ибо время, которое я трачу на ожидание, – уже не то математическое время, которое могло бы быть приложено ко всей истории материального мира, если бы она вдруг развернулась в пространстве. Оно совпадает с моим нетерпением, то есть с известной частью моей длительности, которую нельзя произвольно удлинить или сократить. Это уже не область мысли, но область переживания. Это уже не отношение; это принадлежит к абсолютному. Что это может означать, как не то, что стакан воды, сахар и процесс растворения сахара в воде являются только абстракциями и что Целое, из которого они были выделены моими чувствами и моим разумом, развивается, быть может, тем же способом, что и сознание» [8, с. 46].

То есть любой внешний объект, помимо пространственного измерения имеет и временное и процесс самого ожидания позволяет обнаружить эту «не мою» длительность. В этом смысле очень характерны рассуждения о течении музыкаль-

ного переживания в романе. Так, Иохим Цимсен замечает, что длительность и деление музыки на фразы, такты – наполняет время некоторым смыслом, «все время что-нибудь да происходит, и каждое мгновение приобретает какой-то смысл, за который можно ухватиться» [6, с. 209]. Пустота времени и пустота ожидания, которой охвачены обитатели Берггофа как своеобразной душевной болезнью, лечится музыкой и более того, в тексте подчеркивается, – «надо быть благодарным за то, что нам дают хоть немного музыки» [6, с. 208]. Иными словами, музыка дает уже не «метафизическое утешение», согласно словам А. Шопенгауэра, но вполне реальный терапевтический эффект. Однако, Сеттембрини опровергает этот терапевтический эффект, который по сути, является лишь дурманом, «музыка действует как наркотик... А это – дьявольское действие, милостивые государи. Этот наркотик от дьявола, ибо он вызывает отупение, неподвижность, скованность, холопскую бездеятельность..» [6, с. 209].

Вероятно, что данная мысль отразится уже в конце книги в главе под названием «Избыток благозвучий», когда Ганс Касторп уединенно вслушивается в звуки граммофона «музыкальной шкатулки», прослушивая романтическую оперу «Аиду» Дж. Верди, прекрасная музыка которой облагораживала «фактичность» сюжета, смерть двух влюбленных в «духоте могилы». И даже новейшая на тот момент музыка, «Послеполуденный отдых фавна» К. Дебюсси не излечивал музыку от прекрасных романтических грез, но более того, создавала ещё более «рафинированную идиллию», так как «Здесь не требовали никакого «оправдайся!», не возлагали никакой ответственности, никакой военно-духовный суд не угрожал тому, кто забыл честь и потерял себя. Здесь царил великое забвение, блаженная неподвижность, невинность безвременности» [7, с. 371].

Ганс Касторп в конце книги оказывается ввергнутым в «грозное пожарище войны», представляя по сути, некую обобщённую идею Европы или новую человеческую реальность. Пробуждение

происходит внезапно. Все идеи – от рациональной здравости и отвержения «болезненного», в том числе в искусстве Сеттембрини, до парадоксального сочетания тоталитаризма и христианской жертвенности в лице Лео Нафты – оказываются сокрушёнными этой новой реальностью. Новая экспрессионистская эстетика, с её судорожным временем, представляющим «сейсмографическую запись травматического шока» [9, с. 42–43], возможно, явилась наиболее точным отражением времени и сознания начала XX века.

Томас Манн выявляет болезненные состояния сознания европейца, сравнимые с состоянием самопогруженности героини монооперы «Ожидания» А. Шёнберга. Многие современные исследователи усматривают также влияние Р. Вагнера и на экспрессионистическую эстетику в целом, и на данную монооперу Шёнберга. Это влияние прослеживается и в более раннем творчестве («Просветлённая ночь»), и в драме «Ожидание», выражаясь в наслоении квазитристановских аккордов, общей атмосфере томления и ожидания, схожей с первым актом «Тристана и Изольды». Необходимо подчеркнуть то, что границы тональности в данной опере Р. Вагнера уже утратили четкие границы, в отличие от, например, «Нюрнбергских мастерзингеров», которые обладают значительно более рельефной ладовой очерченностью. Важнейшей вехой для гармонии Вагнера явился так называемый «тристан-аккорд» – аккорд *f-h-dis1-gis1* – малый септаккорд, который создаёт внутреннее напряжение и тональную неустойчивость. Р. Вагнер применяет его уже с первых тактов Вступления к «Тристану и Изольде» и этот аккорд не получает своего тонального разрешения. Ю.Н. Холопов называет позднеромантическую тональность «колеблющейся» [11, с. 37]. В опере «Тристан и Изольда» уже используются лейт-комплексы, состоящие из интервалов и развивающихся секвенциобразно. То есть, как можно заключить из вышеизложенного, путь разрушения классической гармонии как последовательно

разрешающихся ладовых тяготений исток своим имеет позднеромантическую гармонию тристан-аккорда. И этот процесс будет продолжен А. Шёнбергом, который, в свою очередь, избегает любых оформленных тем, достигая единообразия в многообразии множества микромотивов. В основе музыкального мышления здесь – равнозначность всех звуков и внимание к их глубинной выразительности, к тем возможностям развития, которые в них заключены.

Моноопера «Ожидание», несмотря на сравнительно небольшие масштабы, написана для полноценного состава оркестра. И связано это, на мой взгляд, именно с эстетическим требованием – концентрацией внимания в звуковом моменте и необходимостью колористического, тембрового многообразия. Для того, чтобы акцентировать восприятие звуковой вертикали, достичь «удержания» внимания в моменте, композитор наделяет каждую группу инструментов тембровой ролью – в соответствии с текстом. Подобный приём можно сравнить с понятием Э. Гуссерля – ретенцией. В работе «Лекции по феноменологии внутреннего сознания времени» («Vorlesungen zur Phänomenologie des inneren Zeitbewußtseins», 1905) Гуссерль характеризует ощущение времени как субъективного внутреннего процесса, используя для его описания музыкальные примеры. «Каждый раз я слышу только настоящую фазу звука и объективность совокупности звука, который длится, создается в континууме действия, которое одной частью является воспоминанием, другой частью, очень маленькой, точной, – восприятием, и последней частью, более широкой, – ожиданием... Каждая ретенция есть в себе непрерывная модификация, которая несет в себе, так сказать, наследие прошлого, принимая форму рядоположенности оттенков» [12, с. 33]. Первичная память основана на некотором «хвосте ретенции», которая и обуславливает восприятие и актуализацию «теперь-точки».

Данный подход может проинтерпретировать экспрессионистические музыкально-эстетические модели,

в частности, музыкальную драму Шёнберга, как попытку объективации феноменов сознания. Бесконечный поток психических явлений представлен в музыкальном материале «как есть», вне попыток психологизации, которая в свою, также не устраивала Гуссерля в теории Франца Брентано. При это, тембровая характеристика, колористическая роль каждой группы оркестра являются своеобразными «ретенциональными хвостами», помогающими достичь целостности восприятия музыкального времени.

Эти интенции в целом прослеживаются в музыкальном экспрессионизме нововенцев, в частности, в одноактных монооперах А. Шёнберга – «Ожидание» (1909), «Счастливая рука» (1913), вокальном цикле «Лунный Пьер» (1912). При этом, выбор художественных средств связан с предельной интенсификацией темпоральной динамики произведения: «Цель “Ожидания”, – писал А. Шёнберг, – показать под временной лупой (Zeitlupe) продолжительность в полчаса то, что происходит за одну секунду величайшего душевного возбуждения» [13, с. 35].

Интерес к пограничным состояниям, к темным глубинам человеческой психики связан, с одной стороны, с влиянием психоанализа, а с другой стороны, с объективными историческими предпосылками (Первая мировая война, националистические и радикальные политические настроения). Избыточность романтизма и стремление преодолеть влияние Р. Вагнера, гегемонии бесконечной мелодии, усталость от романтических средств выражения – воплотились в другой крайности, в максимальном сгущении музыкальной ткани и времени внутри музыкального произведения. Так, в партитуре «Ожидания» кульминацией служит генеральная пауза в такте 158. И это не случайное событие, учитывая философский контекст и последующие рассуждения о молчании М. Хайдеггера и экзистенциалистов. «Язык основывается внутри молчания»: для возможности нового музыкального выражения пауза становится необходимостью, сгу-

щающей и собирающей всё внимание – и исполнителя, и слушателя.

Темпоральные характеристики произведения претерпевают существенные изменения, что выражается в значительном преобразовании метроритмики, смещении акцентов, избытии пауз и, зачастую, в абсолютной трансформации ритмической структуры. Здесь, помимо нововенцев, можно упомянуть творения И. Стравинского, Б. Бартока, С. Прокофьева и многих других композиторов. В. Ценова в своём исследовании, посвященном современной композиции, отмечает, что «Время и ритм фактически оказываются границами одного «потока», «течения»... вопросы времени и ритма находятся... в неразрывном единстве» [15, с. 72].

А. Шёнберг отказывается от тональности и традиционных представлений о гармонических тяготениях, утверждая иные принципы организации композиторского творчества. В частности, в письме к Феруччо Бузони он подчеркивает: «Мое стремление: полное освобождение от всех форм. От всех символов взаимосвязи и логики. Итак: прочь от “мотивной работы”. Прочь от гармонии как цемента или строительного материала архитектуры. Гармония есть выразительность и ничто иное. Далее: прочь от пафоса! Прочь от тяжеловесных длинных сочинений, от возведенных и сконструированных башен, скал и прочего гигантского хлама. Моя музыка должна быть краткой. Сжато! В двух нотах: не строить, но “выразить”!! А результат, на который я рассчитываю: никаких стилизованных и стерилизованных продолжительных чувств. Такого нет у людей: человеку невозможно испытывать в каждый отдельный момент только одно чувство. Их сразу тысячи. И эти тысячи так же плохо суммируются, как яблоки и груши. Они противоречат друг другу. И эту пестроту, это многообразие, эту нелогичность наших ощущений, нелогичность, которая обнаруживается в ассоциациях, нарастающем волнении, какой-нибудь чувственной или нервной реакции, я хотел бы передать в своей музыке. Она должна быть выражением

ощущения как оно есть, связующего нас с нашим бессознательным, а не уродливой смесью ощущения и «осознанной логики»» [16, с. 56–57].

Репрезентация в романтическом стиле (Р. Вагнер) в форме бесконечной мелодии континуальности переживания не считается в экспрессионизме значимой художественной задачей, представляется чем-то отжившим и невозможным более. Об этом пишет Т. Адорно в своей книге «Философия новой музыки»: «Сегодня в распоряжении у композитора находятся отнюдь не все когда-либо применявшиеся комбинации звуков. Убожество и изношенность уменьшенного септаккорда или определенных хроматических проходящих нот в салонной музыке девятнадцатого века заметны даже не слишком изощренному слуху. Для сведущих в технике это смутное беспокойство превращается в канон запретного. Если здесь нет обмана, то сегодня этот канон запрещает уже и средства тональности, т.е. традиционной музыки вообще. Эти созвучия не просто устарели и являются несвоевременными. Они еще и фальшивы. Они больше не выполняют своей функции. Самое передовое состояние технического метода предписывает задачи, по отношению к которым традиционные созвучия проявляются как немощные клише.» [17, с. 12].

Здесь необходимо также отметить, что моноопера Шёнберга «Ожидание» относится к так называемой «Я-драме» (*Ich-Drama*). Наиболее известные образцы этого жанра – «Мертвый день» Э. Барлаха (1912), «Сын» В. Газенклевера (1914), «Человек-зеркало» Ф. Верфеля (1920). Переживания главного героя здесь заполняют все произведение, в течение которого герой претерпевает множество смен настроений, событий внутренней психической жизни. Можно сказать, что образуется полифоническое развитие имманентной жизни героя, его психики. В случае с Шёнбергом этот эффект усиливается тем более, что либретто было написано Марией Паппенхайм – выпускницей медицинского факультета Венского университета. Некоторые специалисты прослеживают связь описания

психических состояний героини «Ожидания» и «Исследований по истерии» (1895), написанными З. Фрейдом совместно с Й. Брейером [18, с. 144–181].

Моноопера Шёнберга экспрессивно презентует сквозной поток эмоций, которые не предполагают никакого дополнительного оформления, в сущности, саму драму можно рассматривать как непосредственное выражение ощущений. В связи с этим перестраивается и переосмыляется вся структура музыкального развития, оркестр всюду следует за вокальной партией, на протяжении всей оперы практически нет оркестровых интерлюдий, лишь короткие эпизоды. Эти эпизоды носят скорее сонорный, колористический характер, могут сравниться со звуками ночного леса, но они также находятся в зависимости от вокальной партии. Если в тексте партии Женщины упоминается лунный свет, то он будет поддержан звучанием арфы и челесты. В партитуре можно выделить четыре сцены, каждая из которых надедена собственной кульминацией, но тем как таковых нет, репризного обрамления также нет. Для восприятия слушателя это четырехчастное деление фактически неуловимо. Звуки природы как бы вторят психологическому состоянию Женщины, являясь своеобразными, объективированными феноменами сознания.

Если подвести некоторый итог всему вышеизложенному, то можно проследить связь философского переосмысления темпоральности и изменения эстетических критериев и форм выразительности в искусстве, в особенности, это касается искусства музыки. Направленность внимания на максимальную целостность восприятия и «сгущение» выразительных музыкальных средств вызывало потребность в обновлении художественного языка, в частности, в переосмыслении музыкальной полифонии в рамках техники серийности и додекафонического письма.

Литература

1. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление, Т. 2 / Пер. с нем. – Мн.: ООО «Попурри», 1999.

2. Васильев В.В. Философия Артура Шопенгауэра // URL: <http://www.academia.edu/4067213>. Vasilyev V.V. The philosophy of Arthur Schopenhauer. 49. // URL: <http://www.academia.edu/4067213>.
3. Вагнер Р. Опера и драма / Пер. с нем. // Избр. работы / Сост. и коммент. И. А.
4. Барсовой и С.А. Ошерова; вступ. ст. А.Ф. Лосева. – М.: Искусство, 1978.
5. Рейхенбах Г. Направление времени. – М.: Прогресс, 1962.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. – Мн: Харвест, 1999.
7. Манн Т. Собр. Соч.: в 8 т. / Томас Манн; [сост. С. Апт]. – Москва: ТЕРА-Книжный клуб, 2009, т. 1.
8. Манн Т. Собр. Соч.: в 8 т. / Томас Манн; [сост. С. Апт]. – Москва: ТЕРА-Книжный клуб, 2009, т. 2.
9. (Бергсон А. Творческая эволюция / пер. с фр. В. Флеровой. М.: Терра-книжный клуб, КАНОН-Пресс, 2001.
10. Adorno Th. Philosophie der neuen Musik. Frankfurt/Main, 1958.
11. Красикова Н.Б. Вокальный стиль в монодраме А. Шенберга «Ожидание» <http://sarcons.ru/science/articles/krasikova-n-b-vokalnyy-stil-v-monodrame-arnolda-shenberga-ozhidanie/>
12. Холопов Ю.Н. Гармония Теоретический курс СПб. [и др.]: Лань, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати) 540, с.: ил., ноты, табл.; ISBN I S - BN5-8114-0516-2 (в пер.)
13. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Том I. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: – Гнозис, 1994.
14. Ruf W. Musiktheater // Die Musik in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von L. Finscher. Sachteil. Bd. 5. Kassel; Stuttgart u.a., 1996.
15. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. с нем. / Составл., переводы, вступ. Статья, примеч. А.В. Михайлов. М.: Издательство «Гнозис», 1993.
16. Ценова В.С. (ред.) Теория современной композиции. – М.: Музыка, 2005.
17. Письмо Шёнберга к Бузони от 18 августа 1909 года (цит. по: Der Briefwechsel zwischen A. Schönberg und F. Busoni / hrsg. von J. Theurich. Berlin, 1979).
18. Адорно, Теодор В. «Философия новой музыки» пер.с.нем Скуратова. – М.: Логос 2001.
19. Carpenter A. Schoenberg's Vienna, Freud's Vienna: Re-examining the connections between the monodrama "Erwartung" and the early history of psychoanalysis // The Musical Quarterly. 2010. Vol. 93. Nr. 1.

AESTHETIC PERCEPTION OF TIME IN THE ART OF THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY: ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL "THE MAGIC MOUNTAIN" BY T. MANN, THE MONO-OPERA "WAITING" BY A. SCHOENBERG AND FIVE PIECES FOR STRING QUARTET BY A. WEBERN

Skobeleva G.A.

Lomonosov Moscow State University

The article explores the phenomenon of time and its perception by the example of the musical art of Arnold Schoenberg ("Expectation", one-act monodrama) and Anton Webern ("Five Plays"), as well as one of the most significant novels of the early twentieth century, "The Magic Mountain" by Thomas Mann, in the context of musical aesthetics and philosophy. New temporal characteristics of dodecaphonic music made it possible to overcome the monologism of romantic melodism and outline original ways of developing the polyphonic principle in musical composition of the twentieth century. The article also shows how the phenomenological interpretation of temporality can be applied to the analysis of the works of the first third of the twentieth century.

Keywords: Aesthetics, Musical Art, The Second Viennese School, Temporality, Dodecaphony, Phenomenology of Time.

References

1. Schopenhauer A. The world as will and representation, T. 2 / Per. with him. – Mn.: ООО Potpourri, 1999.
2. Vasilyev V.V. Philosophy of Arthur Schopenhauer // URL: <http://www.academia.edu/4067213>. Vasilyev V.V. The philosophy

- of Arthur Schopenhauer. 49. // URL: <http://www.academia.edu/4067213>.
3. Wagner R. Opera and drama / Per. with him. // Fav. works / Comp. and comment. I. A.
 4. Barsova and S.A. Osherova; intro. Art. A.F. Losev. – M.: Art, 1978.
 5. Reichenbach G. The direction of time. – M.: Progress, 1962.
 6. Bergson A. Creative evolution. Matter and memory. – Mn: Harvest, 1999.
 7. Mann T. *Sobr. Op.*: in 8 volumes / Thomas Mann; [comp. S. Apt]. – Moscow: TERRA-Book Club, 2009, v.1.
 8. Mann T. *Sobr. Op.*: in 8 volumes / Thomas Mann; [comp. S. Apt]. – Moscow: TERRA-Book Club, 2009, v.2.
 9. (Bergson A. Creative evolution / translated from French by V. Flerova. M.: Terra-book club, CANON-Press, 2001.
 10. Adorno Th. Philosophie der neuen Musik. Frankfurt/Main, 1958.
 11. Krasikova N.B. Vocal style in A. Schoenberg's monodrama "Waiting" <http://sarcons.ru/science/articles/krasikova-n-b-vokalnyy-stil-v-monodrame-arnolda-shenberg-ozhidanie/>
 12. Kholopov Yu.N. Harmony Theoretical Course St. Petersburg. [and others]: Lan, 2003 (GUP IPK Ulyan. Press House) 540, p.: ill., notes. tab.; ISBN ISBN5–8114–0516–2 (in trans.)
 13. Husserl E. Collected works. Volume I. Phenomenology of the inner consciousness of time. M.: – Gnosis, 1994.
 14. Ruf W. Musiktheater // Die Musik in Geschichte und Gegenwart / hrsg. von L. Finscher. Sachteil. bd. 5. Kassel; Stuttgart u.a., 1996.
 15. Heidegger M. Works and reflections of different years. Per. with him. / Compiled, translated, introductory. Article, note. A. V. MIKHAILOV Moscow: Gnosis Publishing House, 1993.
 16. Tsenova V.S. (ed.) The theory of modern composition. – M.: Music, 2005.
 17. Schoenberg's letter to Busoni, August 18, 1909 (quoted in Der Briefwechsel zwischen A. Schönberg und F. Busoni / hrsg. von J. Theurich. Berlin, 1979).
 18. Adorno, Theodor V. "Philosophy of new music" translated by Skuratov. – M.: Logos 2001.
 19. Carpenter A. Schoenberg's Vienna, Freud's Vienna: Re-examining the connections between the monodrama "Erwartung" and the early history of psychoanalysis // The Musical Quarterly. 2010 Vol. 93. No. 1.

Влияние идей русского космизма в развитии философии трансгуманизма и постгуманизма

Новопашин Сергей Александрович,

аспирант кафедры философии и права Сургутского государственного университета
E-mail: novoserge62@mail.ru

В статье дается краткий анализ русского космизма как философии, предшествовавшей современному трансгуманизму, и частично, постгуманизму, в их сходстве и сравнении. Истоки транс- и постгуманизма вызывает определенный интерес с позиций философии космизма в целом, и русского космизма, в частности, что свидетельствуют о заявленной теме, как дискуссионной и неоднозначной.

Цель – выявить содержание и сравнение ключевых идей философии русского космизма, повлиявших на становление современного трансгуманизма и постгуманизма. *Методы*: анализ, компаративистика, индуктивное обобщение. *Результаты*: раскрыты социальные контексты становления и формирования транс- и постгуманизма, позволяющие выделить его идейное и эпистемологическое содержание, их корреляцию с идеями философии русского космизма. *Выводы*. Исследование философских истоков концепций транс- и постгуманизма показывает, что рассмотрение и анализ транс- и постгуманизма как процесса, выявляет формирование предпосылок для создания концепции нового человека (постчеловека), при этом устанавливается, через рассмотрение специфики русского космизма, корреляции между идеями философов-космистов и современными транс- и постгуманистическими идеями и проектами; обнаружение прототипа «постчеловеческого» существа в работах Н. Федорова, А. Горского, Н. Сетницкого, В. Муравьева.

Ключевые слова: русский космизм, космисты, трансгуманизм, постгуманизм, трансчеловек, постчеловек, экстропианство, иммортализм.

Заявленная тема прослеживается в ряде известных работ авторов, в которых изложены теоретические основы русского космизма, среди них – Н.А. Умов, К.Э. Циолковский, А.А. Богданов, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.; имморталистский акцент сделан в трудах Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского; среди современных авторов отметим работы М. Ельчанинофф (Франция, 2022), А.В. Суслова (2021), Г.П. Ковалевой Г.П. (2019), Б.Г. Юдина (2018), Е.Ю. Забелиной (2018), Р.А. Бурханова (2016) и др.

По теме транс- и постгуманизма отметим недавние труды: Ф. Феррандо (2022), Р. Брайдотти Р. (2021), а также работы А. Криман (2019), Т. Żółkowska, K. Kaliszewska (2019), J.S. Baumlin (2020), D. Summers (2021), K.P. Nayar (2021), E. Graham (2021) и др.

Связь с космосом как с совершенным, организованным, упорядоченным началом стала для космической философии и русского космизма ведущей линией рассуждения, а реализация этой связи – выход человечества за пределы своей планеты и обретение бессмертия. Именно *имморталистский* посыл космической философии стал трендом и современного трансгуманизма, и, соответственно, постгуманизма.

Идеи космистов об усовершенствовании человека, улучшении его как духовно-нравственных, так и телесных качеств, как и их радикальная трансформация (в случае «лучистых тел» у Циолковского) стали основной идеей трансгуманизма, как его понимал Джулиан Хаксли, биолог-генетик, со-основатель синтетической теории эволюции, первый генеральный директор ЮНЕСКО, человек, убежденный в прогрессе человечества, изложивший свои гуманистические взгляды в 1927 году в книге «Религия без откровения» [10] и в эссе «Трансгуманизм» в книге «В новых бутылках для нового вина» [11, р. 13–17].

Дж. Хаксли, как и представителей русского космизма (в лице В. Вернадского и др.) роднит убеждение в том, что эволюция человека, антропосферы и всей биосферы, приводит к возникновению «сферы разума» – ноосферы. Тем самым Вселенная начинает осознавать саму себя через отдельных носителей разума планеты Земля с последующим увеличением количества таких носителей. Речь идет о некоем «космическом самоосознании», и, по утверждению Б.Г. Юдина «такое космическое самоосознание впервые осуществляется, по крайней мере, на нашей планете, именно в наше время и притом посредством одного из тончайших фрагментов Вселенной, который составлен из немногих человеческих существ» [8, с. 340].

Так и в понимании философа космизма Н.Ф. Фёдорова, который, говоря о достижении человеком бессмертия, возможного в физическом аспекте – через его вхождение в систему глобальной космической эволюции, а в духовно-нравственном смысле – через соединение смысла индивидуально-личностного и надличностного, сверхчеловеческого бытия, по сути, предрекал появление человека, превосходящего свои изначальные видовые параметры (как физические, так и духовные, и интеллектуальные).

Своеобразно «адаптировав» натуралистический реализм и эволюционизм к библейскому креационизму в его *православном мировоззрении*, Федоров дал тот интеллектуальный импульс, который вызвал к жизни русский космизм и идеи переустройства мира. Что повлияло не только на смыслы и цели революции 1917 года, но и задало в СССР вектор на освоение космоса и создание «человека будущего». При этом «человек будущего» понимался скорее, в эволюционном ключе, нежели в ницшевском *Übermensch*, и имел черты *постчеловеческого, полубожественного существа*, для которого нет более тайн бытия, ибо он смог переустроить его согласно своим целям. Но это уже не авраамизм, и не эволюционизм.

Мишель Ельчанинофф в своей новой книге «Ленин шагает по Луне. Безумная история русских космистов и трансгуманистов» [9], указывая на русский космизм как предтечу и как причину появления современного транс- и постгуманизма, сблизил «тоталитарное учение» русского философа Н.Ф. Федорова с картинами постчеловеческого «рая» в ряде работ современных апологетов транс- и постгуманизма.

Ельчанинофф, правомерно отмечая первенство русских теологов, философов и ученых, которые «постулировали принципиальную взаимозависимость между людьми и вселенной» также отмечает и отличия трансгуманизма в современном понимании от русского космизма.

Основная идея трансгуманизма, пишет Ельчанинофф: «*конечно, отлична от идеи космизма. Вместо того, чтобы придать человеку космическое измерение, речь идет о том, чтобы выйти за пределы нашей человечности, разрушив то, что составляет его главную характеристику, конечность. Благодаря совместному прогрессу биологии, медицины, нанотехнологий, когнитивистики и информатики исследователи утверждают, что предлагают человеку значительно растянутое (во времени – С.Н.) существование, даже бессмертие*» [9, р. 16].

Как бы то ни было, преодоление смерти, как необходимое условие (в понимании трансгуманистов) является уже у Федорова условием остановки истории, что необходимо для обретения высшего состояния бытия, так как в совершающейся истории настоящее обязательно приносится в жертву будущему.

Как подтверждение мыслей автора «Философии общего дела» в разгар Гражданской войны (1917–1923) образовалась группа биокосмистов-иммортиалистов, отрицавшая смерть как логически-абсурдную, этически-нелюбимую и эстетически-уродливую и выступала за «галактическое освобождение» от государства, призывая к немедленному установлению космических коммуникаций. При этом выдвигает

лись два основных требования: свобода передвижения в космическом пространстве и право на вечную жизнь.

Человек изменится, считал Федоров, и его органы будут преобразованы посредством *психофизиологической регуляции*. Человечество научится воссоздавать людей «из самых первоначальных веществ, атомов, молекул», и тогда преобразённый человек «будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы и быть в гостях... во всех мирах, как самых отдаленных, так и самых близких» [6, с. 405].

Выходя из этого брэнного мира, мы исполняем миссию Божию, писал Федоров, и божественное слово становится нашим божественным действием: «задача заключается в том, чтобы и самую природу, силы природы, обратить в орудие всеобщего воскрешения и чрез всеобщее воскрешение стать союзом бессмертных существ» [6, с. 87].

Имморталистский вектор русского космизма, рожденный в дискурсе евангельского послания о «жизни вечной», адаптированный космистами советского периода для программных целей «Морального кодекса строителя коммунизма» и «человека – покорителя космоса» требовал исполнения тех морально-нравственных норм, которые несут эти учения.

Управляемая эволюция – это не только новые способности человека, позволяющие направлять эволюционный процесс, это и непомерная ответственность перед Вселенной, перед человечеством, а для монотеиста – перед Всевышним, что требует однозначно определенных нравственных норм от его носителя. Такое понимание эволюции биосферы и человека требует от него и максимально полной реализации внутренних потенций, что еще со времен Сократа следует понимать, опять же, – сквозь призму «этикос».

И если взгляды Хаксли на природу человека и возможности его усовершенствования принципиально не расходились с таковыми же у представителей русского космизма, то современная трактовка понятия «трансгуманизм», как его

сформулировал Макс Мор (О`Коннор) и какие смыслы он вкладывает в него, как минимум, настораживают, диссонируя с космистским пониманием «преображения человека» («преобразование» здесь понимается как рамках христианского дискурса, так и в эволюционно-теологическом контексте «преображения мира» Тейяра де Шардена).

Однако Макс Мор (как заявивший о себе *философ экстропии*) склонен считать религию фактором *энтропии*, которая, по его убеждению, противостоит «нашему продвижению к трансчеловечности и нашему будущему как постлюдей» [14], признавая, тем не менее, и положительное влияние религий, придающих, как минимум, смысл человеческого существования.

В традиции же русской философской мысли – в лице Православия, именно религия задает импульс и трансцендентное измерение русской космической философии. Аналогичный импульс задается и гуманизмом, и ориентацией на сциентизм, выросшие из Просвещения и бэконизма, что легло в основу и эволюционизма, в синтетическую теорию которого внес весомый, если ни наибольший вклад Джулиан Хаксли. И космизм, в том числе в его русской версии XIX – начала XX веков, и эволюционизм, по мнению философа Александра Дугина, имеют одни метафизические корни, отсылающие к понятиям «волшебной материи» «мистико-материалистической» протоидеологии [3, с. 88].

Так или иначе, и космизм (берущий начало еще в античности) во всех своих интерпретациях, и научно обоснованный эволюционизм развивались в рамках *классической парадигмы философского мышления*, поэтому их объединяет общая *вертикальная дискурсивность*, правомерно отмечает А.В. Сулов [5, с. 73], их отношение к *метафизическому*, их соизмеримость с *метафизическим*.

Поэтому и идеи трансгуманизма, – в представлении русских космистов (пусть и без указанного названия) и в эволюционистских взглядах Дж. Хаксли принципиально отличаются от трансгуманистических моделей экс-

тропианцев, киберфеминисток, аполло-гетов технологической сингулярности, проектировщиков биотехнологического «улучшения» человека, пропагандистов мультикультурализма, транссексуализма и размытых гендерных отличий. Касательно последних, заметим, что откровенно навязываемое компанией Netflix представление о том, что эволюционные изменения (мутации и эволюционные скачки технологического происхождения) человеческой природы, приводящие их обладателей к состоянию трансчеловека / постчеловека, в обязательном порядке сопряжены с изменениями их полового поведения и конституции. Так, например, «Восьмое чувство» (англ. *Sense8* – игра слов, построенная на созвучии названия со словом *sensate*) – американский научно-фантастический драматический телесериал, созданный трансгендерами Ланой и Лилли Вачовски совместно с Дж. Майклом Стражински для потокового сервиса Netflix (2015–2018 гг.).

Но, идеологи и сторонники «нового трансгуманизма» попадают в ловушку своего либерального сознания, опирающегося на изначальную *неметафизичность*, отрицающего любые вертикали – идейные, сакральные, трансцендентные, и ориентированного лишь на микширование жанров, сюжетов, образцов в парадигме постмодернизма, – в *горизонтальном* мире «устойчивого развития». Единственной допустимой вертикалью в таком, горизонтальном измерении, является *ложная вертикаль* J-графика, якобы выражающего (согласно Р. Курцвейлу) суть технологической сингулярности. Ложная, – по причине того, что, невзирая на заверения Р. Курцвейла, график технологической сингулярности, «мгновенного вертикального роста» – по типу J, заканчивается вполне естественным для волнового, циклического развития графиком по типу S. Итогом (как бы бесконечно растянутом во времени, согласно учению о Singularity) и *содержанием сингулярности по Курцвейлу* становится, как отмечалось ранее в наших работах, *приход постчеловека* [2, с. 12]. При этом аксиология человека неизбежно транс-

формируется под влиянием «встройки в наше общество» «небиологического интеллекта» [12, р. 424].

Каковым предполагается этот «небиологический интеллект», можно, в некоторой степени, судить по работе Розы Брайдотти «Постчеловек», где нечто, названное Брайдотти *Zoe*, представляет собой «генеративную витальность», «человеческую и нечеловеческую разумную материю» [1, с. 118,120].

Конечно, трансгуманисты, как и космисты – за радикального продления человеческой жизни, молодости и здоровья, за возможности и способности для вида Хомо сапиенс взять эволюцию человека в свои руки.

Однако прямой связи космизма и постгуманизма не прослеживается, при этом, как уже ранее отмечалось, таковая существует между космизмом и трансгуманизмом, который собственно и является одной из версий (доминирующих сегодня) в продолжение первого. Но трансгуманизм при этом предполагает и некие, и даже радикальные перемены в самой природе человека, но как продолжение заложенных в его же природе потенциалов. В частности, Брэдли Ониши в своей работе «Хайдеггер, Информация, и Тела: прослеживание видений постчеловеческого» предлагает в указанной зависимости космизма и трансгуманизма термин «ультра-гуманизм» [15, р. 103].

В этом, по мнению Франчески Феррандо, принципиальное отличие трансгуманизма от постгуманизма, т.к. «постгуманизм – это *пост-гуманизм* (но также *пост-антропоцентризм* и *пост-дуализм*)» [7, с. 71], и, в пределе – у Розы Брайдотти, – постгуманизм есть продолжение *анти-гуманизма*. Так, в понимании Брайдотти, субъект постгуманизма – это некая «трансверсальная сущность», имманентная сети *нечеловеческих* отношений [животных, растительных, вирусных], т.н. *Zoe* [1, с. 118, с. 370], тогда как в трансгуманизме субъектность человека не оспаривается.

И если постгуманизм *снимает* не только гуманизм, ставя своей предтечей анти-гуманизм, но и его порождения

идеологию, философию, религию, то современный трансгуманизм не отрицает какие-либо идеологии, философии и религии, – он всеяден, как всеядна культура New Age (Новая эпоха), апологеты которой презентует себя, как самые что ни на есть современные и прогрессивные представители вида, готовые к дальнейшим и радикальным изменениям своей природы.

Вот почему, пишет Роберто Манзокко: «мы можем найти смешение трансгуманизма с либерализмом, анархизмом, социализмом, коммунизмом, фашизмом, атеизмом, христианством, мормонизмом и так далее. Точно так же мы можем смешать трансгуманизм с любым философским взглядом на реальность, например, с материалистическим редукционизмом, наивным реализмом, постгуманизмом и, конечно же, с идеей Фридриха Ницше...» [13, р.2]. Лишний раз это подтверждает постулирование А.В. Сусловым *трансгуманизма как заложника горизонтальной дискурсивности*.

И хотя М. Ельчанинофф и «выводит» современный трансгуманизм из русского космизма, но следует принимать позицию «русского француза» с определённым допущением, учитывая некоторую его поверхностность суждений.

Трансгуманизм – всего лишь популяризованная агрегация из идей, учений и их фрагментов, которые в той или иной степени касаются темы о возможности улучшения человеческих способностей с помощью технических или генетико-биологических средств. Отсюда и провозглашаемая сторонниками транс- и постгуманизма, потенциальная доступность таких средств, а следовательно, легковесность суждений «массового человека» и его внушаемость, готовность очаровываться обещанными «сверхчеловеческими» способностями.

Мало того, само общество уже находится некоем состоянии перехода («транс-общество»), приобретающая контуры некоего *постобщества*, которое от глобального актуального общества отличается переходом от «индивидуальной идентификации к дивидуальной и на первый план выходит постчелове-

ческий горизонт в своих различных воплощениях» [4, с. 365].

В трансгуманизме, и, в пределе, – в постгуманизме, человек дивидуальный («распыленный») по сути, лишается базовых антропологических оснований, и «перестает быть человеком в его традиционном понимании» [5, с. 75].

Тогда как русский космизм, представляющий собой комплекс философских, религиозных и научных учений, имеющий свои корни еще в философии античности и Просвещения, не только отрицает Человека, его *сущность*, но провозглашает его ответственным за судьбы Вселенной.

Литература

1. Брайдотти Р. Постчеловек. М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
2. Гагарин А.С., Новопашин С.А. Концепция постчеловека: проблема субъектности и экзистенциальные основания бытия человека // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. Гуманитарные исследования, 2022,– № 2(35). – С. 9–14.
3. Дугин А.Г. Метафизические корни политических идеологий // Мильный ангел. Эзотерической ревю. – М.: «Арктогея». – С. 82–90.
4. Дугин А.Г. Этносоциология. – М.: Академический Проект, 2011. – 634 с.
5. Сулов А.В. Русский космизм и трансгуманизм в полемике между антропологическим волюнтаризмом и провиденциализмом // Философская мысль. – 2021. – № 8. – С. 65–77.
6. Фёдоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. – М.: Изд.-ая группа «Прогресс», 1995. – 518 с.
7. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Павлова; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. –360 с.
8. Юдин Б.Г. Человек: выход за пределы. – М.: Прогресс-Традиция, 2018. – 472 с.
9. Eltchaninoff, M. Lénine a marché sur la lune. La folle histoire des cosmistes et

- transhumanistes russes. – Arle: Solin-Actes Sud, 2022. – 256 p.
10. Huxley, Julian. Religion without revelation. – New York; London: Harper & Brothers, 1927. – 392 p.
 11. Huxley J. Transhumanism // Huxley J. In New Bottles for New Wine. – L., 1957. – 320 p.
 12. Kurzweil, R. The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology. – New York: Penguin, 2005. – 428 p.
 13. Manzocco, R. Book review: Nietzsche and Transhumanism: Precursor or Enemy?, ed. Yunus Tuncel. // Journal of Evolution and Technology, 2017. – Vol. 27, Issue 2. – p.1–3.
 14. More, M. Transhumanism – Towards a Futurist Philosophy // Max More.com: (сайт), 1990, revised 1996. – URL: <http://www.maxmore.com/transhum.htm> (дата обращения 01.03.2023);
 15. Onishi, B. Heidegger, Information, and Bodies: Tracing Visions of the Posthuman // Sophia: International Journal for the Philosophy of Religion, 2011. – V.50. –No.1. – p.101–112.

THE INFLUENCE OF THE IDEAS OF RUSSIAN COSMISM IN THE DEVELOPMENT OF THE PHILOSOPHY OF TRANSHUMANISM AND POSTHUMANISM

Novopashin S.A.
Surgut State University

The article gives a brief analysis of Russian cosmism as a philosophy that preceded modern transhumanism, and in part, posthumanism, in their similarity and comparison. The origins of trans- and posthumanism arouse a certain interest from the standpoint of the philosophy of cosmism in general, and Russian cosmism, in particular, which indicate the stated topic as debatable and ambiguous.

The *purpose* is to identify the content and comparison of the key ideas of the philosophy of Russian cosmism, which influenced the formation of modern transhumanism and posthumanism. *Methods*: analysis, comparative studies, inductive generalization. *Results*: social contexts of the formation and formation of trans- and posthumanism are revealed, allowing to highlight its ideological and epistemological content, their correlation with the ideas of the philoso-

phy of Russian cosmism. *Findings*. The study of the philosophical origins of the concepts of trans- and posthumanism shows that the consideration and analysis of trans- and posthumanism as a process reveals the formation of prerequisites for the creation of the concept of a new person (posthuman), while establishing, through consideration of the specifics of Russian cosmism, the correlation between the ideas of philosophers-cosmists and modern trans- and posthumanist ideas and projects; discovery of the prototype of the “posthuman” creature in the works of N. Fedorov, A. Gorsky, N. Setnitsky, V. Muravyov.

Keywords: Russian cosmism, cosmists, transhumanism, posthumanism, transhuman, posthuman, extropianism, immortalism.

References

1. Bridotti R. Posthuman. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2021. – 408 p.
2. Gagarin A.S., Novopashin S.A. The concept of posthuman: the problem of subjectivity and existential foundations of human existence // Vestn. Omsk. state ped. university Humanitarian Research, 2022, No. 2(35). – P. 9–14.
3. Dugin A.G. Metaphysical roots of political ideologies // Dear Angel. Esoteric revue. – M.: “Arktogeya”. – P. 82–90.
4. Dugin A.G. Ethnosociology. – M.: Academic Project, 2011. – 634 p.
5. Suslov A.V. Russian cosmism and transhumanism in the controversy between anthropological voluntarism and providentialism // Philosophical Thought. – 2021. – No. 8. – P. 65–77.
6. Fedorov N.F. Collected works: in 4 vols. Volume I. – M.: Progress Publishing Group, 1995. – 518 p.
7. Ferrando F. Philosophical posthumanism / per. from English. D. Kralchikina; under scientific ed. A. Pavlova; National Research University “Higher School of Economics”. – M.: Ed. house of the Higher School of Economics, 2021. – 360 p.
8. Yudin B.G. Man: going beyond. – M.: Progress-Tradition, 2018. – 472 p.
9. Eltchaninoff, M. Lénine a marché sur la lune. La folle histoire des cosmistes et transhumanistes russes. – Arle: Solin-Actes Sud, 2022. – 256 p.
10. Huxley, Julian. Religion without revelation. – New York; London: Harper & Brothers, 1927. – 392 p.

11. Huxley J. Transhumanism // Huxley J. In *New Bottles for New Wine*. – L., 1957. – 320 p.
12. Kurzweil, R. *The Singularity is Near: When Humans Transcend Biology*. – New York: Penguin, 2005. – 428 p.
13. Manzocco, R. Book review: Nietzsche and Transhumanism: Precursor or Enemy?, ed. Yunus Tuncel. // *Journal of Evolution and Technology*, 2017. – Vol. 27, Issue 2. – p.1–3.
14. More, M. Transhumanism – Towards a Futurist Philosophy // *Max More.com*: (website), 1990, revised 1996. – URL: <http://www.maxmore.com/transhum.htm> (Accessed 03/01/2023);
15. Onishi, B. Heidegger, Information, and Bodies: Tracing Visions of the Posthuman // *Sophia: International Journal for the Philosophy of Religion*, 2011. – V.50. –No.1. – p.101–112.

Социально-феноменологический подход к исследованию интерсубъективности в системе субъективного времени индивида с ограниченными возможностями

Попов Виталий Владимирович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и философии права Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Ключевые слова: включающее общество, субъективное время, интерсубъективность, интенциональная темпоральность, социальная коммуникация, ограниченные возможности (ОВ).

Показывается, что субъективное время представляется как своеобразная интенционально-ориентированная длительность в жизни человека с ОВ во включающем социуме. Демонстрируется, что можно выделить два базовых уровня в интерсубъективности: интерсубъективность выступает в качестве обязательного условия и предпосылки социальной коммуникации, соотносённости локальных индивидуальных сознаний со способностью их интервосприятия с учетом особенностей мира повседневности включающего общества: интерсубъективность выступает в качестве совокупности смыслов, возникающих в рамках социальной коммуникации. Анализируются ситуации, в которых постулирование значимости феномена интерсубъективности не означает перенесение исследовательского акцента с индивида на локальное межсубъектное пространство, так как интерсубъективный мир формируется в качестве части повседневного мира человеческих интенциональных представлений и объектов. Показывается, что основные сферы структуры человеческого сознания упорядочивают сосуществование сегментов интенциональной темпоральности и индивидуально-ментальной темпоральности. Постулируется, что интенциональная темпоральность имманентно трансформируется в индивидуальное время, демонстрирующее специфику внутреннего опыта и отличительные особенности ментальных образов индивида с ограниченными возможностями как необходимых этапов становления системы социальных событий, получающих индексацию в индивидуальном сознании. Выявляется, что индивидуально-ментальная темпоральность выделяется при рассмотрении уникальных и стереотипных форм наглядно-образного перенесения всего комплекса переживаний индивидуально-наличной событийности в сферы человеческого сознания.

Исследование выполнено за счет гранта Российской государственной научной фонды № 22-28-00515, <https://rscf.ru/project/22-28-00515/> в Ростовском государственном экономическом университете в рамках научно-исследовательского проекта «Субъективное время индивидов с ограниченными возможностями во включающем обществе» (Руководитель: профессор В.В. Попов).

Введение

Рассмотрение специфики субъективного времени является актуальным в систематическом анализе особенностей функционирования и механизмов существования общества включающего, являющегося пространством жизнедеятельности людей с ограниченными возможностями. Традиция становления философской мысли показывает, что понимание субъективного времени связывается с процессами переживания и проживания человеком некоторого настоящего момента собственного индивидуально-существования. Представление адекватной теории инклюзии предполагает систематизацию существующих базисных подходов с позиции концептуализации фрагментов полученных знаний об обществе инклюзии и инклюзивных практиках. Постулируем, что приоритетно субъективное время представляется как своеобразная интенционально-ориентированная длительность в жизни человека с ограниченными возможностями во включающем социуме.

Основная часть

Исследование субъективного времени непосредственно связано с использованием темпоральной референции, например с моментами времени соотносятся этапы аккумуляции индивидуально-опыта на основе результатов человеческой жизнедеятельности. С другой стороны, значимым является параметр интенциональных трансформаций субъективного времени, показывающий «поток» переживаний и ментальных образов людей с ОВ. Базовые характеристики субъективного времени демонстрируют его особую значимость в процессе вовлечения человека в повседневное пространство включающего социума, а также они определяют основные постулаты интерсубъективности.

Постулирование значимости феномена интерсубъективности не означает перенесение исследовательского акцента с индивида на локальное межсубъектное пространство, так как интерсубъективный мир формируется в качестве

части повседневного мира человеческих интенциональных представлений и объектов. В подобном понимании включающий микросоциум раскрывается в двух измерениях: во-первых, как повседневная реальность особой социальной группы людей с ограниченными возможностями (ОВ), и во-вторых, индивид способен интерпретировать подобные смыслы в контексте собственного личностного восприятия. В этой связи интерсубъективность правомерно рассматривать предпосылкой и основным условием социальной коммуникации. При этом интерсубъективность представляется и в качестве результата социальной коммуникации, внутри которой появляются различные личностно-ориентированные смыслы. Поэтому можно выделить два базовых уровня в интерсубъективности: с одной стороны, интерсубъективность в качестве обязательного условия и предпосылки социальной коммуникации, соотносённости локальных индивидуальных сознаний со способностью их интервосприятия с учетом особенностей мира повседневности включающего общества (то есть, интерсубъективность субстанциональна); и с другой стороны – интерсубъективность выступает в качестве совокупности смыслов, возникающих в рамках социальной коммуникации, что значимо и актуально в жизнедеятельности микросоциума инклюзии (то есть, интерсубъективность – результат социальной коммуникации).

Оригинальное изучение инструментально-прикладных и теоретических моментов инклюзивного пространства провел А.Ю. Шеманов [10]. По его мнению, формирование общества инклюзии осуществляется посредством интенционально-темпоральной субъективации человеком стереотипов, смыслов, установок и ценностей, осознанных и сформированных в рамках их взаимосвязей и взаимодействия. Достижение ценностных установок инклюзивного социума вызывает необходимость комплексных трансформаций и преобразований данного социума в последовательных периодах времени, его базисных принципов и инсти-

тутов, касающихся конструированием адекватных условий и благоприятной среды для функционирования механизмов продуктивной включенности человека с ОВ в инклюзивное пространство. В этой связи А.Ю. Шеманов представляет приоритетные направления соотнесения моделей стереотипного поведения индивидов с концепцией эффективных сценариев вовлечения и вхождения человека в инклюзивный микросоциум. Подобное соотнесение отражает корреляцию идей конструктивизма в инклюзивных теориях и координацию социально-ориентированной и индивидуально-ориентированной моделей рассматривания общества включающего. Отметим, что обсуждение структурных и концептуальных особенностей общества инклюзии, его имманентных духовных регуляторов в контексте субъективного времени человека с ОВ, должно выйти на новый систематический уровень.

Значительный интерес к развитию теоретический оснований концепции инклюзии наметился в исследованиях А. Хикки-Муди и Р. Сли [13], [16]. Так, А. Хикки-Муди рассматривает идеи инклюзивного пространства в соотнесении с теорией эгалитаризма, основывающейся на постулате равенства, понимаемого как наличие равнозначного первоначального социального статуса и перспектив развития для различных социальных групп. Эффективное функционирование общества инклюзии предполагает ситуацию, в которой из сферы социальной коммуникации и партнерства полностью элиминированы постулаты бинарного противопоставления индивидов относительно оценки их жизнедеятельности в социальной группе. В повседневной инклюзивной реальности осуществляется отказ от использования бинарных понятий «адекватный-неадекватный», «способный»-«неспособный» «обычный человек»-«инвалид» и т.п. Постулаты бинарного противопоставления деформируют «мягкие» сценарии формирования инклюзивного социума, искажая интерпретацию сущности индивидуального бытия человека с ОВ. Особенностью конструирования моде-

ли включающего общества в варианте А. Хикки-Муди является применение структурно-функционального подхода к социальной коммуникации и социальному партнерству, что дает возможность определения механизмов конструирования темпорально-упорядоченных социальных лифтов в качестве оптимизации «вхождения» в пространство инклюзии людей с ОВ. Тем самым, А. Хикки-Муди отмечает значимость социально-ориентированных инклюзивных практик и технологий в формировании системы инклюзивного образования. При этом стратегия и идеология становления повседневного инклюзивного пространства, мировоззренческие и ценностно-целевые моменты, сегменты интенциональности и интерсубъективности субъективного времени открывают перспективы дальнейших систематических исследований.

Теория интенционально-социального действия является основой систематизации идей построения инклюзивного общества Р. Сли. Предложенная им модель подразумевает идентификацию людей с ограниченными возможностями по установкам, стереотипам и нормам, реализуемым в повседневной инклюзивной реальности, свободной от декларирования определенных дискриминационных принципов применительно к индивидам с ОВ. Базовыми понятиями такой модели являются понятия «нарушение» и «неспособность», означающие негативные физические психологические или физиологические параметры индивидов с ОВ. Однако систематическое исследование в этом направлении у Р. Сли отсутствует, хотя он справедливо констатирует, что базовые понятия интенционально-социальной модели должны быть ориентированы на выявление особенностей повседневного бытия людей с ОВ в обществе инклюзии.

Основные сферы структуры человеческого сознания упорядочивают существование сегментов интенциональной темпоральности и индивидуальноментальной темпоральности. С функциональной позиции, интенциональная темпоральность коррелирует с особен-

ностями процессов переживания человеком с ОВ своего собственного существования и жизнедеятельности в обществе включающем. В свою очередь, индивидуально-ментальная темпоральность выделяется при рассмотрении уникальных и стереотипных форм наглядно-образного перенесения всего комплекса переживаний индивидуально-наличной событийности в сферы человеческого сознания. В этой связи интенциональная темпоральность имманентно трансформируется в индивидуальное время, демонстрирующее специфику внутреннего опыта и отличительные особенности ментальных образов индивида с ограниченными возможностями как необходимых этапов становления системы социальных событий, получающих индексацию в индивидуальном сознании. Воспринимая систему подобных событий, индивид с ОВ непосредственно погружается в процессы темпорального переживания и проживания всего комплекса событий трансформирующегося социума. Естественно, что внутренне-определенная темпоральность индивида соотносится с происходящими преобразованиями и изменениями в структуре инклюзивного общества, отражая его открытость и нестабильность. Конечно, такая нестабильность заметно активизирует проектно-мыслительную человеческую деятельность, инициирующую реальный поиск спектра возможностей по совершенствованию условий и механизмов жизнедеятельности и существования людей с ОВ в инклюзивном микросоциуме. Приоритетом становятся особенности приспособления индивидов с ограниченными возможностями к взаимоотношениям и взаимодействиям в социуме.

Заключение

Интерсубъективность аккумулирует опыт различных индивидов, которые находятся в рамках локально-коммуникативных связей, предполагающих корреляцию самих субъектов опыта. В условиях трансформационных процессов, касающихся социальной структуры современного общества, актуальной и значимой стано-

вится проблема коммуникативных связей и взаимодействий, когда исследовательский приоритет связан с социальной коммуникацией в русле интерсубъективности и диалога.

Литература

1. Аверина Н.В., Лойтаренко М.В., Попов В.В., Щеглов Б.С. Особенности альтернативности в социальных трансформациях // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 9–9. С. 2115–2119.
2. НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ИНФОРМАЦИЯ, АНАЛИЗ, ПРОГНОЗ. Липская Т.А., Алдашова Е.Н., Атласов И.В., Батракова Т.С., Воронина Л.В., Гринь А.И., Гущина О.М., Донских Т.П., Дроздова Н.В., Егоров Д.В., Ильченко И.А., Каменева И.Ю., Колобова Н.Н., Кондратьева М.В., Копытина М.Ю., Липич В.В., Мифтахова Г.М., Никитина В.В., Парахонский А.П., Попрядухина Е.А. и др. Под общей редакцией профессора О.И. Кирикова / Воронежский государственный педагогический университет. Воронеж, 2009. Том 25. 244 с.
3. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2017. № 3–2. С. 315–318.
4. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // *Философия права*. 2015. № 2 (69). С. 23–27.
5. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–25. С. 5743–5747.
6. Попов В.В., Щеглов Б.С., Степанищев С.А. Особенности корреляции социального времени и социального действия // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–4. С. 868–871.
7. Попов В.В., Лойтаренко М.В. Фактор темпоральности, переходные состояния и социальные противоречия // *Между-*

- народный журнал экспериментального образования. 2014. № 8–2. С. 38–41.
8. Попов В.В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // Научная мысль Кавказа. 2006. № 1. С. 24.
 9. Попов В.В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени // Философские науки. 1991. № 5. С. 174–177.
 10. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25–38.
 11. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // Pro et contra. 2015. № 2 (1). P.6–19.
 12. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? // Journal of Disability Policy Studies. 2002. № 13 (3). P.144–152.
 13. Hickey-Moody, A. «Turning away» from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // Critical Studies in Education. 2010. № 44 (1). P. 1–22.
 14. Jenkinson, J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability // Disability, Handicap and Society. 2008. № 8 (4). P. 361–375.
 15. Rudolph, R.E. Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement. // Philosophical Studies. 2018. № 177(1). P. 197–217.
 16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. International Studies in Sociology of Education. 2016. № 18 (2). P. 99–116.

SOCIO-PHENOMENOLOGICAL APPROACH TO INTERSUBJECTIVITY IN THE SYSTEM OF SUBJECTIVE TIME OF AN INDIVIDUAL WITH LIMITED POSSIBILITIES

Popov V.V.

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) of the Rostov State Economic University (RSEU)

It is shown that subjective time is presented as a kind of intentionally oriented duration in the life of a person with OB in an inclusive society. It is demonstrated that it is possible to distinguish two basic levels in intersubjectivity: intersubjectivity acts as a prerequisite and a prerequisite for social communication, the correlation of local individual consciousnesses with the ability of their interperception, taking into account the features of the everyday world of the inclusive society: intersubjectivity acts as a set of meanings that arise within the framework of social communication. Situations are analyzed in which postulating the significance of the phenomenon of intersubjectivity does not mean shifting the research focus from the individual to the local intersubjective space, since the intersubjective world is formed as part of the everyday world of human intentional representations and objects. It is shown that the main spheres of the structure of human consciousness regulate the coexistence of segments of intentional temporality and individual mental temporality. It is postulated that intentional temporality is immanently transformed into individual time, demonstrating the specifics of inner experience and the distinctive features of the mental images of an individual with disabilities as necessary stages in the formation of a system of social events that are indexed in individual consciousness. It is revealed that individual-mental temporality stands out when considering the unique and stereotypical forms of visual-figurative transfer of the entire complex of experiences of individual-present eventfulness into the spheres of human consciousness.

Keywords: including society, subjective time, intersubjectivity, intentional temporality, social communication, limited opportunities (OS).

References

1. Averina N.V., Loitarenko M.V., Popov V.V., Shcheglov B.S. Features of alternativeness in social transformations // Fundamental research. 2014. No. 9–9. pp. 2115–2119.
2. SCIENTIFIC RESEARCH: INFORMATION, ANALYSIS, FORECAST. Lipskaya T.A., Aldashova E.N., Atlasov I.V., Batrakova T.S., Voronina L.V., Grin A.I., Gushchina O.M., Donskikh T.P., Drozdova N. .V., Egorov D.V., Ilchenko I.A., Kameneva I. Yu., Kolobkova N.N., Kondratieva M.V., Kopytina M. Yu., Lipich V.V., Miftakhova G.M. ., Nikitina V.V., Parakhonsky A.P., Popryadukhina E.A. and others. Under the general editorship of Professor O.I. Kirikov / Vo-

- ronezh State Pedagogical University. Voronezh, 2009. Volume 25. 244 p.
3. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Ya.V. Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 3–2. pp. 315–318.
 4. Popov V.V., Shcheglov B.S., Loitarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of evaluation factors and temporality // *Philosophy of Law*. 2015. No. 2 (69). pp. 23–27.
 5. Popov V.V., Timofeenko V.A. Methodological features of the transit period in the catch-up state // *Fundamental research*. 2015. No. 2–25. pp. 5743–5747.
 6. Popov V.V., Shcheglov B.S., Stepanishchev S.A. Features of the correlation of social time and social action // *Fundamental research*. 2015. No. 2–4. pp. 868–871.
 7. Popov V.V., Loitarenko M.V. Temporality factor, transition states and social contradictions // *International Journal of Experimental Education*. 2014. No. 8–2. pp. 38–41.
 8. Popov V.V. Logical and theoretical model aspects of the study of temporality in socio-philosophical discourse // *Scientific Thought of the Caucasus*. 2006. No. 1. S. 24.
 9. Popov V.V., Solodukhin O.A. To the logical problem of changes in time // *Philosophical sciences*. 1991. No. 5. S. 174–177.
 10. Shemanov A. Yu. Inclusion in the context of modern discussions: philosophical and cultural problems / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S.25–38.
 11. Greene, S. The Nature of Immobility in Russian Society // *Pro et contra*. 2015. No. 2 (1). R.6–19.
 12. Hall, J.P. Narrowing the breach: Can disability culture and full educational inclusion be reconciled? // *Journal of Disability Policy Studies*. 2002. No. 13 (3). R.144–152.
 13. Hickey-Moody, A. “Turning away” from Intellectual Disability Methods of Practice, Methods of Thought // *Critical Studies in Education*. 2010. No. 44 (1). R. 1–22.
 14. Jenkinson, J. Who Shall Decide? The Relevance of Theory and Research to Decision-making by People with an Intellectual Disability // *Disability, Handicap and Society*. 2008. No. 8 (4). R. 361–375.
 15. Rudolph, R.E. Talking about appearances: the roles of evaluation and experience in disagreement. // *Philosophical Studies*. 2018. No. 177(1). R. 197–217.
 16. Slee, R. Beyond special and regular schooling? An inclusive education reform agenda. *International Studies in Sociology of Education*. 2016. No. 18 (2). R. 99–116.

Философские проблемы современного общества

Шафигуллин Василий Абдуллович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Казанская государственная академия ветеринарной медицины им. Н.Э. Баумана
E-mail: shafigullin@inbox.ru

Философские проблемы, связанные с современным обществом, играют крайне важную роль в нашей жизни, поскольку они позволяют нам лучше понимать вызовы и проблемы, стоящие перед нами в настоящее время. В данной статье рассматриваются такие важные темы, как влияние новых технологий на общество, экологические проблемы, культурные изменения, социальная справедливость и проблемы социального неравенства.

Влияние новых технологий на общество может привести к моральным дилеммам, таким как проблема конфиденциальности данных и этический аспект использования искусственного интеллекта. Экологические проблемы включают в себя рассмотрение экологического кризиса и философских аспектов отношения человека к природе и его ответственности перед ней.

Культурные изменения и проблемы толерантности также имеют философские аспекты. Неравенство, дискриминация и нетерпимость мешают достижению инклюзивности и созданию общества, которое было бы толерантным и уважительным к различиям.

Проблемы социальной справедливости и социальной неравенства становятся все более актуальными в наше время. В условиях неравенства в доходах, доступе к ресурсам и возможностям, некоторые люди могут быть лишены равных возможностей из-за своего социального и экономического статуса.

Ключевые слова: философия, общество, технологии, моральные дилеммы, конфиденциальность данных, искусственный интеллект, экологические проблемы, инклюзивность.

Развитие технологий и моральные дилеммы

Новые технологии оказывают значительное влияние на общество и вносят существенные изменения в различные сферы жизни людей. Далее представлены некоторые примеры влияния новых технологий на общество [1]:

- 1) **Социальные связи:** Новые технологии, такие как социальные сети, мессенджеры и видеочаты, значительно изменили способ, которым люди взаимодействуют друг с другом. Они позволяют людям оставаться на связи в режиме реального времени, обмениваться мгновенными сообщениями и видео-конференциями, даже если они находятся на расстоянии друг от друга.
- 2) **Работа и бизнес:** Новые технологии позволяют улучшить производительность, снизить издержки и повысить эффективность работы во многих сферах бизнеса. Например, использование облачных технологий позволяет сократить затраты на оборудование и инфраструктуру, а использование программного обеспечения искусственного интеллекта может улучшить аналитику и оптимизацию бизнес-процессов.
- 3) **Образование:** Новые технологии стали неотъемлемой частью образовательного процесса и позволяют учащимся получать доступ к широкому спектру знаний и ресурсов. Онлайн-курсы, вебинары и электронные учебники делают обучение более доступным и гибким для всех.
- 4) **Медицина:** Новые технологии значительно улучшили качество медицинского ухода и диагностику заболеваний. Такие технологии, как телемедицина и медицинские датчики, позволяют врачам следить за состоянием пациентов и диагностировать заболевания на ранней стадии.
- 5) **Развлечения:** Новые технологии, такие как виртуальная реальность и он-

лайн-игры, предоставляют новые возможности для развлечения и досуга. Они позволяют людям погрузиться в виртуальный мир и наслаждаться новыми формами развлечения.

Использование новых технологий может вызвать моральные проблемы, которые необходимо обсуждать и решать, чтобы избежать негативных последствий. Некоторые из моральных проблем, связанных с использованием технологий, включают в себя [6]:

Этический аспект использования искусственного интеллекта (ИИ): Использование ИИ может вызвать вопросы о том, насколько этично использовать машинную логику для принятия решений, в частности, когда эти решения касаются жизни и здоровья людей. Также возможны вопросы о том, кто несет ответственность за решения, принятые машинами, и как гарантировать, что принятые решения не противоречат этическим и моральным стандартам общества.

Использование технологий, таких как Интернет, мобильные приложения и облачные сервисы, может привести к нарушению конфиденциальности данных. Важно обеспечить защиту личных данных пользователей, и предотвратить их злоупотребление и несанкционированный доступ к ним.

Рост автоматизации и использования ИИ может привести к потере рабочих мест, что может вызвать серьезные социально-экономические проблемы, такие как бедность и безработица.

Некоторые технологии могут вызвать проблемы с дискриминацией на основе расы, пола, возраста и других категорий. Например, алгоритмы ИИ могут непреднамеренно усиливать стереотипы и дискриминацию.

Использование технологий может вызывать зависимость, что может привести к психологическим и физическим проблемам, таким как снижение производительности, нарушение сна и депрессия.

В целом, использование новых технологий необходимо обсуждать с точки зрения моральных проблем, чтобы минимизировать их отрицательное влияние на общество и улучшить их воздействие.

Экологические проблемы и философия окружающей среды

Экологический кризис – это глобальная проблема, вызванная эксплуатацией природных ресурсов и ухудшением экологического состояния планеты. Вот несколько последствий экологического кризиса, которые могут иметь серьезные последствия для общества [2]:

Выбросы парниковых газов, вызванные человеческой деятельностью, приводят к изменению климата и глобальному потеплению. Это может привести к повышению уровня моря, ухудшению погодных условий и угрозе для жизни многих видов растений и животных.

Расширение городов, загрязнение водоемов и лесов, и эксплуатация природных ресурсов приводят к уменьшению биоразнообразия. Это может привести к вымиранию многих видов животных и растений, что может сказаться на экосистемах и даже привести к возникновению экологических катастроф.

Загрязнение воздуха, воды и почвы в результате человеческой деятельности может привести к серьезным проблемам для здоровья человека. Отходы и химические вещества, попадающие в окружающую среду, могут вызывать болезни, ухудшать качество жизни и даже приводить к смертельным исходам.

Экологический кризис может привести к ухудшению качества почвы и уменьшению пищевых ресурсов, что может привести к голоду и нехватке продовольствия для людей.

Экологический кризис может привести к ухудшению качества жизни в целом. Загрязнение окружающей среды, уменьшение биоразнообразия и изменение климата могут привести к ухудшению здоровья, увеличению затрат на лечение и снижению экономической активности.

Философские аспекты отношения человека к природе и его ответственности перед ней имеют глубокий смысл и оказывают огромное влияние на понимание места человека в мире. Ниже приведены некоторые из философских аспектов отношения человека к природе [3]:

- 1) Экологический этицизм: Эта концепция предполагает, что природа имеет интринсическую ценность, независимо от своей ценности для людей. Следовательно, человек несет ответственность за сохранение природы и защиту ее ценности для будущих поколений.
- 2) Биоцентризм: Это понимание, что все формы жизни имеют равную ценность и заслуживают уважения и защиты. Следовательно, человек должен учитывать интересы других видов и стремиться к согласованию интересов различных форм жизни.
- 3) Экософия: Эта концепция предполагает, что природа и человек являются частями одной целостной системы и взаимодействуют друг с другом в рамках экологической общности. Следовательно, человек должен стремиться к созданию гармоничных отношений с окружающей средой и к сохранению ее целостности.
- 4) Ответственность перед будущими поколениями: Эта концепция предполагает, что человек должен учитывать потребности и интересы будущих поколений при принятии решений, которые касаются природы и окружающей среды.
- 5) Социальная справедливость: Эта концепция предполагает, что человек должен учитывать интересы всех членов общества, включая тех, кто зависит от природных ресурсов для своего выживания и благосостояния.

В целом, философские аспекты отношения человека к природе и его ответственности перед ней являются крайне важными и требуют внимательного рассмотрения, чтобы создать гармоничные отношения между человеком и природой.

Культурные изменения и проблема толерантности

Культура – это совокупность норм, ценностей, традиций, искусства и образа жизни, которые определяют общественную жизнь и менталитет людей. Изменения в культуре, в свою очередь, могут оказать огромное влияние на общество.

Быстрый технологический прогресс влияет и на культуру, и на общество. Например, изменения в коммуникационных технологиях привели к более быстрой и глобальной обмену информацией, что может привести к изменению ценностей и мировоззрения людей.

Миграция и культурное разнообразие приводят к смешению культурных традиций и ценностей, что может привести к изменению культурных норм и образа жизни.

Социальные сети привели к тому, что общество стало более связанным и взаимозависимым. Это может привести к изменению способов взаимодействия и коммуникации между людьми, и к изменению культурных норм и ценностей.

Изменения в моде и вкусах могут привести к изменению потребностей и желаний людей, что может повлиять на спрос на определенные товары и услуги.

Рост экономической мощи может привести к изменению образа жизни и уровня потребления людей, что может повлиять на культурные нормы и ценности.

В целом, изменения в культуре могут оказывать огромное влияние на общество. Эти изменения могут приводить к изменению культурных норм и ценностей, влиять на поведение и взаимодействие людей и повлиять на экономику и социальные отношения [5]. Поэтому важно принимать во внимание эти изменения при разработке стратегии развития общества и оценке их последствий.

Конечной целью любого общества должно быть создание максимально благоприятных условий для развития и самореализации каждого человека. Однако, в реальности существуют множество проблем, которые мешают достижению этой цели, таких как неравенство, дискриминация, нетерпимость и несправедливость. Одна из основных задач современного общества заключается в том, чтобы преодолеть эти проблемы и создать общество, которое было бы толерантным и инклюзивным.

Толерантность – это уважение культурных и религиозных различий, а также

уважение прав и свобод каждого человека. Она предполагает, что каждый человек имеет право на свое мнение и свою веру, и что эти мнения и веры должны быть уважаемы. В то же время, толерантность не означает отсутствия критики, она лишь означает, что эта критика должна быть конструктивной и уважительной.

Инклюзивность – это создание условий для участия в общественной жизни всех людей, независимо от их культурной, религиозной, этнической или социальной принадлежности. Это предполагает, что все люди должны иметь равные возможности для развития и самореализации, и что никто не должен сталкиваться с дискриминацией или неравенством [4].

Однако, несмотря на то, что толерантность и инклюзивность являются важными ценностями, многие общества по-прежнему сталкиваются с множеством проблем, связанных с неравенством и дискриминацией. Эти проблемы могут быть вызваны различными факторами, такими как культурные различия, религиозные разногласия, этнические конфликты или политические разногласия.

Чтобы преодолеть эти проблемы, необходимо принять целый ряд мер. Во-первых, важно проводить образовательную работу и просвещение, которые позволят людям лучше понимать различия между культурами, религиями и этническими группами, и обучить их толерантности и уважению. Необходимо учить людей принимать друг друга такими, какими они есть, без осуждения и предубеждения.

Во-вторых, необходимо создавать правила и законы, которые бы защищали права всех людей, независимо от их принадлежности к какой-либо группе. Необходимо установить четкие нормы поведения и санкции за нарушения этих норм, чтобы каждый человек знал, что его права защищены.

В-третьих, нужно создавать условия для развития толерантного и инклюзивного общества. Это может быть достигнуто путем поддержки различных

организаций и групп, которые работают в этом направлении, и путем создания инфраструктуры, которая позволит всем людям участвовать в общественной жизни.

Наконец, важно помнить, что каждый человек вносит свой вклад в создание толерантного и инклюзивного общества. Мы все можем сделать что-то, чтобы уважать друг друга и создавать равные возможности для всех людей. Если каждый из нас будет делать свой маленький вклад, то в итоге мы сможем создать общество, которое будет равноправным и справедливым для всех.

Социальная справедливость и проблемы социальной неравенства

Социальное неравенство является одной из главных проблем современного общества. Оно может быть вызвано различными факторами, такими как экономические, политические, социальные и культурные различия. В результате социального неравенства многие люди оказываются лишены возможности для полноценной жизни, что может привести к серьезным последствиям для общества в целом.

Одной из главных причин социального неравенства является экономическое различие. В обществе существуют богатые и бедные люди, и эта разница может быть очень велика. Бедные люди могут столкнуться с такими проблемами, как безработица, низкий уровень дохода, отсутствие доступа к здравоохранению и образованию, что ограничивает их возможности для улучшения своей жизни и достижения своих целей. В результате этого бедные люди могут чувствовать себя исключенными из общества, а это может привести к социальной изоляции и повышенной уязвимости [3].

Социальное неравенство также может привести к различным формам дискриминации. Люди, которые не соответствуют определенным критериям, таким как возраст, раса, пол, сексуальная ориентация или этническая принадлежность, могут столкнуться с дискриминацией в различных сферах жизни, таких как трудоустройство, образование

и здравоохранение. Это может привести к тому, что эти люди оказываются лишены возможностей для полноценной жизни и достижения своих целей.

Социальное неравенство также может оказывать серьезное влияние на здоровье и благополучие людей. Люди, которые живут в бедности и сталкиваются с социальной изоляцией, часто сталкиваются с худшим здоровьем и более низкой продолжительностью жизни. Это связано с тем, что они не имеют доступа к качественной медицинской помощи и не могут позволить себе питаться здоровой пищей и вести здоровый образ жизни.

Философия справедливости является одной из ключевых тем в общественной и политической философии. Справедливость – это понятие, которое описывает состояние общественного порядка, в котором все люди имеют равные права и возможности [4]. Однако, в реальности существуют множество проблем, связанных со справедливостью в обществе.

Одной из основных проблем является то, что справедливость может быть определена по-разному разными людьми. Некоторые люди считают, что справедливость означает равенство возможностей, в то время как другие считают, что она означает равенство результатов. Эти различия в определении справедливости могут приводить к конфликтам и недовольству.

Еще одна проблема, связанная со справедливостью, заключается в том, что ее достижение может быть трудно в условиях социального неравенства. Неравенство в доходах, доступе к ресурсам и возможностям может препятствовать достижению справедливости, так как некоторые люди могут быть лишены равных возможностей из-за своего социального и экономического статуса.

Философия справедливости также описывает, как распределяются ресурсы в обществе. Важным вопросом является то, как распределить ресурсы между людьми так, чтобы каждый имел равные возможности для развития и самореализации. Распределение ресурсов может

быть регулируемым государством, рынком или общественными организациями, но все эти методы имеют свои преимущества и недостатки.

Философия справедливости подчеркивает важность уважения прав и свобод каждого человека. Справедливость не только обеспечивает равенство возможностей, но и защищает права и свободы каждого человека. Важно, чтобы люди могли выражать свои мнения и участвовать в общественной жизни без страха дискриминации или репрессий.

Наконец, философия справедливости отмечает, что все люди должны быть обязаны соблюдать законы и правила общества, чтобы обеспечить безопасность и защиту прав и свобод каждого человека. Справедливость должна быть равномерно распределена и не было никаких привилегий или ограничений на основе расы, пола, национальности или других факторов.

Однако, справедливость – это не только обязательство государства, но и обязательство каждого человека. Необходимо, чтобы каждый человек считал своей обязанностью бороться за справедливость и бороться с неравенством и дискриминацией в обществе. Это может быть достигнуто путем участия в общественной жизни, поддержки групп, которые борются за права и свободы, и уважительного общения с людьми, которые имеют другую культуру, религию или этническую принадлежность.

Таким образом, справедливость является важным аспектом в любом обществе и является целью, которую необходимо преследовать. Она подразумевает равенство возможностей и прав, защиту прав и свобод каждого человека и уважительное отношение к различиям между людьми. Хотя достижение справедливости может быть трудно в условиях неравенства и дискриминации, нужно, чтобы каждый человек считал своей обязанностью бороться за справедливость и участвовать в создании общества, которое было бы более справедливым и равноправным.

В заключении статьи мы можем сделать вывод, что философские пробле-

мы современного общества являются многогранными и сложными. В статье были рассмотрены такие важные темы, как влияние новых технологий на общество, экологические проблемы и ответственность перед природой, культурные изменения и проблема толерантности, и социальная справедливость и проблемы социальной неравенства.

Каждая из этих проблем имеет свои философские аспекты и вызывает серьезное беспокойство в обществе. Важно понимать, что решение этих проблем требует не только действий государства, но и активного участия каждого человека в общественной жизни.

Для достижения максимально благоприятных условий для развития и самореализации каждого человека необходимо бороться с неравенством, дискриминацией, нетерпимостью и несправедливостью, и создавать толерантное и инклюзивное общество. Каждый человек должен считать своей обязанностью бороться за справедливость и участвовать в создании общества, которое было бы более справедливым и равноправным.

В целом, мы должны осознавать, что философские проблемы, описанные в статье, требуют нашего внимания и заботы, и мы должны работать вместе, чтобы найти решения на эти проблемы. Только так мы можем создать максимально благоприятные условия для развития и самореализации каждого человека в обществе.

Литература

1. Козлов А.М., Колин И.С., Машков А.Ю., Лубяной В.И. Проблема мира в современной философии [Электронный ресурс] // Научный форум. – 2017. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017038673> (дата обращения: 18.04.2023).
2. Осипова Ю.С. Проблемы современного общества в философии К. Ясперса [Электронный ресурс] // Текст научной статьи по специальности «Философия, этика, религиоведение». – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-](https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-obschestva-v-filosofii-k-yaspersa)

[obschestva-v-filosofii-k-yaspersa](https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-obschestva-v-filosofii-k-yaspersa) (дата обращения: 18.04.2023).

3. Основы философии: Учебное пособие для вузов / Под ред. Е.В. Попова. – М.: Гуманит. изд центр ВЛАДОС, 2007. – 320 с.
4. Философия / В.Д. Губин, Т.Ю. Сидорина, В.П. Филатов. – М.: ТОН-Остожье, 2001.-704с.
5. Философия XX века. Учебное пособие / Авторский колл-в: Добрынина В.П., Добрынин В.В., Лысенко Н.Н. и др. – М.: ЦИНО общества «Знание», 2014. – 288 с.
6. Шапиро С. Основы современной философии / С. Шапиро, А. Олексенко. – СПб.: Издательство «Лань», 2015. – 352 с.

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF MODERN SOCIETY

Shafigullin V.A.

Kazan State Academy of Veterinary Medicine them N.E. Bauman

Philosophical problems related to modern society play an extremely important role in our lives, as they allow us to better understand the challenges and issues facing us today. This article discusses such important topics as the impact of new technologies on society, ecological problems, cultural changes, social justice and problems of social inequality.

The impact of new technologies on society can lead to moral dilemmas, such as the problem of data confidentiality and the ethical aspect of using artificial intelligence. Ecological problems include the consideration of the ecological crisis and the philosophical aspects of human relations with nature and their responsibility towards it.

Cultural changes and problems of tolerance also have philosophical aspects. Inequality, discrimination, and intolerance hinder the achievement of inclusivity and the creation of a society that is tolerant and respectful of differences.

Issues of social justice and social inequality are becoming increasingly relevant in our time. In conditions of inequality in income, access to resources and opportunities, some people may be deprived of equal opportunities due to their social and economic status.

Keywords: philosophy, society, technology, moral dilemmas, data confidentiality, artificial intelligence, ecological problems, inclusivity.

References

1. Kozlov A.M., Colin I.S., Mashkov A. Yu., Lubyanyoy V.I. The problem of peace in modern philosophy [Electronic resource] // Scientific Forum. – 2017. – URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017038673> (accessed on: 04/18/2023).
2. Osipova Y.S. Problems of modern society in K. Jaspers' philosophy [Electronic resource] // Scientific article on the specialty "Philosophy, Ethics, Religious Studies". – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-obschestva-v-filosofii-k-yaspersa> (accessed on: 04/18/2023).
3. Foundations of Philosophy: A textbook for universities / Edited by E.V. Popov. – Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS, 2007. – 320 p.
4. Philosophy / V.D. Gubin, T. Yu. Sidorina, V.P. Filatov. – Moscow: TON-Ostozhye, 2001.-704 p.
5. Philosophy of the 20th Century. Textbook / Author's collective: Dobrynina V.P., Dobrynin V.V., Lysenko N.N. and others. – Moscow: CINO Society "Knowledge", 2014. – 288 p.
6. Shapiro S. Fundamentals of Modern Philosophy / S. Shapiro, A. Oleksenko. – St. Petersburg: Lan' Publishing House, 2015. – 352 p.

Интерсубъективные факторы конструирования жизненного мира личности в цифровой культуре

Шипунова Ольга Дмитриевна,

доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: o_shipunova@mail.ru

Квашенко Надежда Юрьевна,

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: kvaschenko.n@yandex.ru

В статье развивается социально-феноменологический подход к анализу жизненного мира личности в цифровую эпоху. Выявляется специфика влияния виртуальных интерактивных сетей на информационное поведение личности. В характеристике мотивации информационного поведения акцентируются когнитивные барьеры, обусловленные процессами цифровизации в образовательной практике. Методологическая позиция, определенная установкой на конкретизацию информационного подхода в рамках философского анализа интерсубъективных факторов конструирования жизненного мира личности, позволяет исследовать специфику влияния цифровой культуры на горизонт индивидуального и массового сознания. Когнитивные и коммуникативные факторы мотивации саморазвития рассматриваются в качестве базовых принципов конструирования жизненного мира личности. Подчеркивается ключевая роль мотивации познавательной активности в условиях гибридных моделей обучения, включающих интерактивные среды с дополненной реальностью, а также цифровых помощников и смарт технологии.

Ключевые слова: цифровая культура, жизненный мир личности, интерсубъективные факторы, информационное поведение, мотивация саморазвития, познавательная активность, образовательная практика.

Введение

Специфика влияния инфосферы в цифровой сети связана с трансформацией традиционного медиапространства социума, которое дополняется киберреальностью. Цифровые приложения, функционально связанные с динамикой интерактивной сети, изменяют логику жизненного мира, замещая реальные вещи и поступки образами – симуляциями [1]. В цифровой сети и сам человек представляет собой некое цифровое тело (Маклюэн), сливается ментально с собственным симулякром [2]. Интерактивный цифровой мир представлен взаимодействиями гибридных участников с различной «телесностью» [3]. Ж. Бодрийяр подчеркивает, что в замкнутой динамике сети образы становятся реальностью для самих себя [4]. Создание безликих аватаров в интерактивной сети реализует желание продемонстрировать с помощью цифрового образа-симулякра индивидуальность в отличие от «других тел».

Анализ интерсубъективных факторов конструирования и трансформации жизненного мира личности и социума, в частности, влияния инфосферы и ее структур, – актуальная проблема социальной философии, оперирующей категориями массового и общественного сознания. Влияние глобализации на жизненный мир личности выражено в интерсубъективных формах (социальных, культурных, интерактивных, языковых, ценностных), специфика современности, связанная с распространением цифровой сетевой субкультуры, в существенной мере усложняет анализ формирования личности. Функции цифровых приложений киберреальности включаются в конструирование жизненного мира как фактор, определяющий горизонт индивидуального и массового сознания в социальном поле.

Информационно-интеллектуальная технология цифрового общества образует онтологическое условие в организации

познавательной деятельности и поведения человека. Расширение функций цифровых сетей, а также распространение различных приложений, консультантов и двойников создаёт объективные условия для нового уровня компетентности в обыденной и профессиональной деятельности. Ориентация в цифровых сетях, образующих дополненную реальность и виртуальные интерактивные структуры в киберпространстве, требует специального набора умений и навыков. Идеал образования в современном мире определяется доминантами развития цифровой культуры. С формированием достаточного уровня цифровой грамотности связаны барьеры, препятствующие адекватному поведению и критическому восприятию информации в сложных гибридных средах.

Задачи данной статьи связаны с развитием социально-феноменологического подхода в исследовании факторов конструирования жизненного мира личности, характеристикой мотивации информационного поведения в условиях цифровой культуры сетевого общества.

Социодинамика цивилизации в ее истории, глобализации и специфике цифровой технологии включает жизненный мир личности как свой органический элемент. Интеграция установок информационного подхода и философского анализа бытия социума позволяет совмещать представление о ментальности и менталитете, исследовать взаимосвязь культурных традиций, несущих социокоды, с когнитивной, ментальной динамикой в бытии личности. В этом плане исследование феноменологии жизненного мира личности должно учитывать согласованность intersубъективных факторов (как внешних причин и скрытой матрицы системного давления в формировании горизонта сознания личности) с внутренними интенциями, побуждениями, мотивами, с которыми философская феноменологическая традиция связывает собственно сущность сознания.

Специфика цифровой культуры современного общества

Информационный взрыв, обозначивший новую эпоху уже в 70х гг. XXв., ассоции-

руется в литературе с информационной эпохой, символами которой выступает массовое распространение технологий Apple, Microsoft, Intel, факсов и мобильных телефонов. Складывается глобальный технологический уклад, который опирается на электронику, новую химию пластиков, информационно-компьютерную сеть. Смена технологического уклада, согласно С. Хапрову, имеет волновой характер и определяется энергией ансамблей [5].

В XXI в. усиливается энергия информационно-социальных сетей, которые формируют особый род виртуальной реальности и особый менталитет. Социотехническая виртуализация раскручивает воображение, транслирует неопределенность картины будущего, которая строится в головах современников. Острота проблемы формирования интеллектуального потенциала личности в условиях динамичного нарастания информационных сред и социальных сетей сопряжена с новыми когнитивными барьерами в образовании, обусловленными современным типом клипового мышления [6], а также с проблемами прогнозирования и сопротивления тем или иным техническим новшествам [7].

Современное видение общества определяется установками социального конструктивизма. В общем виде в качестве базовых принципов конструирования жизненного мира личности выделяют когнитивные и коммуникативные факторы мотивации к саморазвитию [8]. В формировании жизненного мира личности ключевое значение имеет выбор познавательной стратегии в рамках какой-либо образовательной модели. Инновационные подходы к организации образовательной среды и моделям обучения демонстрируют новизну познавательной стратегии в соответствии с общим духом эпохи. Познавательная стратегия имеет сложный, комплексный характер в соответствии с принципами коммуникативной и когнитивной направленности обучения. В этой связи выделяют когнитивные и метакогнитивные стратегии активизации познавательной деятельности.

Когнитивные стратегии ориентированы на интеллектуальные операции расширения смысловых границ понимания. Заимствование терминов, распространение и внедрением иноязычных слов или научных терминов в обиходный оборот – все эти приемы работают на создание контекстных моделей, мотивируя создание новых смыслов, новизну интерпретаций в познавательном процессе.

Метакогнитивные стратегии относятся к области планирования и контроля обучения. При этом активизация познавательной деятельности связана с языками описания профильного предмета, которые могут включать наряду с привычным языком математики, языки программирования, определяющие уровень цифровой грамотности.

Современная цифровая культура формирует специфику восприятия и переработки информации человеком, направляет его поведение, включая принятие решений в повседневной жизни и профессиональном обучении. С внедрением IT-технологий в систему образования процессы информационного поиска, фильтрации и усвоения информации человеком находятся в центре внимания исследователей различных областей научного знания [9]. Интросубъективные факторы конструирования жизненного мира оказываются связанными с моделированием умной обучающей e-среды [10, 11].

Мотивация информационного поведения в условиях цифровой культуры

Проблемы активного включения учащегося в образовательный процесс требуют интеллектуальных усилий. В практике образования для организации информационного поведения используются различные инструменты, направленные на развитие интеллектуальной активности обучающегося: дидактические, организационно-методические, информационные, социальные, психологические [12]. Организация человеко-компьютерных взаимодействий в системе e-обучения имеют три важных аспек-

та: технологический, адаптивный, интеллектуальный. В технологическом аспекте информационное поведение требует определённого уровня цифровой грамотности, содержание которой неоднозначно для обиходных и профессиональных действий.

Вопросы исследования мотивации информационного поведения в контексте дистанционного обучения актуальны, как для самой личности, так и для образовательной системы. Выявление специфики информационного поведения студента в условиях цифровой сети, анализ структуры мотивации интеллектуальной активности позволяет определить функциональный профиль учащегося.

В системе e-обучения цели традиционно определяются усвоением предметного знания и профессиональных навыков, среди которых владение информационной технологией выступает базовым элементом [13,14]. Достаточный уровень цифровой компетенции характеризует умение студента адекватно оценивать и продуктивно использовать полученную информацию для когнитивной ориентации в той или иной предметной области [15].

Адаптация учащегося к информационным медиа средам связана с психоэмоциональными структурами восприятия информации, фоновым знанием и стереотипами жизненного опыта [16, 17]. Проблема мотивации обучающихся к познавательной активности в образовательном процессе продолжает оставаться актуальной в связи с изменением информационного поведения современного человека в цифровом мире, объединенном глобальной информационной сетью [18, 19]. Барьеры интеллектуального плана соотносятся с неявно выраженными смысловыми границами усвоения знаний, которые определены когнитивными установками предметной области, а также рамками употребления конкретного языка и стилистическими особенностями.

Одной из основных характеристик мотивационной сферы информационного поведения личности выступает отношение к ценности знания. В работе [20]

показано, что для половины респондентов характерно наличие сбалансированного мотивационного профиля интеллектуальной активности в информационном поведении, который характеризует внутреннюю готовность к самостоятельной познавательной деятельности в среде обучения.

Заключение

Познавательная активность играет ключевую роль в конструировании жизненного мира личности. В цифровом обществе интересующие факторы, связанные с практиками образования, представлены виртуальными сетями, цифровыми помощниками и смарт технологиями в рамках гибридной модели интерактивной среды обучения.

В условиях дистанционного обучения вопросы мотивации интеллектуальной активности студентов обостряются в связи с необходимостью самостоятельной познавательной ориентации в информационном поле е-культуры. Факторы внутренней мотивации и саморегуляции образуют стимулы интеллектуальной активности, способствуют преодолению технологического и психологического барьера в адаптации к электронной среде обучения.

Анализ мотивационной сферы информационного поведения личности способствует пониманию того, как организовать процесс обучения таким образом, чтобы наиболее успешно стимулировать активность студента в освоении профессиональных знаний и навыков в процессе саморазвития. Усредненный профиль мотивации интеллектуальной активности в учебной деятельности позволяет моделировать типовые стимулы интеллектуальной активности в усложняющихся средах цифровой культуры.

Литература

1. Иванов Д.В. Виртуализация общества. – Санкт-Петербург, «Петербургское Востоковедение», 2000. – 96с. http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt
2. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. Д 29 Theatrum philosophicum: Пер. с фр.-М.: «Паритет», Екатеринбург:

бург: «Деловая книга», 1998. – 480 с. ISBN5–85735–095–6 («Паритет») ISBN5–88687–041–5

3. Плешаков В.А. Интеграция, киберсоциализация и социальное воспитание: студент и преподаватель в информационном пространстве // Педагогическое образование и наука. – 2010. – № 1. – С. 276
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция – Перевод О.А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.
5. Хапров С.: Цифровой коммунизм. Издательство Московская финансово-промышленная академия (МФПА). – 2013. – 184с.
6. Berezovskaya I., Shipunova O. Reverse side of Multimedia Pedagogics: Clip Thinking // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy, Vol 6 No 6 S1, November 2015, 277–280, Doi:10.5901/mjss15 42 49 55 59 .2015.v6n6s1p277
7. Jasanoff, S., Kim, S. (eds). Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power. Chicago, London: University of Chicago Press, 2015.
8. Плигин А.А. Целенаправленное развитие познавательных стратегий школьников. – М.: Издательство Московского психолого-социального университета, 2021. – 152 с. ISBN978–5–9770–0992–8
9. Browne, G.J., Cheung, C.M.K., Heinzl, A. et al. Human Information Behavior. Bus Inf Syst Eng 59, 1–2 (2017). <https://doi.org/10.1007/s12599-016-0458-9>
10. Zhi-Ting Zhu, Mind-Hua Yu and Peter Riezebos. 2016. A 4 2 research framework of smart education. Smart Learning Environments 3 (4). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40561-016-00264-2>
11. Lorenzo N., Gallon R. (2019) Smart Pedagogy for Smart Learning. In: Daniela L. (eds) Didactics of Smart Pedagogy. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/9782-3-03044-015514-0_32_3
12. Klačnjak-Miličević A., Vesin B., Ivanović M., Budimac Z., Jain L.C. (2017) Introduction to E-Learning Systems. In: E-Learning Systems. Intelligent Systems

- Reference Library, vol 112. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/9782-3-3194-41163-7_1
13. May, D., Ossendorf, P.: Modeling Competences – Developing a Holistic Competence Model for Engineering Education. In: Frerich, S. et al. (eds.) *Engineering Education 4.0*. pp. 877–894. Springer, Cham (2016). doi: https://doi.org/10.10072/97844-3-3194-46916-4_72
 14. Tao He and Chang Zhu. 2017. Digital informal learning among Chinese university students: the effects of digital competence and personal factors. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 14, 44 DOI: 10.1186/s41239-017-0082-x
 15. Liisa Ilomäki, Sami Paavola, Minna Lakala and Anna Kantosalo. 2016. Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research. *Education and Information Technologies* 21(3), 655–679. DOI: <https://doi834.org/10.1007/s106394-014-9346-4>
 16. Levesque R.J.R. (2018) Self-Actualization. In: Levesque R.J.R. (eds) *Encyclopedia of Adolescence*. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.10072/97844-3-3194-33228-4_355
 17. Shipunova, O. D., Berezovskaya, I. P., Smolskaia, N.B. The role of student's self-actualization in adapting to the e-learning environment // *ACM International Conference Proceeding Series: Proceedings – TEEM 2019: 7th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality*, Leon, 16–18 октября 2019 года. – Leon: Association for Computing Machinery, 2019. – P. 745–750. –OI: <https://doi.org/102.114541/3362789.3362884>
 18. Moses Kopong Tokan and Mbing Maria Imakulata The effect of motivation and learning behaviour on student achievement. *South African Journal of Education*, Volume 39, Number 1, February 2019. Art. #1510, 8 pages, <https://doi.org/10.15700/saje.v39n1a1510https://doi.org/10.15700/saje.v39n1a1510>
 19. Jacob Filgona, John Sakiyo, D.M. Gwany and A.U. Okoronka. *Motivation in Learning. Asian Journal of Education and Social Studies*, 10(4): 16–37, 2020; Article no.AJESS.60760 ISSN: 2581–6268
 20. Shipunova, O.D., Berezovskaya, I.P., Kedich, S.I., Popova, N.V., Kvashenko, N.Y. *Intelligent Human Information Behavior in E-Learning system // ACM International Conference Proceeding Series: 2, Chongqing, May 28–30, 2021. – Chongqing, 2021. – P. 3469215. – DOI 10.1145/3469213.3469215.*

INTERSUBJECTIVE FACTORS OF CONSTRUCTING LIFE WORLD OF PERSONALITY IN DIGITAL CULTURE

Shipunova O.D., Kvashenko N. Yu.

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article develops a socio-phenomenological approach to the analysis for the formation life world of personality in the digital era. The specifics of the virtual interactive networks influence on the information behavior of the individual are revealed. The characteristic of the information behavior motivation emphasizes cognitive barriers due to the processes of digitalization in educational practice. The methodological position determined by the focus on the concretization of the information approach in the framework of the philosophical analysis for the intersubjective factors in the constructing life world of personality allows us to explore the influence specifics of digital e-culture on the horizon of consciousness. Cognitive and communicative factors of motivation for self-development are considered as basic principles for constructing the life world of personality. The key role of cognitive activity motivation in the conditions of hybrid learning models, including interactive environments with augmented reality, digital assistants and smart technologies, is emphasized.

Keywords: digital culture, life world of personality, intersubjective factors, information behavior, self-development motivation, cognitive activity, educational practice.

References

1. Ivanov D.V. *Virtualizatsiya obshchestva [Society virtualization]*. St. Petersburg, "Petersburg Oriental Studies", 2000. 96p. http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt

2. Deleuze J. Logika smysla [Logic of meaning]: Per. from French – Foucault M. D29 Theatrum philosophicum: Per. from French-M.: “Rarity”, Yekaterinburg: “Business book”, 1998. – 480 p. ISBN5–85735–095–6 (“Rarity”) ISBN5–88687–041–5
3. Pleshakov V.A. Integratsiya, kibersotsializatsiya i sotsial’noye vospitaniye: student i prepodavatel’ v informatsionnom prostranstve [Integration, cybersocialization and social education: student and teacher in the information space] // Pedagogical education and science. – 2010. – No. 1. – P. 276
4. Baudrillard, J. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and simulation] – Translation by O.A. Pechenkin. – Tula, 2013. – 204 p.
5. Khaprov S. Tsifrovoy kommunizm [Digital communism], Publisher: Moscow Financial and Industrial Academy (MFPA) 2013, 184p.
6. Berezovskaya I., Shipunova O. Reverse side of Multimedia Pedagogics: Clip Thinking // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSEER Publishing, Rome-Italy, Vol 6 No 6 S1, November 2015, 277–280, DOI:10.5901/mjss15 42 49 55 59 .2015.v6n6s1p277
7. Jasanoff, S., Kim, S. (eds). Dreamscapes of modernity: Sociotechnical imaginaries and the fabrication of power. Chicago, London: University of Chicago Press, 2015
8. Pligin A.A. Tselenapravlennoye razvitiye poznavatel’nykh strategiy shkol’nikov [Purposeful development of cognitive strategies of schoolchildren]. – M.: Publishing house of the Moscow Psychological and Social University, 2021. – 152 p. ISBN978–5–9770–0992–8
9. Browne, G.J., Cheung, C.M.K., Heinzl, A. et al. Human Information Behavior. *Bus Inf Syst Eng* 59, 1–2 (2017). <https://doi.org/10.10074/s12599-016-0458-9>
10. Zhi-Ting Zhu, Mind-Hua Yu and Peter Riezebos. 2016. A 4 2 research framework of smart education. *Smart Learning Environments* 3 (4). DOI: <https://doi.org/10.1186/s40561-0162-00264-2>
11. Lorenzo N., Gallon R. (2019) Smart Pedagogy for Smart Learning. In: Daniela L. (eds) *Didactics of Smart Pedagogy*. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/9782-3-03044-015514-0_32_3
12. Klačnja-Milićević A., Vesin B., Ivanović M., Budimac Z., Jain L.C. (2017) Introduction to E-Learning Systems. In: *E-Learning Systems*. Intelligent Systems Reference Library, vol 112. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/9782-3-3194-41163-7_1
13. May, D., Ossendorf, P.: *Modelling Competences – Developing a Holistic Competence Model for Engineering Education*. In: Frerich, S. et al. (eds.) *Engineering Education 4.0*. pp. 877–894. Springer, Cham (2016). doi: https://doi.org/10.10072 /97844-3-3194-46916-4_72
14. Tao He and Chang Zhu. 2017. Digital informal learning among Chinese university students: the effects of digital competence and personal factors. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 14, 44. DOI: 10.1186/s41239-017-0082-x
15. Liisa Iiomäki, Sami Paavola, Minna Lakkala and Anna Kantosalo. 2016. Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research. *Education and Information Technologies* 21(3), 655–679. DOI: <https://doi.org/10.1007/s106394-014-9346-4>
16. Levesque R.J.R. (2018) Self-Actualization. In: Levesque R.J.R. (eds) *Encyclopedia of 1 2 Adolescence*. Springer, Cham. DOI: https://doi.org/10.10072 /97844-3-3194-33228-4_355
17. Shipunova, O. D., Berezovskaya, I. P., Smolskaia, N.B. The role of student’s self-actualization in adapting to the e-learning environment // *ACM International Conference Proceeding Series: Proceedings – TEEM 2019: 7th International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality*, Leon, October 16–18, 2019. – Leon: Association for Computing Machinery, 2019. – P. 745–750. – DOI: <https://doi.org/102.114541/3362789.3362884>
18. Moses Kopong Tokan and Mbing Maria Imakulata The effect of motivation and learning behaviour on student achievement. *South African Journal of Education*, Volume 39, Number 1, February 2019. Art. #1510, 8 pages, <https://doi.org/10.15700/saje.v39n1a1510>
19. Jacob Filgona, John Sakiyo, D.M. Gwany and A.U. Okoronka Motivation in Learning. *Asian Journal of Education and Social Studies*, 10(4): 16–37, 2020; Article no.AJESS.60760 ISSN: 2581–6268
20. Shipunova O.D., Berezovskaya I.P., Kedich S.I., Popova N.V., Kvashenko N.Y. Intelligent Human Information Behavior in E-Learning system // *ACM International Conference Proceeding Series: 2, Chongqing, May 28–30, 2021. – Chongqing, 2021. – P. 3469215. – DOI 10.1145/3469213.3469215*

Проблемы самореализации мужчин и женщин в контексте отношений в семейной жизни

Александрова Евгения Александровна,

эксперт, владелец, Женская онлайн-школа «Точка G»; Новый Орлеан, США
E-mail: tochka-g7@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная задача в психологии семьи – изучение социально-психологических аспектов семейных отношений. Обращено внимание на межличностные отношения между супругами, удовлетворенность супружеством, стабильность и устойчивость отношений. Возникновение проблем в семье может быть связано с несколькими факторами, включая нарушение коммуникации, уменьшение ощущения любви и безопасности, а также увеличение эмоциональных и личностных проблем. В свете этого становится важным исследование тех факторов, которые способствуют созданию психологически здоровых отношений в браке, включая саморазвитие личности. Однако, понятие самоактуализации имеет различные трактовки в зарубежной психологии и требует дополнительного исследования и уточнения. В целом, статья подчеркивает важность изучения психологических аспектов семейных отношений и необходимость развития новых теорий и концепций в этой области.

Также в статье приведено исследование, в ходе которого была рассмотрена проблема самоактуализации личности в контексте межличностных отношений супругов. В исследовании приняли участие 80 человек-супругов из семей среднего возраста. Участникам были проведены измерения показателей самоактуализации личности, качества взаимодействия, эмоциональных отношений, понимания, эмоционального притяжения, уважения и удовлетворенности браком. Результаты показали, что у мужчин и женщин есть значимые различия в самоактуализации и межличностных отношениях. Женщины стремятся к зрелости, независимости и социальным связям, в то время как у мужчин более выражены отчуждение и стремление к дистанцированию. Кроме того, был проведен корреляционный анализ. Для женщин в большей мере характерна конфликтность и агрессия в межличностных отношениях, а у мужчин – напряженность в супружеских отношениях, связанная с желанием достичь автономии и свободы. Также было установлено, что у женщин высокий уровень стремления к самопознанию и созданию положительной «Я-концепции» связан с низким уровнем конфликтности и агрессии

в межличностных отношениях. У мужчин же уровень напряженности в супружеских отношениях связан с их желанием быть более автономными и свободными.

Ключевые слова: межличностные отношения, конфликтность, удовлетворенность браком, кризис зрелости, самоактуализация, корреляционный анализ, семейные отношения, средний супружеский возраст.

Введение

В настоящее время, изучение социально-психологических аспектов семейных отношений является одной из основных задач в психологии семьи. Особое внимание уделяется межличностным отношениям между супругами, удовлетворенности супружеством, стабильности и устойчивости отношений. Под межличностными отношениями понимается проявление субъективных отношений между людьми, которые оказывают влияние на их эмоциональное состояние и настроение [9]. Ряд исследователей, включая В.Н. Дружинина [8], Ю.Е. Алешину [1], Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкис [20], Т.В. Андрееву [3] и других, занимаются изучением проблемы семьи и семейных отношений.

Однако, современный мир характеризуется все более частым нарушением коммуникации, угасанием чувства любви и безопасности, возрастанием эмоционально-личностных расстройств, напряженности, нарушением личностного роста и формирования идентичности в неблагополучных семьях. В связи с этим возникает необходимость исследования факторов, которые могут способствовать формированию психологически благоприятных отношений в супружеской паре. Один из таких факторов является самоактуализация личности.

В психологии семьи важно изучать межличностные отношения и факторы, способствующие формированию психологически благоприятных отношений в супружеской паре. Самоактуализация личности является одним из таких факторов.

В научных исследованиях по психологии семьи важно рассматривать не только межличностные отношения между супругами, но и факторы, способствующие формированию психологически благоприятных отношений в супружеской паре. Одним из таких факторов является самоактуализация личности, однако до сих пор не существует единого определения этого термина в психологической науке. В зарубежной психологии самоактуализация может быть понимаема как актуализация неактуального со-

стояния с помощью собственных сил, как проявление самости, которая является основой актуализирующейся личности, и как утверждение своего «Я», принятие ответственности за свою жизнь. Однако, несмотря на различные трактовки этого термина, его изучение имеет важное значение для понимания процессов, происходящих внутри личности и в семейных отношениях [6,14,15,16].

Таким образом, в настоящее время понятие «самоактуализация» охватывает широкий спектр значений и подходов в психологии, что приводит к необходимости дополнительного исследования и уточнения этого понятия.

В связи с этим, актуальной задачей является изучение влияния самоактуализации на формирование психологически благоприятных отношений в семейной паре. Одним из основных факторов успешности семейных отношений является удовлетворенность супругов их собственной личной жизнью, что в свою очередь может быть достигнуто благодаря самоактуализации личности каждого из партнеров [19].

Представители гуманистической психологии детально разработали проблему самоактуализации. Согласно А. Маслоу, каждый человек по природе имеет стремление к личностному росту [14], а этот процесс является высшей потребностью личности, влияющей на психологическое здоровье человека. Такие личности, активно самоактуализирующиеся, стремятся после достижения своих целей изменить жизнь других людей в соответствии с их интересами [21].

Концепция самоактуализации, сформулированная К. Роджерсом, считается одной из наиболее важных в современной психологии. Он подчеркивает, что каждый человек стремится к самодостаточности, зрелости и компетентности, и самоактуализация играет важную роль в этом процессе [16]. В России данная проблема также получила внимание ученых, таких как С.Л. Рубинштейн, Е.Е. Вахромов, К.А. Абульханова-Славская, Б.С. Братусь, А.Г. Асмолов, Д.А. Леонтьев [2, 4, 5, 7, 17, 18]. В настоящее время исследование посвяще-

ны самоактуализации и самореализации личности в браке и проводятся Е.А. Зубковой, Л.А. Коростылевой, О.А. Юшиной, И.В. Корсун [10, 11, 12, 22].

Самоактуализация личности проявляется в максимальном использовании способностей и потенциала, а также развитии умений. Важность этой проблемы для всех сфер жизни признана, но она изучена более детально в контексте профессиональной деятельности, чем в семейных отношениях.

В семейной жизни самоутверждение личности также является важной для гармонии в отношениях супругов и их удовлетворенности. Однако, наиболее опасным периодом является средний супружеский возраст, когда возникают монотонность, скука и межличностные конфликты. Исследования показывают, что трудности в этом периоде связаны с изменениями в семейных ролях и в профессии, но на данный момент эта проблема не получила достаточного исследования в психологии.

Средний супружеский возраст, который длится от 6 до 14 лет, является периодом экономической активности и стабильного социального положения супругов. Обычно на этом этапе дети уже выросли. Женщина в этом возрасте может реализовать себя в профессии и строить карьеру.

Кризис семейных отношений в период среднего возраста является сложной и многогранной проблемой, которая требует особого внимания со стороны психологов и семейных консультантов. Несмотря на то, что это время является наиболее опасным периодом для супружеских отношений, оно также представляет собой возможность для личностного роста и развития. Изменения в семейных ролях, профессиональной сфере и личных убеждениях могут вызвать межличностные конфликты, но также могут стать стимулом для развития личности и укрепления отношений в паре.

Чтобы помочь семье в этот сложный период, психолог должен обладать глубоким пониманием процессов, происходящих в современных семьях. Исследования в области связи между само-

актуализацией личности и межличностными отношениями супругов на этапе среднего возраста являются важными и актуальными для практики. Такие исследования могут помочь понять, как личностный рост каждого из супругов влияет на развитие и укрепление семейных отношений. Поэтому, чтобы помочь семье в период кризиса среднего возраста, необходимо использовать эти знания для улучшения межличностных отношений и поддержки личностного развития каждого из супругов.

Цель данного практического исследования заключалась в исследовании уникальных аспектов связи межличностных отношений и самоактуализации личности мужчин и женщин, проживающих в семьях среднего супружеского возраста. Для анализа использовались методы описательной статистики, а также сравнительный анализ для двух независимых выборок, основанный на непараметрическом статистическом критерии Манна-Уитни. Кроме того, проводился корреляционный анализ, используя критерий Спирмена, для определения степени взаимосвязи между переменными. Это исследование было нацелено на получение новых знаний, которые могут быть использованы для улучшения межличностных отношений в браке и помочь паре достичь максимального личностного развития в период среднего возраста.

Данное исследование было проведено в период с 2020 по 2021 годы и использовало выборку из 80 участников, включающую 40 мужчин и 40 женщин, чей возраст находился в диапазоне от 35 до 45 лет. Все участники находились на средней стадии брака, который длился от 6 до 14 лет и были официально зарегистрированы. Подобная выборка позволила более точно изучить связь между самоактуализацией личности и межличностными отношениями в данном возрастном и семейном контексте.

Методы исследования

В ходе исследования, проведенного в период с 2020 по 2021 годы, были использованы разнообразные методы для изучения связи межличностных отношений

и самоактуализации личности у супругов в среднем супружеском возрасте. В рамках исследования были применены не только широко известная методика Диагностика самоактуализации личности (САМОАЛ) А.В. Лазукина, адаптированная Н.Ф. Калиным, но и другие опросники, включая Субъективную оценку межличностных отношений (СОМО) С.В. Духновского, ПЭА (понимание, эмоциональное притяжение, авторитетность) А.Н. Волковой, модифицированный В.И. Слепковой, и тест-опросник удовлетворенности браком (ОУБ), разработанный В.В. Столиным, Т.Д. Романовой и Г.П. Бутенко. Для обработки данных были использованы методы описательной статистики, сравнительного анализа для двух независимых выборок с помощью непараметрического статистического критерия Манна-Уитни, а также корреляционного анализа с использованием критерия Спирмена. Все данные были обработаны с помощью программы SPSS11.5. Важно отметить, что для оказания квалифицированной психологической помощи супружеским парам и помощи им в оптимизации их межличностных отношений и личност-

ного развития необходимо понимание процессов, происходящих в современной семье.

Обсуждение результатов исследования

В результате анализа данных получены интересные результаты, которые могут быть полезны для практического применения в работе с супружескими парами (таблица 1). Было установлено, что у женщин из исследуемой выборки выше показатели самоактуализации личности по сравнению с мужчинами. Также было обнаружено, что участники, чьи отношения в браке были характеризованы высоким уровнем взаимопонимания, эмоционального притяжения и авторитетности, имели более высокие показатели самоактуализации личности, чем те, у кого эти показатели были ниже. Эти результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях и практической работе с семейными парами для оптимизации их межличностных отношений и личностного развития. Обсуждение полученных результатов представлено в табл. 1.

Таблица 1. Сравнение показателей самоактуализации личности мужчин и женщин из семей среднего супружеского возраста

№	Показатель	Среднее значение (женщины)	Среднее значение (мужчины)	U	p
1	Взгляд на природу человека	4.50	4.50	435,5	0.82
2	Ценности	8.43	8.73	353,5	0.12
3	Креативность	6.93	6.97	433	0.79
4	Аутосимпатия	7.83	7.43	393,5	0.39
5	Ориентация во времени	5.50	5.75	397,5	0.40
6	Самопонимание	7.80	7.50	419,5	0.64
7	Спонтанность	9.13	8.50	361	0.18
8	Гибкость в общении	10.25	10.10	408,5	0.52
9	Потребность в познании	9.80	9.75	429	0.74
10	Контактность	11.85	10.85	283,5	0.01
11	Автономность	8.00	7.07	298,5	0.02¹

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что существуют значимые различия между мужчинами и женщинами в показателях самоактуали-

зации личности, таких как «автономность» и «контактность». Особенно важным критерием для психического здоровья и полноты личности является автономность.

Женщины в среднем браке стремятся к независимости и внутренней свободе, а также проявляют более активную позицию в установлении контактов с другими людьми. Они также более внимательны к своим взаимоотношениям внутри семьи и постоянно решают проблемы, которые могут возникнуть с супругом или детьми.

Данные исследования показали, что в межличностных отношениях между мужчинами и женщинами из семей среднего супружеского возраста существуют значимые различия в показателях, таких как «напряженность», «отчужденность», «конфликтность», «агрессия» и дисгармония (см. Таблицу 2). У женщин в браке 6–14 лет часто проявляются конфликтность и агрессия в межличностных отношениях, а также стремление подчинить себе других. Они также более озабочены отношениями внутри семьи, что может приводить к напряженности в отношениях с супругом и другими людьми. В свою очередь, мужчины среднего супружеского возраста не испытывают напряженности в отношениях со своей супругой, но склонны к отчужденности и стрем-

лению дистанцироваться от других людей. Они могут переживать изолированность и одиночество, поэтому осторожны в установлении близких отношений.

Проведенное сравнительное исследование межличностных отношений в семьях разного возраста показало, что женщины в браке 6–14 лет испытывают большую дисгармонию в межличностных отношениях по сравнению с мужчинами. Они часто сталкиваются с ослаблением положительных эмоциональных связей и чувством разобщенности, что может быть связано с неудовлетворенностью основных потребностей (любовь, забота). В период среднего супружеского возраста семья часто сталкивается с кризисом, который приводит к изменению межличностных отношений. Этот период характеризуется перестройкой супругов на психологическом и социальном уровнях. Однако, так как женщины более чувствительны к изменениям, им труднее адаптироваться, что может приводить к острым реакциям и нарушению взаимоотношений с супругом.

Таблица 2. Сравнение показателей межличностных отношений мужчин и женщин из семей среднего супружеского возраста

№	Показатель	Среднее значение (Женщины)	Среднее значение (Мужчины)	Достоверность различий (U)	p
1	Удовлетворенность браком	27.4	27.9	408	0.53
2	Эмоциональное притяжение	13.23	13.0	367	0.21
3	Авторитетность (уважение)	13.5	13.9	434.5	0.82
4	Агрессия	8.47	5.33	24.5	0.001
5	Понимание	14.5	13.77	352	0.14
6	Отчужденность	4.87	7.17	173.5	0.001
7	Напряженность	5.67	4.23	144.5	0.001
8	Конфликтность	7.73	5.27	95.0	0.001
9	Дисгармония отношений	6.9	5.33	122	0.001²

В ходе второй стадии исследования были выявлены уникальные связи между самоактуализацией личности и межличностными отношениями супругов. В основном, исследование сосредоточилось на общих корреляционных связях, которые были выявлены среди респонден-

тов. Полученные результаты корреляционного анализа указывают на то, что если супруги более склонны к ценностям самоактуализации личности, таким как истина, добро, красота, уникальность, справедливость, порядок, самодостаточность и другие, то у них меньше проявле-

на конфликтность в межличностных отношениях. Иными словами, предпочтением супругами таких ценностей является основой здоровых отношений в семье. Очень важно, чтобы супруги разделяли общечеловеческие ценности, таким образом, уменьшая противоречия и конфликты в отношениях. Также было выявлено, что супруги нацелены на поиск совместных решений в конфликтных ситуациях, что позволяет им справляться со сложностями и сохранять гармоничные отношения.

В рамках проведенного исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что наличие внутренней мотивации у супругов напрямую коррелирует с удовлетворенностью браком ($r=0,47$, $p=0,0001$). Это означает, что чем выше уровень самоактуализации личности, тем больше вероятность того, что супру-

ги будут чувствовать удовлетворенность отношениями в браке. Однако, в процессе совместной жизни многие пары сталкиваются с кризисными периодами, которые могут привести к напряженности и конфликтам в отношениях. В этот период уровень общительности и социальной активности у супругов может снижаться, так как они больше времени проводят внутри семьи, в то время как уровень степени мотивации к самоактуализации остается на прежнем уровне. Важно отметить, что эти факторы взаимосвязаны и могут оказывать влияние друг на друга в различных ситуациях. Кроме того, в исследовании выявлены общие корреляции между показателями самоактуализации личности и межличностными отношениями в общей группе респондентов (см. рис. 1).

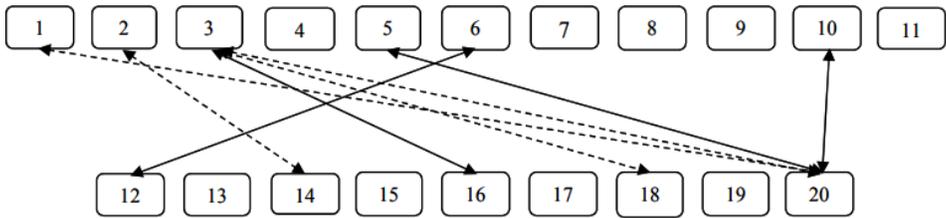

Рис. 1. Отображение визуального представления взаимосвязей между показателями самоактуализации личности и межличностными отношениями в группе мужчин, находящихся в периоде среднего супружеского возраста

На рисунке 1 представлены условные обозначения для корреляционной связи между различными показателями личности и межличностными отношениями в группе мужчин и женщин среднего супружеского возраста. Показатели, которые имеют положительную корреляцию, обозначены через символ «—», а те, которые имеют отрицательную корреляцию, обозначены через символ «- - - - -». Среди показателей присутствуют ориентация во времени (1), ценности (2), взгляды на природу человека (3), потребность в познании (4), креативность (5), автономность (6), спонтанность (7), самопонимание (8), ауто-симпатия (9), контактность (10), гибкость в общении (11), напряженность (12), отчужденность (13), конфликтность (14) агрессия (15), дисгармония отношений

(16), понимание (17), эмоциональное притяжение (18), авторитетность (19) и удовлетворенность браком (20).

Согласно результатам анализа корреляции, у мужчин среднего возраста, находящихся в браке, наблюдается положительная связь между желанием быть свободными и стремлением к автономии ($r=0,38$, $p=0,04$). Психологи гуманистического направления отмечают, что автономия является одним из ключевых факторов психического здоровья и интегральной личности. Однако, это желание мужчин быть независимыми и свободными может привести к трудностям в семейных отношениях, так как они могут не полностью выполнять свои супружеские и родительские обязанности. Это, в свою очередь, может привести к воз-

никновению напряженности в отношениях, дистанцированию и неудобству.

Также, согласно результатам корреляционного анализа, у мужчин высокая оценка своих возможностей и умений связана с дисгармоничностью межличностных отношений в семье ($r=0,39$, $p=0,03$). Вероятно, мужчины не могут терпеть дискомфорт в супружеских отношениях. Возможно, такие отношения становятся для них толчком для поиска гармонии и здоровых отношений за пределами семьи, основанных на взаимной симпатии, доверии и честности.

Этот исследовательский вывод говорит о том, что для мужчин в семейной жизни значимы такие ценности, как доброта, честность, эстетические критерии, целостность, единство, жизненная сила, уникальность, справедливость, порядок, простота и самодостаточность. Оценка этих качеств может влиять на уровень конфликтности в межличностных отношениях у мужчин. Сохранение гармоничных и здоровых отношений с людьми важно для мужчин в семейной жизни, а разрешение конфликтов в семье может способствовать этому. Если мужчина перестает находить своего брачного партнера привлекательным и чувствует усталость от общения с ним, то он может начать наслаждаться настоящим моментом и смотреть на других людей с позитивной стороны, сохраняя веру в возможности человека и свои собственные.

Результаты проведенного исследования показывают, что существуют значимые связи между показателями самоактуализации личности и удовлетворенностью браком у мужчин. Так, были обнаружены три связи: «креативность» ($r=0,54$, $p=0,002$), «взгляд на природу человека» ($r=0,38$, $p=0,04$) и «контактность» ($r=0,43$, $p=0,02$). Эти результаты позволяют сделать вывод, что творческий подход к жизни, взгляд на человека как единство с природой, а также контактность и открытость к общению являются важными для удовлетворенности мужчин в браке и семейных отношениях. Уменьшение удовлетворенности браком может стимулировать мужчин к поиску новых контактов и общению с другими людьми.

Мужчины в среднем возрасте, столкнувшиеся с проблемами в межличностных отношениях, скорее всего, пытаются компенсировать недостаток заботы и поддержки со стороны своих супругов, устанавливая контакты с другими людьми вне семейных отношений, такими как друзья, коллеги и т.д. В связи с неудовлетворенностью супружеской жизнью, мужчины стремятся жить настоящим, окружая себя людьми, которые поддерживают их и ценности, на которых они основывают свою жизнь.

Был проведен статистический анализ связи между самоактуализацией личности и межличностными отношениями в группе женщин (см. Рис. 2).

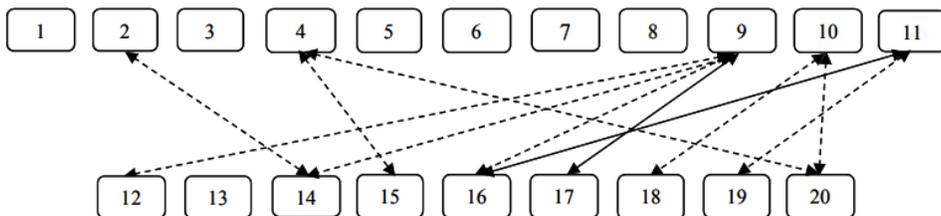

Рис. 2. Корреляционные связи между показателями самоактуализации личности и межличностными отношениями в группе женщин среднего возраста в браке

Рисунок 2 показывает графическое изображение корреляционных связей между показателями самоактуализации личности и межличностными отношениями в группе женщин среднего супру-

жеского возраста. Показатели, которые имеют положительную корреляцию, обозначены через символ «—» а те, которые имеют отрицательную корреляцию, обозначены через символ «- - - - -».

Среди показателей присутствуют ориентация во времени (1), ценности (2), взгляды на природу человека (3), потребность в познании (4), креативность (5), автономность (6), спонтанность (7), самопонимание (8), аутосимпатия (9), контактность (10), гибкость в общении (11), напряженность (12), отчужденность (13), конфликтность (14), агрессия (15), дисгармония отношений (16), понимание (17), эмоциональное притяжение (18), авторитетность (уважение) (19), удовлетворенность браком (20).

Группа женщин среднего супружеского возраста проанализирована с точки зрения корреляционных связей между показателями самоактуализации и межличностными отношениями. По результатам исследования, были выявлены статистически значимые связи между показателем «аутосимпатии» и параметрами межличностных отношений. Конкретно, наблюдались связи с «пониманием» ($r=0,39$, $p=0,03$), «напряженностью» ($r=0,41$, $p=0,02$), «конфликтностью» ($r=0,60$, $p=0,0005$) и «дисгармонией отношений» ($r=0,51$, $p=0,004$). Это говорит о том, что люди, которые имеют более высокий уровень аутосимпатии, могут испытывать трудности в межличностных отношениях и подвержены конфликтам и напряженности в отношениях с другими людьми.

Становится понятным, что уверенность в себе и положительное отношение к собственной личности являются важными факторами для развития способности понимать поведение, намерения, мысли и чувства супруга. Женщины в период кризиса среднего возраста могут иметь неоднозначное отношение к себе и колебания в своей самооценке. Негативное восприятие личности может приводить к возникновению конфликтных и напряженных отношений, в то время как стремление к созданию положительной «Я-концепции» и повышению самооценки может снизить уровень конфликтов и напряженности в межличностных взаимодействиях.

Изучение межличностных отношений у женщин является важным направлением в психологии, которое позволяет луч-

ше понять механизмы общения и взаимодействия в семейной и общественной жизни. Недавние исследования показали, что самооценка и самоактуализация личности играют важную роль в формировании здоровых и гармоничных отношений.

Женщины, обладающие положительной самооценкой и самоактуализирующиеся в общении со своими супругами, проявляют большую склонность к доброжелательности, гибкости и самораскрытию в общении с окружающими. Они лучше понимают поведение, намерения, мысли и чувства своих близких, что способствует установлению более тесных и доверительных отношений.

Однако, женщины с низкой самооценкой, негативным отношением к себе и своей личности, склонны к конфликтам и напряженным отношениям в семье. Это может привести к серьезным проблемам в отношениях с близкими и к социальной изоляции.

Для достижения более гармоничных и здоровых отношений, женщинам необходимо развивать свою самооценку и самоактуализацию личности. Необходимо уделить внимание своим духовным ценностям, а также научиться контролировать агрессивные проявления в межличностных отношениях.

В целом, изучение механизмов межличностных отношений у женщин поможет создать более гармоничные и здоровые отношения в семье и обществе, а также способствует личностному росту и развитию.

Выявленная корреляционная связь между показателями «потребность в познании» и «агрессия» ($r=0,43$, $p=0,02$) говорит о том, что женщины, занятые бытовыми делами и заботой о семье, могут испытывать трудности в управлении своими отрицательными эмоциями, что может проявляться в виде раздражительности и агрессивности. В этом возрасте у женщин повышается активность в познавательной сфере, и стремление к новым знаниям может стать компенсаторным механизмом для преодоления неблагоприятных отношений в семье. Интересно, что удовлетво-

ренность браком отрицательно связана с потребностью в познании ($r=0,53$, $p=0,002$) и социальных контактах ($r=0,51$, $p=0,004$), что может свидетельствовать о том, что женщины, чья удовлетворенность браком невысока, стремятся найти удовлетворение в общении с другими людьми и расширении своих знаний. Однако, слишком интенсивное общение и установление широких социальных контактов могут привести к разобщенности в семье и отрицательно повлиять на удовлетворенность браком. Кризис среднего супружеского возраста характеризуется напряженностью и конфликтностью в отношениях, а установление социальных контактов может стать способом преодоления монотонности и скуки в общении супругов.

Выводы

1. Важным фактором сохранения семейной гармонии и удовлетворенности браком является самореализация супругов, то есть полное проявление своих способностей и потенциала личности. Кризис среднего возраста супружеской жизни связан с необходимостью самореализации.
2. Мужчины и женщины в среднем возрасте проявляют различия в межличностных отношениях и самореализации. Женщины стремятся к зрелости, независимости и установлению контактов с другими людьми, в то время как у мужчин часто присутствует отчужденность и стремление дистанцироваться.
3. Одним из ключевых факторов снижения конфликтов в межличностных отношениях между супругами является их самореализация в области ценностей. Если супруги уважают друг друга, придерживаются принципов честности, порядка и справедливости, то они готовы к урегулированию конфликтов и достижению компромисса. Когда межличностные отношения оказываются неблагоприятными, самореализация может играть роль компенсации.
4. У женщин среднего возраста наблюдается стремление к созданию позитивной «Я-концепции», что способствует снижению конфликтов и агрессии в межличностных отношениях. С потерей эмоционального привязанности к супругу и общих интересов, женщины стараются самореализоваться в области общения.
5. Исследования показывают, что у мужчин в среднем возрасте, желание жить настоящим моментом может быть вызвано не только потерей привлекательности партнера, но также и другими факторами, такими как утомление от повседневной рутины и необходимость наслаждаться жизнью. Кроме того, уровень напряженности в супружеских отношениях у мужчин может быть связан не только со стремлением к автономии и свободе, но также и с различными факторами, такими как недостаток коммуникации и понимания со стороны партнера, несоответствие ожиданий в отношениях и т.д.
6. Удовлетворенность мужчин межличностными отношениями не связана с потребностью в межличностной самореализации, как у женщин. Люди мужского пола чаще выражают свою самореализацию в сфере свободы и автономии. Однако, для мужчин также важно сохранить независимость и свободу действий, что может приводить к конфликтам в браке. В целом, для достижения гармонии в межличностных отношениях и удовлетворенности браком важно совместное развитие и самоактуализация супругов.
7. Исследования показали, что приоритеты супругов в сфере самоактуализации могут сильно различаться. Так, один из супругов может стремиться к развитию карьеры и профессиональной самоактуализации, в то время как другой может предпочитать развиваться в сфере хобби или творчества. Важно учитывать эти различия и искать компромиссы, чтобы обеспечить равноправное развитие каждого супруга.
8. Кроме того, самоактуализация и развитие личности могут привести к изменениям в семейных ролях. Напри-

мер, если один из супругов ранее был ответственным за домашние дела, то при достижении новых успехов в карьере может возникнуть потребность в перераспределении обязанностей в семье. Важно обсуждать подобные изменения и находить решения, которые удовлетворяют каждого члена семьи.

В целом, самоактуализация и развитие личности супругов являются важными факторами для достижения гармонии в межличностных отношениях и удовлетворенности браком. Важно помнить, что каждый человек имеет свои индивидуальные потребности и интересы, и чтобы достичь равновесия в отношениях, необходимо учитывать их и работать над совместным развитием и реализацией потенциала каждого супруга.

Литература

1. Алешина, Ю.Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни: дис. ... канд. психол. наук / Ю.Е. Алешина. – М., 2011. – 250 с.
2. Альбуханова–Славская, К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности / К.А. Альбуханова-Славская // Психология формирования и развития личности: сб. ст. / под ред. Л.И. Анцыферова. – М., 1981. С. 19–44.
3. Андреева, Т.В. Психология современной семьи / Т.В. Андреева. – СПб.: Речь, 2015. – 215 с.
4. Асмолов, А.Г. Психология личности культурно-историческое понимание развития человека / А.Г. Асмолов. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Смысл: Академия, 2007. – 528 с.
5. Братусь, Б.С. Русская, советская, российская психология: Конспективное рассмотрение / Б.С. Братусь. – М.: Флинта, 2000. – 85 с.
6. Бьюдженталь, Д. Искусство психотерапевта / Д. Бьюдженталь. – М.: Корвет, 2015. – 320 с.
7. Вахромов, Е.Е. Понятия «самоактуализация» и «самореализация» в психологии / Е.Е. Вахромов // Психолого-педагогические проблемы развития личности в современных условиях. Психология и педагогика в общественной практике: сб. науч. трудов. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 15–17.
8. Дружинин, В.Н. Психология семьи / В.Н. Дружинин. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2006. – 176 с.
9. Духновский, С.В. Психология отношений личности: монография / С.В. Духновский. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. – 380 с.
10. Зубкова, Е.А. Особенности семейной и трудовой самореализации личности: автореф. дис. ... кандидата психологических наук / Е.А. Зубкова. – Курск, 2006. – 21 с.
11. Коростылёва, Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Л.А. Коростылёв. – СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
12. Корсун, И.В. Детерминанты развития личности в процессе супружеского взаимодействия: автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.В. Корсун. – Сочи, 2007. – 27 с.
13. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб.: Питер, 2016. – 352 с.
14. Перлз, Ф. Теория гештальттерапии / Ф. Перлз. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2008. – 320 с.
15. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 479 с.
16. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2004. – 720 с.
17. Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343 с.
18. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
19. Эйдемиллер, Э.Г. Психология и психотерапия семьи / Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 672 с.

20. Юнг, К.Г. Отношения между «Я» и бессознательным / К.Г. Юнг // Очерки по аналитической психологии. Минск, 2003. – С. 200.
21. Юшина, О.А. Самоактуализация личности, детерминированная брачными отношениями: автореф. дис. ... канд. психол. наук / О.А. Юшина. – Казань, 2006. – 26 с.

PROBLEMS OF SELF-REALIZATION OF MEN AND WOMEN IN THE CONTEXT OF RELATIONSHIPS IN FAMILY LIFE

Alexandrova E.A.

Women's online school "Point G"

The article deals with an urgent task in family psychology – the study of socio-psychological aspects of family relations. Attention is paid to interpersonal relations between spouses, satisfaction with marriage, stability and stability of relations. The occurrence of problems in the family can be associated with several factors, including a violation of communication, a decrease in the feeling of love and security, as well as an increase in emotional and personal problems. In light of this, it becomes important to study the factors that contribute to the creation of psychologically healthy relationships in marriage, including personal self-development. However, the concept of self-actualization has different interpretations in foreign psychology and requires additional research and clarification. In general, the article emphasizes the importance of studying the psychological aspects of family relations and the need to develop new theories and concepts in this area.

The article also presents a study in which the problem of self-actualization of personality in the context of interpersonal relations of spouses was considered. The study involved 80 people-spouses from middle-aged families. The participants were measured by indicators of self-actualization of personality, quality of interaction, emotional relationships, understanding, emotional attraction, respect and satisfaction with marriage. The results showed that men and women have significant differences in self-actualization and interpersonal relationships. Women strive for maturity, independence and social connections, while men have more pronounced alienation and the desire to distance themselves. In addition, a correlation analysis was carried out. Women are more characterized by

conflict and aggression in interpersonal relationships, and men have tension in marital relations associated with the desire to achieve autonomy and freedom. It was also found that women have a high level of desire for self-knowledge and the creation of a positive "Self-concept" associated with a low level of conflict and aggression in interpersonal relationships. For men, the level of tension in marital relations is associated with their desire to be more autonomous and free.

Keywords: interpersonal relationships, conflict, marital satisfaction, maturity crisis, self-actualization, correlation analysis, family relations, average marital age.

References

1. Alyoshina, Yu.E. Satisfaction with marriage and interpersonal perception in married couples with different experiences of family life: dis... Candidate of Pedagogical Sciences / Yu.E. Alyoshina... Candidate of Technical Sciences. psychological sciences / Yu.E. Alyoshina. – M., 2011. – 250 p.
2. Albukhanova–Slavskaya, K.A. Personality development in the process of life / K.A. Albukhanova-Slavskaya // Psychology of personality formation and development: collection of articles / edited by L.I. Antsyferov. – M., 1981. – pp. 19–44.
3. Andreeva, T.V. Psychology of the modern family / T.V. Andreeva. – St. Petersburg: Speech, 2015. – 215 p.
4. Asmolov, A.G. Personality psychology cultural and historical understanding of human development / A.G. Asmolov. – 3rd ed. ispr. and additional – M.: Sense: Academy, 2007. – 528 p.
5. Bratus, B.S. Russian, Soviet, domestic psychology: a summary / B.S. Bratus. – M.: Flint, 2000. – 85 p.
6. Buzhental, D. The art of a psychotherapist / D. Buzhental. – M.: Corvette, 2015. – 320 p.
7. Vakhromov, E.E. Concepts of "self-actualization" and "self-realization" in psychology / E.E. Vakhromov // Psychological and pedagogical problems of personality development in modern conditions. Psychology and pedagogy in public practice: a collection of scientific papers. – St. Petersburg: Publishing House of the A.I. Herzen State Pedagogical University, 2010. – pp. 15–17.
8. Druzhinin, V.N. Psychology of the family / V.N. Druzhinin. – 3rd ed. – St. Petersburg: Peter, 2006. – 176 p.
9. Dukhnovsky, S.V. Psychology of personal relations: monograph / S.V. Dukhnovsky. –

- Kurgan: Publishing House of Kurgan State University, 2014. – 380 p.
10. Zubkova, E.A. Features of family and labor self-realization of personality: abstract. dis... cand. Psychological sciences / E.A. Zubkova. – Kursk, 2006. – 21 p.
 11. Korostyleva, L.A. Psychology of personal self-realization: difficulties in the professional sphere / L.A. Korostyleva. – St. Petersburg: Speech, 2005. – 222 p.
 12. Korsun, I.V. Determinants of personality development in the process of marital interaction: abstract. dis. ... candidate of Pedagogical Sciences / I.V. Korsun... candidate of Technical Sciences. psychological sciences / I.V. Korsun. – Sochi, 2007. – 27 p.
 13. Maslow, A. Motivation and personality / A. Maslow. – St. Petersburg: Peter, 2016. – 352 p.
 14. Perls, F. Theory of gestalt therapy / F. Perls. – M.: Institute of General Humanitarian Research, 2008. – 320 p.
 15. Rogers K. A look at psychotherapy. The formation of man / K. Rogers. – M.: Progress: University, 1994. – 479 p.
 16. Rubinstein, S.L. Fundamentals of general psychology / S.L. Rubinstein. – St. Petersburg: Peter, 2004. – 720 p.
 17. Modern psychology of motivation / edited by D.A. Leontiev. – M.: Sense, 2002. – 343 p.
 18. Frankl, V. Man in search of meaning / V. Frankl. – M.: Progress, 1990. – 368 p.
 19. Eidemiller, E.G. Psychology and psychotherapy of the family / E.G. Eidemiller, V. Justitskis. – 4th ed. – St. Petersburg: Peter, 2008. – 672 p.
 20. Jung, K.G. The relationship between the “I” and the unconscious / K.G. Jung // Essays of analytical psychology. Minsk, 2003. – p. 200.
 21. Yushina, O.A. Self-actualization of personality determined by marital relations: abstract. dis... Candidate of Pedagogical Sciences / O.A. Yushina. .. Candidate of Technical Sciences. psychological sciences / O.A. Yushina. – Kazan, 2006. – 26 p.

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

An Enrui. Trends and Peculiarities of Changes in the Social Needs of Chinese Society under the Influence of the COVID-19 Pandemic 4

Bao Xinkai. The correlation of marxist ideas and traditional culture in Chinese society 11

Volkov Yu.G., Semenenko D.A. The institute of education as a factor in the formation of Russian civil identity 16

Dankova V.V. Family and reproductive attitudes of Moscow youth: analysis of the results of a sociological study 25

Loboiko D.A. Milovan Djilas’ “New class” as a descriptive model of the political and administrative elite of Post-Soviet Russia..... 36

Fazulianova S.N., Loginova I.A., Yakovlev A.V. Competence of Samara region residents in cybersecurity issues: the experience of sociological measurement..... 40

Lurye A.A. Labor migration and the Russian labor market..... 49

Ravochkin N.N., Sekacheva V.M. Transformation of youth leisure practices under the influence of the COVID-19 pandemic: based on the results of a survey of youth in the Kemerovo region – Kuzbass 53

Sadykova R.R. The social phenomenon of linguistic mimicry in foreign and domestic literature 59

Sekhleian S.A. The Impact of Cultural Globalization on Russia’s Social Institutions..... 65

Trinadtsatko A.A. Digital remote communities of blind and visually impaired people as an environment for the realization of their socio-cultural potential 70

Shukshina L.V., Pozharskaya E.L., Kogai I.A., Eyfir M.M. Features of the impact of digital transformation on the professional relevance of the individual 81

Yakovleva O.I. Professional socialization of the master degree students in higher education institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia 86

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Gostenina V.I., Melnikov S.L. The economic triad of production efficiency and its modern complement – social capital 93

Yang Zhicheng. Ways for forming innovative climate in the work team..... 101

SOCIOLOGY OF CULTURE

Skobeleva G.A. Aesthetic perception of time in the art of the first third of the 20th century: on the example of the novel “The Magic Mountain” by T. Mann, the mono-opera “Waiting” by A. Schoenberg and five pieces for string quartet by A. Webern 109

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Novopashin S.A. The influence of the ideas of Russian cosmism in the development of the philosophy of transhumanism and posthumanism 118

SOCIAL PHILOSOPHY

Popov V.V. Socio-phenomenological approach to intersubjectivity in the system of subjective time of an individual with limited possibilities 125

Shafigullin V.A. Philosophical Problems of Modern Society..... 131

Shipunova O.D., Kvashenko N. Yu. Intersubjective factors of constructing life world of personality in digital culture..... 138

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Alexandrova E.A. Problems of self-realization of men and women in the context of relationships in family life 144

